PG 3447
.Z28 E6
1866
Copy 1

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Эпопея
1865?
Михаилу Петровичу
отъ автора.

ЭПОПЕЯ

ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

ИППОЛИТА ЗАВАЛИШИНА.

862—1862.

«Скатла Рѹсь».

МОСКВА.
ТИП. ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТ. ВОСТ. ЯЗ. (А. МАМОНТОВЪ), АРМЯНСКІЙ ПЕР. № 14.
1866.

ЭПОПЕЯ
ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ.

Zavalishin, Ippolit

Ёфорета

сцк

tysiacheletia

ЭПОПЕЯ
ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

ИППОЛИТА ЗАВАЛИШИНА.

862—1862.

«Скатаѧ Рꙋсь.»

МОСКВА.
1866.

PG 3447
Z28 E6
1866

Дозволено цензурой. Москва. Августа 7 дня, 1865 года.

Тип. Лазаревскаго инст. (А. Мамонтовъ). Арм. пер. № 14.

Ост. 1-73
I 8

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нынѣшнюю знаменательную историческую эпоху русскаго народа, среди которой и намъ суждено дѣйствовать—всякое доброе стремленіе возвысить, облагородить, просвѣтлить умъ и сердце, есть несомнѣнно честная услуга Царю и Отечеству. Какъ бы и чѣмъ бы сіе ни было выражено—оно можетъ, оно должно быть полезно.

Такой мыслью былъ я руководимъ, предпринявъ «Эпопею тысячелѣтія», вѣрное изображеніе современной Россіи: въ ея великихъ памятникахъ и великихъ людяхъ, благородныхъ порывахъ и утѣшительныхъ надеждахъ, во всёмъ, что она теперь мыслитъ и чувствуетъ. Это не эпопея, какъ ее понимали древле и какъ ее понимаютъ доселѣ на классическомъ западѣ и чему нѣкогда подражали такъ рабски и въ Россіи. Нѣтъ! Это русская народная эпопея, единовозможная въ наше практичное время; это дѣло творчества разумнаго и прогрессивнаго; наконецъ—эта книга не только сердцу, но и уму всегда пригодная, а въ очень многомъ и полезная.

Изъ Петербурга, сего государственнаго средоточія нынѣшней Россіи, русскій человѣкъ идетъ «паломничать» по дорогому ему отечеству, поклониться его святынямъ, почтить его историческіе памятники, побывать на поляхъ битвъ, помолиться въ славныхъ обителяхъ и древнихъ соборахъ, сочетаться мыслью и сердцемъ со всѣмъ

русскимъ. И вотъ, испаломничавъ въ первой книгѣ Петербургъ и его окрестности, приходитъ онъ въ началѣ второй въ сѣверныя губерніи, посѣщаетъ пустынный Валаамъ и дикіе Соловки, Олонецъ и Архангельскъ (оба звучащіе именемъ Петра Великаго), заглядываетъ въ Остзейскій край и Финляндію, идетъ поклониться «господину великому Новгороду» съ его славнымъ «памятникомъ тысячелѣтія» и «молодшему брату» Пскову, помечтать надъ могилами Державина и Пушкина.... А вотъ и Иверская обитель, созданіе Патріарха Никона! Вотъ зеркальный Селигеръ и Нилова пустынь, Тверь и Отрочь-монастырь съ кельей мученика за правду Святаго Митрополита Филиппа. Вотъ наконецъ и Петровскій дворецъ, гдѣ доселѣ встаетъ развѣнчанная тѣнь Наполеона, а тамъ, вдали, и матушка Москва «золотыя маковки», сердце нашей Святой Руси!

Третья книга начинается палладіумомъ Москвы и Россіи, завѣтной святыней Кремля, у гробовъ Царей въ Архангельскомъ соборѣ. Шагъ за шагомъ, мысль за мыслью, молитва за молитвой, проходитъ русскій человѣкъ «паломнически» и по Москвѣ, какъ онъ проходилъ по Петербургу. Тутъ, что этотъ шагъ, то великое событіе! что эта мысль, то великое воспоминаніе! что эта молитва, то великое имя! Здѣсь-то должно́ поучаться юной Россіи: «никогда не забывать своего тяжкаго, но все же роднаго ей прошедшаго, еще сердечнѣй любить настоящее, еще теплѣй вѣрить въ будущее». Въ четвертой книгѣ идетъ паломникъ изъ этой славной Москвы на Бородинское поле.... А вотъ и древній Смоленскъ съ «крестнымъ путемъ» Наполеона, приснопамятныя Березина, Вильно и Варшава, Волынь и Подолія.... Вотъ святая колыбель вѣры и народности, Кіевъ, съ его Печерской Лаврой;

памятникъ Полтавской битвы, благословенная Украина. Теченіемъ Днѣпра достигаетъ онъ Чернаго моря. Тутъ поэтическій Крымъ, благородныя развалины Севастополя, сумрачный Херсонесъ Святаго Владиміра. А отселѣ только шагъ на покорный уже нынѣ Кавказъ, къ двухглавью ветхозавѣтнаго Арарата и къ сѣдому Каспію. Здѣсь стоустное жерло матери русскихъ рѣкъ, благодатной Волги и торговая Астрахань, преддверіе Святой Ру́си.

Пятая и шестая книги изображаютъ внутреннія губерніи наши и далекую Сибирь. Изъ богатаго Саратова, чрезъ тучноземные Пензу и Тамбовъ, идетъ опять паломникъ въ Орелъ и Тулу, Рязань и Владиміръ, Ярославль и Кострому, въ Нижній Новгородъ съ его громадной ярмаркой и въ древнюю Казань Іоанна Грознаго. Чрезъ лѣсистую Вятку и горнозаводскую Пермь, заглянувъ въ привольный Оренбургскій край, онъ переходитъ Уральскія горы, извѣчную грань между Европой и Азіей. Еще шагъ и онъ уже въ Сибири! Вотъ Омскъ, передовой станъ Россіи у воротъ Средней Азіи; а вотъ торговая Тюмень, заглохшій Тобольскъ, золотоносные Томскъ и Иркутскъ, оригинальная Кяхта, полное будущности Забайкалье, богодарованный Приамурскій край! Здѣсь теплыя волны Восточнаго Океана, алмазная дверь Ру́си въ Индію.... Торжественная молитва Богу, благодѣющему всегда и во всемъ Россіи, заключаетъ «Эпопею тысячелѣтія» объемля въ общей благодарной мысли: наше тяжко-трудовое прошедшее, наше утѣшительное настоящее, славное будущее, отнынѣ насъ ожидающее!

Такова простая но плодотворная мысль «Эпопеи тысячелѣтія». Счастливымъ почитать себя буду, если она достигнетъ той цѣли, къ которой я, созидая ее, стремился: «поучать всѣхъ и каждаго честно служить Россіи

по своему крайнему разумѣнію, любить сердечно Царя, ведущаго теперь эту Россію путемъ прогресивнаго развитія и самопознанія, вѣрить тепло въ Бога, который вотъ уже тысячу годовъ ущедряетъ насъ своей благостію и впредь несомнѣнно ущедрять всегда будетъ!».

ЭПОПЕЯ

ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ.

862—1862.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Царь повелѣлъ! И въ мигъ — откликнулась Россія.
Тысячелѣтія дѣла̀ давнобылыя,
Но сердцу присныя торжественно почтить;
А съ царскаго дворца до хижины смиренной—
Принёсъ посильну дань на памятникъ священный
Всякъ, кто умѣетъ Русь душой и мыслью чтить;

Кто помнитъ праотцевъ великія дѣянья,
Ихъ тяжкіе труды и горькія страданья,
Кто не забылъ, что Русь лишь ими создана̀;
Что ихъ мечемъ. умомъ и вѣрой въ провиденье,
Держава возрасла на міра удивленье
Теперь, какъ древле Римъ, ихъ кровью спаяна̀!

Что если бъ не было Святителей великихъ,
Молившихся за Русь во дни усобицъ дикихъ
И въ даль прозорливо глядѣвшихъ за народъ;
Что если бъ не было Царей, одушевленныхъ
Любовію къ Своей Россіи, вдохновенныхъ
Завѣтной думою..... иной намъ былъ исходъ!

Что если бъ не было Стратиговъ благородныхъ,
Свою жизнь въ жертву намъ отдавшихъ въ безъисходныхъ
Тысячелѣтія отжившаго борьбахъ:
Отъ Святослава до Нахимова, искавшихъ
Лишь чести умереть со славой и пріявшихъ
Смерть за Россію..... быть не тѣмъ бы намъ въ вѣкахъ!

Что если бъ не было тѣхъ тружениковъ честныхъ,
Которые въ тиши завѣтной, въ безъизвѣстныхъ
Для міра уголкахъ— отъ кельи до сѣтей
Убогихъ рыбаря — народъ свой поучали
Сказаньемъ о странѣ и пѣснью возвышали
Духъ самобытности..... не сбросить намъ цѣпей!

Вотъ почему народъ передъ Святой Софіи
Соборомъ ,,Памятникъ'' поставилъ, бытовыя
Начала Руси въ нёмъ торжественно почтивъ;
Вотъ отчего пришли: Царь и народъ, въ священный
8 Сентября день, въ Новгородъ смиренный
И падшій нынѣ градъ — колѣно преклонивъ

Предъ этою горой мѣдяной, воплощеньемъ
Тысячелѣтія, молится съ умиленьемъ
За Русь великую! Чтобъ Богъ ей даровалъ,
Въ тысячелѣтіе второе днесь вступая
И лучшей жизнью весь строй Руси обновляя,
Идти теперь путемъ, что Царь ей указалъ:

,,Стараться сочетать съ свободою разумной
Духъ безкорыстія, трудъ честный; волей умной
И стойкой, улучшать народный бытъ; душой
Стремиться къ полному развитью просвѣщенья,
Въ согласьи тѣсномъ жить сословій, единенья
Мыслѐй и чувствъ искать всей сѐрдца полнотой!''

На семъ лишь зиждиться теперь тебѣ Россія
Твое грядущее, тутъ истинно живыя
Начàла кроются развитія страны;
Не забывай же днесь — порогъ переступая
Тысячелѣтія втораго — что святая
И братская любовь, есть счастье внѣ цѣны!

А вы, о братія! Паломнику внемлите,
Къ немудрымъ пѣснямъ симъ привѣтно слухъ склоните,
Тысячелѣтіе Россіи въ нихъ живётъ
Великой памятью! А каждый шагъ наглядно
Даетъ уразумѣть понятно и отрадно,
Какъ Богъ благословлялъ нашъ доблестный народъ!

И если любите вы искренно Россію,
И если въ сердцѣ вы — въ символы впрямь живые —
Себѣ поставили: ея свободу, честь
И славу; если вы отечествомъ гордитесь,
Надъ многимъ здѣсь душей и сердцемъ умилитесь,
Ибо народнымъ вамъ звучитъ тутъ всё что есть!

Молитесь же за Русь и вѣрьте! Единенье
Народа — сила есть и жизненность, спасенье
И слава въ будущемъ..... И если увлечёнъ
Хотя одинъ изъ васъ, въ сихъ пѣсняхъ, мыслью будетъ
Къ тому, что дорого намъ Русскимъ, и возбудятъ
Онѣ сочувствіе — я трижды награждёнъ!

1.

Привѣтствую тебя — тѣнь мужа вѣковаго,
Полночный исполинъ, духъ истинно благой,
Пришедшій всё создать своимъ державнымъ словомъ,
Дать жизнь странѣ, гдѣ всталъ могучею пятой;
Привѣтствую тебя! Молю — воспѣть готовый
Стятую Русь — воззри на этотъ трудъ родной,
На пѣснь немудрую, въ которой ублажать
Хочу я дѣлъ твоихъ божественну печать!

2.

Гдѣ жъ намъ почтить тебя достойнѣй, мужъ великій,
Какъ не на мѣстѣ томъ, гдѣ царство обновлялъ
Ты жизнью новой и край этотъ полудикій
Такъ чудно на вѣка̀ величьемъ засѣвалъ;
Гдѣ всѣ препятствія: мятежъ, измѣну, клики
Невѣжества — ты такъ безстрашно попиралъ;
Гдѣ столько разъ себя на жертву ты принёсъ
За благо родины, божественный колоссъ?

3.

Взгляни, о низвзгляни, на рукъ твоихъ созданье!
Какъ великанъ оно росло не по годамъ,
А по мгновеніямъ, и нынѣ всѣ желанья
Далёко превзошло! Мужъ силы! Здѣсь камня́мъ
Дано ожить, чтобы воспѣть тебя, мечтанья
О чудныхъ дняхъ твоихъ прильнули здѣсь къ шагамъ
И въ Петербургѣ нѣтъ ни лоскута земли,
Гдѣ бъ мы Петровыхъ дѣлъ иль мысли не нашли!

4.

Начнемъ отсель — гдѣ духъ, столь жизненно богатый,
Преобразилъ всю Русь — пѣснь настоящихъ дней;
Не всё ль его, чѣмъ днесь въ грядущемъ мы чреваты?
Не носимъ ль на челѣ печать его мыслѐй?
Не всё ли, что теперь для націи трисвято:
Наука, умъ и трудъ (чѣмъ можемъ изъ сѣтей
Былаго вырваться) онъ здѣсь намъ указалъ
И путь нашъ нынѣшній собой уготовлялъ?

5.

Начнемъ отсель. Мы всѣ, ума и силы воли
Петра Великаго созданіе! Онъ въ насъ
Вдохнулъ къ развитію стремленье, изъ неволи
Умъ выкупилъ, впередъ подвинулъ, славный часъ
Теперешнихъ реформъ посѣялъ, на престолѣ
Примѣръ далъ какъ любить отчизну! Смѣлый гласъ
Его намъ слышится доселѣ въ той дали́,
Покровы коей мы днесь дружно совлекли.

6.

Пойдемъ поклонимся Великому! У гроба
Его должно начать пѣснь настоящихъ дней
И у костей его молиться Богу, чтобы
Онъ вразумилъ страну, на миръ и счастье ей;
Чтобъ безъ ненависти, раздоровъ, мщенья, злобы,
Могли мы довершить, что начали; прочнѣй
Ссоюзить весь народъ и на призывъ Царя
Встать человѣчеству какъ красная заря.....

7.

Ибо судьбы теперь всѣхъ націй въ Ру́си этой,
Преображающей такъ благородно бытъ
Свой; такъ возвышенно и чисто, такъ совѣтно,
Пересоздать себя возставшей.... Русь хранитъ
Отнынѣ, въ тайникѣ судебъ своихъ, отвѣты
На многи «жизненны вопросы», что горитъ
Европа разгадать.... Въ Россіи нынѣ ключъ
Къ эдему, въ коемъ всѣ избавятся отъ тучъ.....

8.

Миръ сладостный тебѣ мужъ истинно великій,
За славну жизнь твою и каждый дивный трудъ,
Тобой подъятый! миръ — за то, что ты на клики
Народа не взиралъ; за то, что ты подъ спудъ
Не схоронилъ своихъ способностей средь дикой
И праздной пышности; за то, что изъ подъ грудъ
Всѣхъ недостатковъ ты умѣлъ свой край извлечь
И огнь божественный изъ нѣдръ его изсѣчь!

9.

Придите жъ всѣ сюда учиться, какъ родную
Страну любить и ей всѣ силы посвящать,
Какъ съ просвѣщеніемъ Европы — Русь Святую,
Всегда въ душѣ своей впрямь русской сочетать!
Придите жъ всѣ сюда учиться, какъ живую
Связь дѣлать прошлаго съ грядущимъ въ благодать;
Какъ духомъ разума съ терпѣніемъ въ любви,
Жизнь новую разлить въ испорченной крови!

10.

Миръ сладостный тебѣ и спутницѣ державной
Твоей, которая духъ мощный понимать
Умѣла и въ часы сей жизни столько славной
Самоотверженно въ заботахъ помогать!
Жена могучая! Не даромъ своенравной
Игрой фортуны ей былъ жребій данъ, вставать
На тронѣ ѐбъ руку съ гигантомъ вѣковымъ;
По праву «сладкій миръ!» скажи здѣсь вмѣстѣ имъ.

11.

Вотъ Анна..... Преклонись съ душевнымъ сожаленьемъ
И призракъ Бирона надъ ней не вызывай,
Царей такъ тяжекъ путь! Не всякому же геній
Дается ѐтъ Бога..... А тепло поминай —
Елисавету близлежащую — хваленьемъ
И доброй памятью. Вотъ Петръ III.... дай
И этому Царю оцѣнку внѣ клеветъ,
Да лести, коими такъ нашъ обиленъ свѣтъ.....

12.

Но передъ этою безмолвною гробницей,
Въ которой дивная Екатерина спитъ,
Склонись съ молитвою! Великая Царица,
Кто жизнь твою хвалой безлестной не почтитъ?
Ты поняла Петра Великаго, сторицей
Россіи воздала за свой вѣнецъ; горитъ
Лучемъ безсмертія твой чудодѣйный путь
И безпристрастно намъ тебя ль не помянуть?

13.

Вотъ Павелъ I..... Миръ тебѣ — страны отрада
И счастье, Александръ, могучій Царь Царей;
«Благословеннаго» стяжавшій, какъ награду
За жизнь прекрасную, названье отъ людей!
Благодаримъ тебя отъ всей души — преграда
Злу, бичь тираніи, спаситель изъ цѣпей
Завоевателя и четверть вѣка намъ
Благотворившій всё, примѣромъ всѣмъ Царямъ!

14.

Вотъ Николай. Склонись предъ тѣнью величавой!
Здѣсь «рыцаря креста» останки нынѣ спятъ
Того, кто тридцать лѣтъ Россію вёлъ со славой
И даже отдалъ ей могучей жизни кладъ!
Кто въ смертный часъ сказать могъ о себѣ по праву:
«Что честно выполнилъ долгъ царскій.» И почтятъ
Въ потомствѣ памятью достойной, долги дни
Его державства, славъ исполнены они!

15.

Да будетъ сладкій миръ надъ кладбищемъ державнымъ[1],
Сей «нивой Божіей», засѣянной вѣнцовъ
Обильной жатвою, всё это днесь издавна
«Персть вѣтшана деньми» во мракѣ сихъ гробовъ!
Да будетъ каждый день ихъ (бѣдствіемъ иль славой
Ознаменованъ здѣсь) предъ Судіей вѣковъ
Зачтенъ имъ благостно, во имя правды той,
Которой судъ лишь впрямъ безсребрено — святой!

16.

Да будетъ имъ легко подъ помостомъ Собора
Теперь, когда ихъ жизнь стоитъ обнажена
А на гробахъ чертитъ безъ лести и потвора
Дѣла ихъ, истина ко праху склонена!
Приди сюда! И здѣсь — окинь глубокимъ взоромъ
Ихъ усыпальницу: когда и тишина
Ночная, и сей лучъ лампадки золотой
Едва мерцающей, думъ взбудятъ цѣлый рой.....

17.

А вкругъ тебя висятъ кровавые трофеи
Двухвѣковой борьбы съ Османами [2] и ты
Отъ сихъ гробовъ (гдѣ мысль безсмертная яснѣе
Что годъ, намъ видится) невольно всѣ мечты
Перенесешь къ брегамъ Босфора..... Тамъ вдовѣетъ,
Во всёмъ величіи духовной красоты,
Та — коей плѣнъ, съ Петра Великаго до дней
Намъ Николая, былъ чѣмъ дальше тѣмъ горьчѣй!

18.

Межъ тѣмъ, всё сладко спитъ! Громадная столица
И бурная Нева въ гранитномъ ложѣ спитъ;
А даже тамъ, въ выси, Архангелъ (что на шпицѣ
Соборномъ) тожъ притихъ съ трубой Суда....И мчитъ
Волна, какъ нашихъ дней всё мчится вереница,
Лишь окликъ часовыхъ мгновенно пробѣжитъ,
Да кое гдѣ фонарь, полуугасшій лучъ
Окажетъ сквозь туманъ, аль мѣсяцъ изъ за тучъ

19.

Внезапно выплыветъ и мрачныхъ укрѣпленій
Угрюмой крѣпости громаду озаритъ
Съ Архангеломъ въ выси, трубой Суда священной,
Готовымъ вострубить симъ мертвымъ! Тяжко спитъ
Всё....Вырвемся отсель, здѣсь душно, впечатлѣній
Сихъ долго выносить нельзя живымъ, сокрытъ
Предъ коими тотъ міръ загробный, гдѣ душей
Уже обнажены мы встанемъ предъ Судьей!

20.

Близъ праха «Дивнаго» досель живъ ботикъ славный,
«Дѣдъ флота русскаго» [3], подавшій перву мысль
Петру Великому и волею державной
Осуществившій флотъ. Приди и преклонись!
Здѣсь ключъ къ грядущему, къ той силѣ въ чёмъ издавна
Необходимости дней будущихъ слились
Съ «вопросомъ жизненнымъ» могущества. Намъ флотъ
И арміи — равно спасенье и оплотъ.....

21.

Но перейдемъ Неву. Насъ увлекла картина
Великолѣпная соборовъ и дворцовъ,
А среди ихъ сей столпъ гранита-властелина,
Вѣнецъ чудесъ! [4] Вотъ крестъ златой до облаковъ
Возносится на сей колоннѣ; онъ годину
Великую встаетъ напомнить и боевъ
Громадныхъ дивну цѣпь, которая съ Москвы
И до Монтмартра міръ опутала.....Гдѣ жъ вы

22.

Титаны тѣхъ годовъ и впрямъ желѣзны люди,
Которыхъ Богъ послалъ, чтобъ ветхій міръ поднять
Съ основъ двухъ тысячъ лѣтъ, и коихъ мощны груди
Могли средь этихъ бурь убійственныхъ дышать?
О! слава вѣчная Россіи; не забудетъ
Ея жертвъ цѣлый міръ и какъ она возстать
Умѣла на враговъ! По праву жъ Церковь намъ
Узаконила чтить годъ памятный вѣкамъ! [5]

23.

А отъ колонны сей родной, краснорѣчивой
Своимъ величіемъ, перенесемъ свой взоръ
На спящій въ тишинѣ ночной дворецъ массивный,
Созданіе генія Растрелли и съ тѣхъ поръ
Возобновленный. [6] Здѣсь нашъ духъ нацьелюбивый
И чтущій родину, найдетъ себѣ опоръ
И пищи много, чтобъ съ прошедшимъ сочетать
Мысль тёплую свою и Русь благословлять!

24.

Проникнемъ же въ часъ сей полуночи священной
И мирной во дворецъ....Что за чертога намъ
Громада тёмная предстанетъ озаренна
Такъ сладостно луной, въ наитіе мысля́мъ? [7]
Вотъ въ самой глубинѣ чертога, незабвенный
Царь-вождь на боевомъ конѣ, а по бокамъ
Его мчатъ тоже въ бой два друга и Царя,
Одной съ нимъ мыслью и желаніемъ горя́;

25.

Вокругъ сихъ трехъ Царей, стратиги ихъ сѣдые,
Тѣ фельдмаршалы, которыхъ не забылъ
Доселѣ міръ: Барклай, Кутузовъ, вѣковыя
Для Руси имена! А далѣе, какъ милъ
Душѣ ликъ тѣхъ сыновъ воинственныхъ Россіи,
Которые вдоль стѣнъ возстали тутъ, чтобъ чтилъ
Въ одномъ ты взглядѣ тотъ великій годъ борьбы,
Когда отечества возвысились судьбы

26.

И выполнила Русь свое святое дѣло,
Спасла себя и міръ, возстала какъ одинъ
Съ Царя до мужика! И бурей загудѣла,
А въ прахъ низринутъ былъ желѣзный исполинъ!
Миръ сладкій тѣмъ отцамъ и братіямъ! Умѣла
Рука ихъ быть крѣпка, а сердце стойко! Сынъ
Ихъ можетъ съ гордостью въ чертогѣ симъ казать
Ликъ добляго отца, въ примѣръ и дѣтямъ дать!

27.

Здѣсь, въ этотъ часъ ночной, колѣно преклоняя,
Помолимся за нихъ борцовъ страны родной,
Пролившихъ кровь свою отечество спасая
И раны славныя пріявшихъ въ вѣковой
И чудный памятникъ! Увы! Что годъ, склоняя
Сѣдую голову и мечъ свой боевой,
Сжимая въ длани всё хладѣющей.... во слѣдъ
За ихъ Вождемъ, они нисходятъ въ гробъ! Завѣтъ

28.

Оставивши своихъ дѣлъ славныхъ, чтобъ Россія
Всегда имѣла ихъ великимъ образцомъ,
И если бъ Богъ послалъ такія жъ вѣковыя
Ей испытанія, возстала такъ съ мечемъ
На дерзкихъ пришлецовъ! А жертвы трисвятыя
За Русь принесши всѣ—оставила потомъ
И правнукамъ своимъ такой же образецъ,
Какимъ двѣнадцатый годъ былъ для всѣхъ сердецъ!

29.

Но выйдемъ изъ сего великаго чертога,
Достойнаго страны великой, и пойдемъ
На площадь, гдѣ опять насъ ждётъ и очень много
Воспоминаній!...Вотъ стоитъ скала. Въ крутомъ
Подьёмѣ глыбы сей гранитной, будто Богу,
Подножіе тутъ есть, въ величіи святомъ
Символа вѣчнаго незыблимости той,
Которая дана отечеству судьбой;

30.

А что за всадникъ, длань простерши надъ пучиной
Невы, змія поправъ, недвижимъ на скалѣ
Сей, зорко устремивъ взоръ въ дали, какъ святыня
Потомству предстоитъ? На мѣдяномъ челѣ
Спокойствіе души могучей, вѣрой сильной;
И длань простертая, какъ будто бы землѣ
И морю подъ пятой властительно грозитъ?
То памятникъ Петру Великому стоитъ! [8]

31.

Мысль благородная, подножіе какого
Опричь его нельзя для статуи имѣть;
Ибо онъ самъ скалой взносился, съ мѣдяною
Душей и съ волею желѣзной, чтобъ «хотѣть!»
Ибо въ симъ зміѣ въ прахъ раздавленномъ пятою
Коня могучаго есть память, какъ презрѣть
Онъ всѣ препятствія и всѣ крамолы могъ;
Какъ мчался всё впередъ Россіи полубогъ!

32.

Здѣсь, онъ по праву средь своихъ чудесъ! Закона
Святилище Сенатъ [9], Синодъ, которымъ онъ
Упрочилъ Церкви жизнь [10], дворецъ, въ которомъ съ трона
Ему подобный Царь счастливитъ Русь, взнесёнъ
Горою мраморовъ соборъ [11] (какъ будто съ лона
Волнъ вставшій на-диво и Русью посвящёнъ
Петру Великому, какъ памятникъ святой
Тому, кто такъ умѣлъ пожить за край родной),

33.

Адмиралтейство [12], гдѣ державный плотникъ въ потѣ
Лица̀ трудился самъ, примѣръ собой казалъ,
Какъ просвѣщать народъ и что должно́ заботой
Быть истой для Царей; и Главный Штабъ [13], гдѣ всталъ
Тожъ памятникъ ему (ибо мечемъ работалъ
Онъ какъ и топоромъ, училъ и побѣждалъ:
Полтавской битвы день великій есть живой
Свидѣтель, чѣмъ былъ Петръ, работникъ міровой)!

34.

Но что за всадникъ съ сей осанкой горделивой
И непреклонной мчитъ на мѣдяномъ конѣ
Передъ Исакіевскимъ соборомъ, въ коемъ живы
Нача̀ла дней Петра? Склонись—и въ глубинѣ
Души скажи ему: «миръ!» Здѣсь краснорѣчиво
Протекшихъ тридцати лѣтъ царства какъ во снѣ
Намъ повѣсть громкая и славная встаетъ
И Николая чтитъ досель его народъ [14].

35.

И что за дивная родная намъ картина, —
Когда окинувши ты площадь взоромъ, всёй
Душою сблизишь двѣ эпохи: исполина
На сей крутой скалѣ взнесеннаго (въ живой
Символъ Россіи, впрямь гранитной средь пучины
Событій и вѣковъ) да всадника душей
Возставшаго за крестъ и „labarum“ завѣтъ
Родной Византіи..... ужель тутъ мысли нѣтъ?

36.

О мы не вѣримъ, чтобъ валы Севастополя
И кровь героевъ, тамъ сложившихъ свой животъ
За вѣру и Царя.....послѣднюю намъ долю
Изъ урны вынули грядущаго! Чтобъ сводъ
Усилій тысячи лѣтъ тщетенъ былъ и волю
Народа русскаго сковать могъ міръ, чтобъ родъ
Славянъ могъ отступить отъ исконней мечты
И преклонить свой мечь..... И самъ не вѣришь ты!

37.

Пождемъ....Но вотъ звѣздой громадной предъ тобою
Всѣ улицы вокругъ раскинулись въ одинъ
Центръ башни легкой и граціозной съ золотою
Короной корабля [15] сведенныя. Картинъ
Картина! Здѣсь Петра Великаго душею
Всегда благословишь. Онъ,чудо-исполинъ
По мысли и труду, впрямь понялъ, что́ создать
Здѣсь можно было, чтобъ міръ вѣчно удивлять.

38.

И точно, Петербургъ прекрасное созданье
Ума великаго, огромное окно
Въ Европу геніемъ прорубленное, зданью
Петра Великаго вѣнецъ! Ему въ вѣно
Грядущее, когда свершится здѣсь сліянье
Россіи съ Западомъ. Да будетъ лишь оно
Народнымъ по душѣ и чувствамъ, забывать
Россія не должна народности печать.

39.

Что шагъ — то слѣдъ Петра и какой слѣдъ великій
Да благородный! Вотъ за этою Невой
(Надъ коей указалъ онъ быть столицѣ, клики
Невѣжество презрѣвъ) та хижина [16], святой
Останокъ дивнаго. Здѣсь онъ издавна свыкшись
Съ душъ впрямь возвышенныхъ и сильныхъ, простотой
Жилъ не по царски, а поденьщикомъ простымъ,
Трудясь за Русь свою съ порывомъ столь живымъ!

40.

И перешедши мостъ (гигантскую громаду
Гранита съ чугуномъ, сей памятникъ, что намъ
Завѣщанъ днесь Царемъ почившимъ и преградой
Для прихотей Невы поставленъ) [17] видишь ль тамъ,
Гдѣ въ дни Петра была столица средь ограды
И подъ навѣсомъ, ту избушку? Въ ней вѣкамъ
Петръ путь указывалъ, и тутъ онъ въ часъ ночной,
Склонившись на руку, трудился мужъ благой!

41.

Тутъ, — въ этой комнаткѣ убогой, гдѣ лампада
Предъ Спаса образомъ всё теплится, — склонись
И вознеси мольбы къ иконѣ сей отрадной
Доселѣ немощамъ народа [18]. Помолись
Ей и за то, что въ день Полтавской битвы градомъ
Пуль осыпаема въ пылу́ сраженья жизнь
Спасла она Царя и всѣ походы съ нимъ
Свершила въ лучшій щитъ и помощь днямъ земнымъ!

42.

И наконецъ—молись въ сей храминѣ народной
(Сія бо хижина есть истый Ру́си храмъ)
За душу родственну отчизнѣ и свободно
Взгляни въ даль тёмную! Вѣрь, что Россіи тамъ
Готовитъ Богъ удѣлъ великій! Изъ природныхъ
Началъ стремясь развить отечество, сынамъ
Его дай въ образецъ науку и примѣръ,
Петра Великаго жизнь. Лучше нѣтъ намъ вѣръ!

43.

Перешагни теперь изъ хижины нетлѣнной
Въ другой завѣтъ Петра, святыню тоже намъ,
Въ тотъ Троицкій Соборъ [19], котораго священный
Крестъ первый осѣнилъ столицу. Здѣсь трудамъ
Своимъ Петръ находилъ въ молитвѣ отдыхъ, стѣны
Сіи святыня тожъ! Здѣсь съ вѣрою къ стопамъ
Онъ Господа слагалъ побѣдъ своихъ плоды
И къ Богу относилъ всѣ думы и труды!

44.

И эта площадь, намъ опять воспоминанье
Великое. Тутъ Петръ «викторіи» [20] справлять
Любилъ въ кругу своихъ сподвижниковъ, сліяньемъ
Всѣхъ классовъ общества, стараясь просвѣщать
И благородить духъ народа; тутъ мечтанье
Невольно оживитъ торжествъ его печать
Оригинальную, тѣхъ пестрыхъ «ассамблей» [21],
Подъ кровомъ шутки гдѣ таился міръ идей.

45.

Изъ реформаторовъ лишь дивный Петръ удачно
Преобразилъ народъ, всему далъ новый видъ
Не на одинъ свой вѣкъ, а на вѣка̀ Но мрачно
И тяжко для него начало было! Стыдъ
Отцу такому, сынъ невѣжда и невзрачна
Жена святоша, Дворъ крамольный..... побѣдитъ
Ли онъ? Да — побѣдилъ! За тѣмъ, что былъ душей
Весь преданъ дѣлу, въ чемъ провидѣлъ міръ иной.....

46.

И не ошибся! Вотъ хоть въ этой Биржѣ [22] взгляду
Представшей, тожъ Петра понятна мысль (здѣсь нѣтъ
Ни пяди вѣдь земли, на коей бы отрадно
Не встрѣтился ты съ нимъ, такъ живъ его намъ слѣдъ!)
И Биржа, плодъ его предвѣденія. Глядя
На тысячи судовъ изъ всѣхъ земель, полетъ
Стремящихъ къ дивному гнѣзду орла сюда,
Поймешь ты мысль Петра и плодъ его труда!

47.

Онъ свѣтло постигалъ, что двигаетъ торговля
Морская націи, что свѣточь въ ней умамъ,
Что въ сихъ товарахъ — есть съ мѣною ихъ и ловля
Да пища для души съ наитіемъ мысля́мъ,
Что отъ сближенія народовъ братствомъ кровли,
Есть и обмѣнъ идей съ прогресомъ всѣмъ путямъ
Народнымъ..... мысль сія осуществилась здѣсь,
Росла и вотъ плоды даётъ Россіи днесь!

48.

Да! ,,Человѣчество съ прогресомъ'' не идеи
Пустыя, не слова̀, а ,,Божье дѣло'' суть;
Блаженъ же тотъ народъ, кто это разумѣя
Со свѣточью ума впередъ свой держитъ путь!
Блаженъ же тотъ народъ, кто силою владѣя
Вещественной, ее употреблялъ не гнуть
Всё рабски подъ пятой, а съ теплою душей
Длань братства подаётъ въ союзъ съ нимъ трисвятой!

49.

Вотъ благородное и лучшее призванье
Для Руси нынѣшней, которая спасла
Въ тринадцатомъ году Европу и возстаньемъ
Противъ тираніи ей къ волѣ ключъ дала.....
„За угнѣтенныхъ мечъ!“ Вотъ лучшее сліянье
Силъ матеріальныхъ съ той любовію, влекла
Которая всегда народы съ впрямь живымъ
Сочувствіемъ ко всѣмъ страданьямъ міровымъ!

50.

Предъ I Корпусомъ Кадетскимъ [23] возвышаетъ
Чело гранитное увѣнчано орломъ,
Побѣдный обелискъ Румянцова [24], вставая
Прекрасной памятью тому, кто и мечёмъ
Кагула славный день вписалъ, напоминая
Побѣды Цезаря; и бывъ великъ умомъ
Гражданскимъ, всѣ пути собою украшалъ;
По праву жъ онъ, въ девизъ „non solis armis“ взялъ!

51.

Здѣсь, предъ симъ Корпусомъ, гдѣ развивалъ свой геній
Румянцовъ-юноша, героевъ образецъ,
Скажи Ангальту [25] „миръ!“ тѣхъ славныхъ поколѣній
Отцу-наставнику. Онъ будто бы отецъ
Объ нихъ заботился, для мягкихъ впечатлѣній
Самъ всё предначерталъ какъ истинный мудрецъ [26];
Духъ чести, правды и любви — имъ полагалъ
Въ основу и „людей“ для Руси воспиталъ.

52.

А это главное! Коль офицера надо
Дать войску, надо чтобъ и „человѣкомъ“ былъ
Онъ въ благороднѣйшемъ значеньи слова; складомъ
Ума и сердца, чтобъ не прозябалъ, а „жилъ“!
Вотъ воспитанья цѣль и пѣстуну награда,
Вотъ намъ къ чему должно стремиться, чтобъ любилъ
И уважалъ солдатъ вождей своихъ..... а съ симъ
Пойдетъ онъ смѣло въ бой и будетъ вѣрить имъ! [27]

53.

Кто что ни говори — разсадникъ благородный
Всѣ эти Корпуса̀ и изстари отсель
По Ру́си разнесли чувствъ много впрямь свободной
Любви къ отечеству, любви разумной (цѣль,
Которой завсегда должно желать, какъ сродной
Душѣ возвышенной). Россія — колыбель,
Народъ — младенецъ. Долгъ нашъ — честно охранять
Его, въ смиреніи и вѣрѣ воспитать.

54.

Кѣмъ лучше это впрямь священнѣйшее дѣло
Быть можетъ свершено, какъ не дворянствомъ? Въ нёмъ
Честь — есть вторая жизнь, а мысль довольно зрѣла
И опытна, чтобы вести народъ путёмъ
Образованія. Дворяне! Вотъ вамъ цѣли
Достойныя души высокой, вотъ вы въ чёмъ
Благословенія возможете стяжать
И Русь свою всегда собою украшать!

55.

Но — слава Господу! Царь сталъ въ челѣ движенья,
Самъ нынѣ мысль Свою святую намъ раскрылъ
И указалъ тотъ путь дворянству, въ чемъ спасенья
Ключъ, слава и добро разумное. Открылъ
Онъ очи всѣмъ!..... И вотъ — возстали мы стремленья
Его осуществить, чтобъ каждый брата чтилъ
Въ друго́мъ и честный трудъ (едино прочный трудъ)
Сохи развивъ умомъ, снялъ съ рукъ и съ мысли спудъ.

56.

Въ сей Академіи Наукъ, еще созданье
Петра великаго, ее онъ основать
По мысли Лейбница хотѣлъ какъ исто зданья
Задуманнаго имъ вѣнецъ [28]. Пересоздать
Умъ русскій силою науки, пониманья
Того, что̀ есть добро; къ мышленью направлять
Полезному для всѣхъ (ибо лишь мысль живой
Образованія родникъ, въ связи съ душёй);

56.

Развить и просвѣтить — вотъ славная задача,
Но примѣнительно къ началамъ русскимъ (тутъ
Лишь есть сочувствіе народа). Коль утраченъ
Духъ жизненъ истинной народности, найдутъ
Не скоро ключъ къ сердцамъ! Науки путь удаченъ
Тогда лишь коль она живётъ «для всѣхъ», растутъ
Когда въ союзѣ съ ней народы; а такой
Примѣръ намъ Институтъ Французскій, храмъ живой.

58.

Для Академіи — естъ поле необъятно:
Преображающей свой бытъ Россіи дать
Сокровище мыслѐй впрямь русскихъ, благодатно
На душу націи наукою вліять,
Вотъ трудъ апостольскій и «лѣто впрямь пріятно
Господне» для ума! Вотъ лучъ, который дать
И въ избу мужика должнò намъ широкò,
Чтобъ въ сердце онъ проникъ, запалъ въ немъ глубокò!

59.

Пройдемъ рядъ этихъ залъ, вмѣщающихъ Музеи [29]
И подивимся ихъ богатству. Здѣсь очамъ,
Наукъ великій храмъ предсталъ и всё чѣмъ зрѣетъ
Да развивается умъ; всё что можно намъ
Узнать на сей землѣ, есть.. .. Какъ благоговѣйно
Должно здѣсь вознестись душей къ Тому, Кто самъ
Зиждитель чудный есть; Кто съ мошки до слона,
Во всемъ непостижимъ и блàга купина!

60.

Вотъ «кабинетъ Петра Великаго!» [30] Взгляните
На всё, что отъ него осталось: что за умъ,
Что за дѣятельность гигантская! Прочтите
Его замѣтки — въ нихъ есть кладъ отважныхъ думъ!
Тутъ вы не жизнь его одну лишь прослѣдите
Въ безчисленныхъ трудахъ; а можете изъ суммъ
Мыслѐй его, работъ, предначертаній — дать
Намъ пищи на сто лѣтъ, чтобъ будущность создать!

61.

Вотъ образецъ Царямъ и славное служенье!
«Жить за народъ» есть впрямь державства цѣль! Какой
Награды лучше имъ, какъ не благословеній
Искать? Чего желать, какъ не пожить съ хвалой
И пользой для всего народа? Упоенья
Побѣдъ, роскошный Дворъ, лѣсть, полміра пятой
Хотя бъ раздавлено могло лежать..... ничто
Всё это, коль любви нѣтъ искренней за то!

62.

Сей Университетъ [31], хотя разсадникъ юный
И меньшій средь своихъ собратій — но идётъ
Впередъ мышленіемъ..... Зайдемъ и въ храмъ, гдѣ Бруни
И Брюлловъ памятны потомству, гдѣ цвѣтётъ
Искусство русское и не взростили втунѣ
Его на сѣверѣ холодномъ; а встаётъ
Какъ и въ Италіи (согрѣтое лучемъ
Божественнымъ) всегда намъ кистью и рѣзцомъ [32].

63.

Предъ Академіей Художествъ двѣ громады,
Исторгнутыя изъ стовратныхъ Ѳивъ, пришли
Усѣсться у Невы безмолвно тутъ и взгляду
Пытующему думъ такъ много принесли!
Туманной древности обломки, стражи града
Великаго, теперь развалины, легли
Сіи два Сфинкса [33] здѣсь урокомъ намъ живымъ —
Непрочности всего, что мы въ сей жизни чтимъ!

64.

О! приходи сюда въ часы ночей прелестныхъ,
Душистыхъ, лѣтнихъ сихъ на сѣверѣ — коль въ ткань
Жемчужно-крѣпову одѣтъ весь сводъ небесный,
А мѣсяца лучи какъ бы сребристу длань
Проводятъ по Невѣ уснувшей..... Мигъ чудесный
И поэтическій! Приди и думно стань
На этой пристани — предъ коей міръ дворцовъ,
Соборовъ, смотрится въ рѣчную гладь съ бреговъ;

65.

И вопроси тогда ты этихъ Сфинксовъ: сколькихъ
Торжествъ и славъ они свидѣтелемъ нѣмымъ
Бывали въ дни такихъ величій, коихъ только
Лишь блѣдна память намъ осталась? Мизраимъ
(Туманна колыбель исторіи), гдѣ столько
Досель сокрыто есть вѣковъ, народовъ, съ нимъ
Забытыхъ; длинный рядъ всѣхъ Ѳараоновъ, міръ
Собой наполнившихъ въ дни оны; звонкихъ лиръ

66.

Пѣснь славившая ихъ, восторженные клики
Побѣдъ, пирамиды и обелиски, свѣтъ
Дивится коимъ, не постигнувъ смысла.....дикій
Хаосъ все это днесь, ключа къ нему ужъ нѣтъ!
Чтожъ послѣ этого жизнь наша? Трудъ великій
Ума и воли что? Вѣтровъ ль пустыни слѣдъ?
И всё чѣмъ мы теперь гордимся да сильны́,
Останется ль какъ Сфинксъ обломкомъ безъ цѣны?

67.

Нѣтъ—мы безсмертны! Мысль и впрямь живое слово
Они въ насъ не умрутъ, вѣчнѣе бронзы суть;
Въ нихъ перейдемъ всегда изъ вѣка въ вѣкъ мы новый
И «живъ Богъ!» могутъ насъ съ любовью помянуть.
Мы всѣ, кто по себѣ (прошедши путь терновый
Служенья мысли) слѣдъ оставилъ — отдохнуть
Съ молитвою дано потомству будетъ тамъ,
Гдѣ мы себѣ умомъ воздвигли вѣчный храмъ!

68.

И сладко иногда я въ часъ ночной мечтаю,
Что можетъ на Руси́ не пропадетъ мой трудъ,
Что можетъ быть къ себѣ сочувствіе встрѣчая
Меня на языкѣ, родномъ мнѣ, вспомянутъ;
Что грозную судьбу трудами побѣждая,
Сниму я съ скорбныхъ дней своихъ свинцовый спудъ;
А что признательность потомства, надо мной
Взойдетъ прекрасною и чистою звѣздой!

69.

Войдемъ теперь въ сей храмъ искусства, превосходный
По мысли и красѣ формъ памятникъ ума
Кокорина. Сперва въ ту церковь, гдѣ народный
Трудъ Бруни предстоитъ для взора. Какъ нѣма
Хвала и какъ она безсильна предъ свободной
И смѣлою рукой, которая сама
Вся чувство! возмогла въ симъ образѣ создать
Моленія Христа ,,предъ чашей'' [34], благодать!

70.

Вотъ Онъ предъ вами! Ликъ божественно покоренъ
Отцу и передъ Нимъ та чаша, кою Онъ
Желалъ бы отвратить отъ устъ Своихъ. А въ взорѣ
Какое дивное величіе! Склоненъ
Онъ подъ крестомъ Своимъ, но видно, что укора
Нѣтъ на душѣ Его и въ мысли! Погруженъ
Онъ весь въ сознаніе призванья. Онъ спасать
Сошолъ и знаетъ, что смерть надобно пріять!

71.

Войдемъ въ Музеи. Вотъ ,,послѣдній день Помпеи'' [35]
Брюллова подвигъ! Холстъ ль раскинутъ на стѣнѣ?
Нѣтъ! Эпопея чувствъ. И ты благоговѣя
Предъ геніемъ, въ нѣмомъ восторгѣ; въ полотнѣ
Одушевленномъ всѣмъ могуществомъ идеи
Великой видишь жизнь и, будто бы во снѣ,
Помпеи точно зришь послѣдній скорбный день,
Когда съ лица земли, Богъ стеръ ее какъ тѣнь!

72.

А сколько въ залахъ сихъ, художниковъ великихъ
И русскихъ по душѣ! Паломникъ Воробьёвъ,
Умѣвшій передать Святой Земли тѣ дики
И мертвы горы, средь которыхъ всталъ міръ новъ;
Шебуевъ, Ивано́въ, Егоровъ, Баснинъ, лики
Святыхъ, у коихъ жизнь молитвенна; валовъ
Морскихъ пѣвецъ и другъ, тотъ Айвазовскій, въ комъ
Природа говоритъ палитрою во всёмъ;

73.

Клодтъ и Витали, два ваятеля, рукою
Искусной въ бронзу намъ умѣвшіе вложить
Жизнь генія со всей античной красотою
Формъ; сценъ народныхъ типъ возмогшій уловить
Ѳедотовъ, портретистъ Кипренскій; а душею
Поэтъ, Тонъ зодчества постигшій цѣль, взносить
Духъ къ небу; наконецъ, Микешинъ, что горой
Мѣдяной выразилъ жизнь Руси вѣковой.

74.

Качается фрегатъ на якорѣ предъ этимъ
Кадетскимъ корпусомъ, гдѣ нашихъ моряковъ
Разсадникъ [36]. Здѣсь встаютъ изъ прошлаго завѣтны
Для флота имена: гроза луны Орловъ,
Синопъ и Наваринъ родные братья въ свѣтѣ
Столь чистомъ вѣчныхъ славъ, безстрашный Чичаговъ,
Спиридовъ, мужъ добра Сенявинъ и герой
Казарскій, Головнинъ и Лазаревъ, да той

75.

Дружины моряковъ созвѣздіе младое,
Которыхъ врагъ видалъ среди своихъ траншей
Въ ночи́ вездѣ съ «ура!» а коихъ днемъ святое
Усердіе шло стать на смерть средь батарей! [37]
Хоть не привёлъ Господь помѣриться съ другою
Имъ силой вражеской, флотъ съ флотомъ, а дѣтей
Достойныхъ тѣхъ отцовъ собою показать
И русскій флагъ какъ въ старь побѣдно развѣвать;

76.

Но Севастополя валы окровавлены,
Траншеи Англичанъ съ Французами—отвѣтъ
Краснорѣчивый ихъ, себѣ тутъ дали цѣну
Они прекрасную и понялъ ихъ весь свѣтъ!
Когда нибудь придетъ чередъ и морю! Стѣны
Сіи, ужъ давшія въ сто лѣтъ такой завѣтъ
Для флота и страны, конечно воспитать
Въ томъ духѣ будутъ и честь флага укрѣплять.

77.

Пройдемъ по площади Петровской. Исаакій
Далматскій, чудное созданіе рѣзца
Витали [38], приковалъ невольно взоры. Сладко
Душѣ при мысли, что Русь храмомъ симъ отца
Отечества почтить умѣла такъ! Здѣсь ракѣ
Великаго стоять должно бы. Для творца
Россіи нынѣшней, соборъ сей, вѣковой
По праву саркофагъ есть, чудной красотой

78.

Своей, громадностью, высокимъ исполненьемъ!
Вотъ здѣсь костямъ Петра Великаго бы лечь
Въ апоѳеозѣ ихъ достойномъ! Съ умиленьемъ
Склонялись бы мы тутъ, предъ тѣмъ, надъ коимъ течь
Вѣкамъ дано съ хвалой всѣхъ націй, съ удивленьемъ
Всѣхъ странъ къ Великому; кто могъ равно и мечь
Держать стратига, и, работникъ міровой,
Брать плотника топоръ державною рукой!

79.

Въ семъ католическомъ Соборѣ двѣ гробницы
Вполнѣ вниманія достойныя: одна
Король въ ней Польскій спитъ «послѣдній» [39], а вдовицы
Чѣло мятежное изъ вѣковаго сна
Досель подъемлющей «послѣдняя страница!»
Другая жъ честностью гражданской впрямь славна,
Въ ней Гогенлинденскій и Рейнскій герой,
Моро [40] спитъ сладко въ плащъ окутанъ боевой

80.

А ты соборъ-завѣтъ! Храмъ чудный Бога брани [41],
Гдѣ тысячи знаменъ, штандартовъ и ключей
Путь кажутъ отъ Москвы къ Парижу этой данью
Кровавой съ полміра въ урокъ врагу, въ трофей
Намъ! Здѣсь мы посреди святыхъ вспоминаній
Годины вѣковой! И здѣсь среди сѣней
Неувядаемыхъ, въ вѣнкѣ своемъ живомъ
Безсмертья спитъ старикъ Кутузовъ сладкимъ сномъ! [42]

81.

Приблизься же къ его могилѣ благородной,
Она отечеству ковчегъ спасенья есть
И преклонись съ мольбой о сей душѣ народной,
Которой слава впрямь Россіи лучша честь!
Скажи Кутузову миръ сладкій, за свободу,
Которую онъ далъ отчизнѣ! Ибо здѣсь
Не слава битвъ одна лишь скрыта, а прямой
Исходъ тому, что днесь ты видишь предъ собой.

82.

Ибо двѣнадцатымъ окончилась намъ годомъ
Русь до Петровская, а отъ него до дней
Нашествія. И міръ иной насталъ народамъ,
Иной насталъ имъ путь для жизненныхъ цѣлѐй.
Когда жъ предъ гробомъ симъ защитника свободы,
Лампадка теплится и цѣлый рядъ тѣней
Бросаютъ знамена̀, на помостъ мы встаёмъ
Мечтать о дняхъ его, въ сочувствіи живомъ;

83.

А спитъ теперь соборъ со всей его громадой
И всѣмъ величіемъ, да длинный рядъ колоннъ
Массивныхъ тянется аркада за аркадой.
Вдали иконостасъ серебряный. И онъ,
Народный памятникъ, внесли который вкладомъ
Донцы изъ серебра отбитаго [43]. Такъ стонъ
И слезы русскія отмстились страшно имъ,
Въ волнахъ Березины, Аттилламъ новымъ симъ!

84.

Но въ этомъ сѣребрѣ какъ голубя блистаньи
Столь чистомъ, вдругъ очамъ предсталъ чистѣйшій ликъ
Владычицы сердецъ [44], храмъ этотъ въ основанье
Жилища своего пріявшей. Впрямь великъ
Тогда раздумья часъ! Съ сердечнымъ изліяньемъ
Преклонишь ты чело предъ образомъ и въ мигъ
Молитвы пламенной, всѣмъ сердцемъ да душей
Къ Царицѣ Ангеловъ возносишь голосъ свой:

85.

«О ты—что нѣкогда пришла къ намъ изъ Казани,
Чтобъ славный градъ Петра собой благословить
Въ надежду крѣпкую и въ вѣчно упованье
Что можемъ подъ Твоимъ покровомъ мы пребыть;
Когда Кутузовъ, въ мигъ отъѣзда, съ воздыханьемъ
На перси возлагалъ Твой образъ, защитить
Моля отечество. Владычица сердецъ!
Ты призрѣла на насъ скорбѣвшихъ наконецъ

86.

«И въ щитъ дала намъ ликъ другой свой, чудотворный,
Да Одигитріей [45] божественной идётъ
Предъ войскомъ, совершивъ сей подвигъ благотворный
Какъ древле Маріамъ, въ три мѣсяца! Народъ
Твой чуда не забылъ спасенья, плодотворной
Молитвы не забылъ! Благослови жъ исходъ
Его изъ рабства днесь, въ обѣтованный край
Свободы съ разумомъ....И всё благословляй!»

87.

Что за прекрасный храмъ! Шебуевъ геніяльный,
Своей иконой взоръ невольно приковалъ
Симъ дивнымъ «взятіемъ на небо» [46] идеальнымъ
Видѣніемъ небесъ которыхъ онъ алкалъ!
Какъ счастливъ тотъ, кто могъ въ порывѣ безначальномъ
Души такъ чувствовать; кому Богъ долю далъ
Съ земли на небо духъ высокій возносить
И окомъ мысленнымъ міръ горній оживить!

88.

Но если въ этотъ часъ наитнаго мышленья,
Полночи съ тишиной, на паперть ты сойдешь,—
Какія дивныя и тайныя сближенья
Возстанутъ предъ тобой, когда ты вознесешь
Взоръ! Въ ликахъ мѣдяныхъ: Креститель искупленья
Предтеча, Невскій и Владиміръ, съ ними тожъ
И ликъ Апостола Андрея [47]. Русь, съ судьбой
Тысячелѣтней, вся тутъ встала предъ тобой!

89

Ибо въ сихъ ликахъ ты самъ ясно прочитаешь
Всю Ру́си лѣтопись, въ которой двѣ намъ есть
Основы: Богъ да Царь! А если взоръ спускаешь
Съ сей паперти—найдешь и толкованье въ вѣсть
Для сердца, вотъ оно: двѣ статуи вставая
На стражѣ у сего Собора [48]—вѣру, честь,
Царя и Бога, намъ въ союзѣ родовомъ
Пришли повѣдать и мы эту мысль поймёмъ!

90.

Одинъ изъ нихъ—Барклай. Скала съ такой душею
Гранитной, коей долгъ второй былъ жизнью, стать
Который такъ умѣлъ за честь страны, собою
Примѣръ какъ надобно служить такъ показать
Умѣлъ! Другой былъ тотъ Кутузовъ, съ сѣдиною
Своей умѣвшій жаръ дней юныхъ сочетать
Тамъ, гдѣ шло дѣло объ отечествѣ! Вотъ жизнь,
Предъ коей завсегда съ молитвой преклонись

91.

И сладкій «миръ» скажи! Въ виду святаго храма,
Въ виду могилы той, въ которой опочилъ
Князь Смоленскій, и въ виду знаменъ сихъ, срамомъ
Врагу висящихъ здѣсь, на коихъ ясенъ былъ
Перстъ Божій, отъ Москвы волканомъ-огніамомъ
Пылавшей, до высотъ Монтмартра! Всѣмъ, кто жилъ
Да дѣйствовалъ въ тѣ дни, скажи здѣсь миръ святой
И помни, кто насъ спасъ въ годъ этотъ роковой.

92.

Зайдемъ отсель въ чертогъ, воздвигнутый всѣмъ знаньямъ
Въ сей Библіотекѣ Публичной [49]. Тутъ взнестись
Должно намъ къ чистому источнику познаній,
Который далъ путямъ мышленія идти!
Здѣсь духа торжество и чистое сліянье
Души съ Создателемъ! Здѣсь сердцемъ трисвяти
Его за каждый мигъ той мысли золотой,
Которой онъ тебя ущедрилъ въ даръ живой!

93.

А вотъ вблизи Театръ [50], такой же храмъ прекрасный
Искусствамъ посвященъ и тоже много намъ
Дарившій во сто лѣтъ изящнаго. Здѣсь властны
Доселѣ имена̀, бросавшіе толпамъ
Въ даръ слово жизненно: и Озеровъ несчастный,
И Грибоѣдовъ, стихъ котораго рѣзцамъ
Подобенъ, лѣни бичъ Фонъ-Визинъ, злой Княжнинъ
И Гоголь взятки мечъ—всѣхъ вспомнитъ гражданинъ!

94.

Ибо учить народъ—есть славное призванье,
Хоть и тяжелый крестъ среди толпы людской:
Вездѣ бросающей за славу—цѣпь страданья,
За трудъ—гоненія, за геній—злобы вой!
Но чти тѣмъ болѣе ихъ память, въ воздаянье
За жизнь страдальческу! Они страны родной
Честь. А безсмертіе, хоть тягостно оно
Дается имъ—за то въ божественно вѣно!

95.

Ваятель Клодтъ—примѣръ. Онъ въ бронзѣ оживляя
Сихъ коней, на дыбы взвилъ торсы ихъ рукой
Возничаго, едва удержаны [51]. Пылая
Волканомъ творчества, душа его собой
Еще разъ истину явила ту (бросая
Ярмо условное): что геній впрямь живой,
Преграды завсегда возможетъ одолѣть
И жизнью да душей съ грядущимъ совладѣть! [52]

96.

Другой примѣръ—Крыловъ. Вотъ въ бронзѣ оживаетъ
Онъ, въ Лѣтнимъ симъ саду [53], мудрецъ великій. Старъ
И малъ, кто притчъ его въ Россіи не читаетъ?
Вдвойнѣ великъ онъ тѣмъ, что всюду чистый жаръ
Любви къ отечества прогресу согрѣваетъ
Его свободный стихъ; что чудодѣйный даръ,
Онъ «слову правды» весь всецѣло отдавалъ
И новый міръ вдали намъ смѣло указалъ!

97.

Кій мужъ своимъ мечёмъ короны защищаетъ,
Могучъ и гордъ, свой взоръ орлино устремивъ,
Какъ будто бы полки ведётъ и побѣждаетъ
Враговъ? Суворовъ, богъ войны, въ сей бронзѣ живъ!
Чудо-богатыря сей ликъ напоминаетъ,
Того, кто былъ всегда безсребренъ и правдивъ;
Хоть со льдомъ на себя въ морозы воду лилъ
И пѣтухомъ пѣвалъ, да Альпы покорилъ!

98.

Блаженъ, кто затаилъ души своей желанья,
Кто черни похваламъ и плёску не внималъ,
Кто разумѣлъ свое великое призванье
И твердо шёлъ впередъ, а проискъ презиралъ!
Кто воздвигалъ себѣ безсмертья храмъ на знаньи
Своихъ достоинствъ, а не ползъ и не искалъ.
Таковъ Суворовъ былъ: мудрецъ, стратигъ, умомъ
Превыше вѣка, жизнь впрямь чистая во всёмъ!

99.

Вдали Морской Соборъ [54], прекрасный храмъ. Введенья [55]
(Семеновцевъ !авѣтъ) [56] и Троицкій (сей щитъ
Измайловцевъ)! [57] А вотъ соборъ Преображенья,
Всей Гвардіи соборъ. Крестъ этотъ намъ горитъ
Востока и родной Византіи спасеньемъ,
А славной памятью былаго говоритъ:
Отсель Елисаветъ Петровна шла принять
Престолъ отца и Русь свою освобождать [58];

100.

Чтобъ послѣ Бирона тираніи, звѣздою
Любви и мира край собою озарить!
Войдемъ же въ этотъ храмъ, столь памятный двойною
И славной долей! Здѣсь духъ можемъ оживить
Надеждой на твое спасеніе родною
Рукой, о Царяградъ! И Господа молить:
Да сбудется надъ нимъ пророчество отцовъ,
Все призываемо четыреста годовъ.....

101.

Знамёна, бунчуки, ключи твердынь Дунаемъ
Омытыхъ, иль твердынь у Царяградскихъ вратъ
Сѣдящихъ [59]. Какъ тутъ намъ бытъ равнодушну, чая
Спасенія, когда и стѣны говорятъ?
Какъ четырехъ вѣковъ мольбы припоминая,
Намъ не возвать къ Тому, въ комъ всѣ судьбы лежатъ
Народовъ? Какъ же намъ всѣмъ сердцемъ и душей
Элладѣ не вскричать: «мы чувствами съ тобой?»

102.

А эти пушки съ стѣнъ той Варны, Владислава
Что видѣла позоръ? [60] А среди сихъ знаменъ
И Кульмскій кубокъ [61], тожъ звучащій вѣчной славой
Спасенья Запада (какъ Богомъ предречёнъ
Народъ нашъ и Востокъ спасти)? А всé, что право
Труда и крови дать могло въ сто лѣтъ? Иль сонъ
Всё это?... Нѣтъ! Костей отцовъ на берегахъ
Дуная слишкомъ естъ уже много! Въ небесахъ

103.

«Labarum» намъ опять когда нибудь взблистаетъ
Какъ въ Константина дни, мы вѣруемъ и ждёмъ.....
Но вотъ Таврическій дворецъ, напоминаетъ
Еще Византію съ Потёмкинымъ вдвоемъ [62];
Въ сихъ тѣнистыхъ садахъ тожъ образъ оживаетъ
Карамзина, онъ здѣсъ измученный трудомъ
Великимъ угасалъ [63], исторіи родной
Оставивъ по себѣ завѣтъ безсмертный свой.

104.

А тамъ вдали Соборъ Учебныхъ Заведеній,
Созданье генія Растрелли [64]. Въ нёмъ надъ той
Помолимся, что намъ звѣздой благотвореній
Была и Ангеломъ склоненнымъ надъ страной;
Миръ сладкіи Маріи! [65] Изъ всѣхъ благословеній
Семействъ, давно ей свитъ вѣнокъ надгробный съ той
Молитвою души, которая за насъ
Ходатай лучшій есть въ великій смертный часъ!

105.

И скажемъ тоже миръ другой Царицѣ, нынѣ
Почившей близъ благой Маріи! [66] И она
Чадолюбива мать сиротъ и вдовъ, къ святынѣ
Дѣлъ добрыхъ завсегда бывала склонена;
Ей сіи милые разсадники, гордыня
Россіи, всѣмъ теперь обязаны; вѣчна̀
Въ нихъ память той, что имъ тридцать-два года трудъ
Свой царскій отдавать вставала серцемъ тутъ!

106.

А ты—краса вѣнца и царства, нынѣ съ трона
Подъ тѣмъ же именемъ Маріи столь драгимъ
Для Ру́си, благостно склоненная какъ съ лона
Небесъ склоняется, Ангелъ-Хранитель имъ,
Симъ дѣтямъ—мать, сиротъ и нищихъ оборона!
Твоя рука вездѣ, съ напітіемъ живымъ
Души прекрасной есть, гдѣ надо утѣшать
Скорбящихъ или миръ да радость даровать!

107.

И вмѣстѣ разумомъ высокимъ, просвѣщеннымъ,
Вносить въ семейный кругъ Россіи лучь златой
Мышленья; чтобы жена и мать преображенна
Наукой, и въ избѣ долгъ чистый знала свой;
Чтобы среди мѣщанъ, крестьянъ сихъ, угнѣтенныхъ
Тьмой рабства мысли и невѣжествомъ, драгой
Плодъ воспитанія могъ женщинѣ подать:
Духъ вѣры, разума, науки, въ благодать!

108.

Благодаримъ тебя! Вы Оба—слава вѣка
И украшеніе отечества. Но дай
Господь, чтобъ вашъ примѣръ подѣйствовалъ, упрекомъ
Дворянству на̀ сердце не легъ..... о пробуждай
Себя дворянство! Міръ не станетъ человѣка
Отсталаго сжидать, очнись и догоняй
Европу! Новыя начала днесь Царемъ
Тебѣ положены, скрѣпи жъ своимъ умомъ.

109.

Но перейдемъ отсель на Выборскую, древній
Храмъ коей насъ зовётъ, казненнаго почтить [67];
Здѣсъ памятью Петра Великаго (вседневно
Съ которой мы вездѣ встрѣчаемся, чтобы чтить
Ее!) звучитъ досель въ сей церквѣ позабвенной
«Самсонія страннопріимца.» Освятить
Полтавы память здѣсъ хотѣлъ онъ въ вѣковой
Молитвенный завѣтъ за тотъ безсмертный бой.

110.

Тутъ нищихъ кладбище бывало, а въ годину
Кроваву Бирона казненныхъ клали тутъ
И жертвы низкаго тирана здѣсь святыней
Забытою лежатъ! Ничѣмъ не помянутъ
Ихъ, развѣ клеветой съ кощунствомъ жалкимъ, въ тинѣ
Домашней роясь; а забывши плаху, кнутъ.....
Волынскій, Еропкинъ, Хрущовъ, за край родной
Погибшіе, здѣсь спятъ въ крови своей святой!

111.

Да! Миръ Волынскому и тѣмъ, что съ нимъ вкусили
Тогда смерть лютую за истину; они
Долгъ чести истинной и совѣсти свершили,
А зачтены давно имъ скорбные ихъ дни!
Пусть будетъ сладкій миръ съ казненными, хоть были
Въ нихъ недостатки, пусть! Ихъ въ этомъ не вини,
То нравовъ уровнень былъ общій; но конецъ
Ихъ—это мужества гражданскаго вѣнецъ.

112.

Склонись же до земли, надъ камнемъ позабвеннымъ,
Предъ тѣмъ, кто тутъ лежитъ (съ отрубленной главой
И съ правою рукой за правду отсѣченной),
Лежитъ засыпанный столѣтнею землей!
Скажи, что день насталъ мзды съ памятью нетлѣнной
Ихъ тѣнямъ скорбнымъ; что приходитъ всякъ душой
Впрямь русскою ихъ прахъ сокрытый здѣсь почтить,
Ихъ дорогую кровь и муки ублажить!»

113.

А ты, мой милый кровъ, мой пѣстунъ благородный;
Артиллерійское Училище [68], гдѣ былъ
Я призванъ въ первый разъ на путь, теперь свободно
Уже развившійся, мышленія; склонилъ
Гдѣ первый разъ я слухъ къ влеченію природну
Сихъ пѣсень золотыхъ, которыя хранилъ
Крылатый Серафимъ ревниво для меня
Во глубинѣ души и чувствъ моихъ до дня.....

114.

Благодарю тебя! И часто вспоминаю
Тѣ ночи лѣтнія, когда я надъ Невой
Въ саду твоёмъ сидѣлъ, грядущее пытая;
А всё спало́ кругомъ! Какъ пышной кисеёй
Паръ легкій всё накрылъ, рѣку пріодѣвая
И небо, да волна бѣжала за волной;
Да въ темной яблонѣ, укрывшись средь цвѣтовъ
Пахучихъ, соловей насвистывалъ свой зовъ.....

115.

А я сижу себѣ бывало до разсвѣта
И думу думаю: «что будетъ, какъ пройдетъ
Жизнь, что это меня такъ мучаетъ, какъ гнётомъ
Свинцовымъ на̀ сердцѣ?»... Спрошу жъ — отвѣта нѣтъ!
«Зачѣмъ въ ушахъ моихъ звѣнятъ всё пѣсни, гдѣ-то
Такими дивными напѣвами; а слѣдъ
Ихъ словъ я не могу ни слухомъ уловить,
Ни сердца памятью подобное сложить?»

116.

Ну — слава Господу! Провёлъ меня сквозь бури
Онъ, жизнь мою теперь, хоть поздно, да открылъ
Мнѣ въ ея ясности съ значеніемъ, въ лазури
Грядущаго ужъ ввелъ и въ пѣсни посвятилъ!
Жизнь не важна годовъ разсчетомъ, коль натурѣ
Одинъ исходъ есть смерть; но если зарубилъ
На вѣчности хоть день одинъ ты такъ, что онъ
Для міра памятенъ какъ благо..... награжденъ!

117.

Поднимемся Невой, въ обитель [69] поспѣшая —
Гдѣ соименнику, великаго Царя
Россіи нынѣшней, сѣнь издавна святая.
Вотъ крестъ ея горитъ, какъ вѣчная заря
Дня немерцающа, къ молитвѣ увлекая
Въ высь неба за собой и сердцу миръ даря —
Войдемъ же! Невскому поклонимся, душей
И сердцемъ жившему за милый край родной.

118.

Здѣсь Троицкій Соборъ, цѣлебными мощами,
Сіяетъ намъ того, кто на симъ мѣстѣ сталъ
Съ мечемъ еще во дни земные и трудами
Своими этотъ край для насъ завоевалъ;
На мѣстѣ, что потомъ «виктори» было нами
Такъ мѣтко прóзвано, безсмертный вождь стяжалъ
Названье «Невскаго» и съ этихъ поръ хранить
По праву долженъ край, гдѣ зналъ какъ побѣдить!

119.

Вотъ рака добляго защитника отчизны!
Изъ перваго сребра сибирскаго, она
Ему въ дань сдѣлана. Молись святому жизнью
И славному мечёмъ! Взгляни — ему дана
Другая дань Царёмъ, который стеръ главизну
Гордыни Турокъ въ дни недавни и отъ сна
Будилъ Византію..... надъ ракой сей виситъ
Адріанополя ключь славою покрытъ [71].

120.

Но подивись сему собору, величава
Сѣнь онъ безсмертному воителю! А вотъ
Храмъ Благовѣщенья [72], нашъ Вестминстеръ, издавна
Величій русскихъ склепъ — да вѣруетъ народъ;
Да притекаетъ онъ сюда, гдѣ столько славы
Народной собрано; гдѣ изъ имёнъ сихъ сводъ
Исторіи теперь подъ помостомъ лежитъ
И памятью временъ минувшихъ намъ звучитъ.

121

Да! Много тутъ именъ впрямь памяти достойныхъ
Народа русскаго! Склонись надъ сей плитой,
На коей надпись: «здѣсь лежитъ Суворовъ» [83], троновъ
Защитникъ, образецъ стратига и герой!
Здѣсь геній тотъ почилъ — который всѣ препоны
Умѣлъ перешагнуть могучею душей,
Съ солдатства начиналъ отечеству служить
Генералиссимусъ сей! Намъ ли позабыть?

122.

Вотъ Панинъ мужъ добра и чести, типъ героевъ
Онъ Рима древняго былъ въ дни свои и жилъ
Для человѣчества [74], склонись, онъ исто стоитъ
Молитвы! А вотъ тотъ, кто жизнь свою сложилъ
За вѣрность, кто великъ потомству будетъ вдвое:
И мужествомъ своимъ, которымъ рыцарь былъ
Безъ страха онъ, и, впрямь, высокою душей —
Здѣсь Милорадовичъ смутъ жертва и герой! [75]

123.

Вотъ и Сперанскій [76]—умъ, какихъ Россія мало
Имѣла, изъ рядовъ народа онъ возсталъ
И былъ отечеству закона идеаломъ,
А почести свои собою украшалъ;
Вотъ Чернышевъ [77] и Долгоруковъ-Крымскій [78], знали
Ихъ тяжкій мечь враги! А подлѣ — тотъ, кто взялъ
Себѣ такой удѣлъ прекрасный: «говорить
Царямъ лишь правду» и жизнь правдѣ посвятить.

124.

Миръ Долгорукову! [79] Князь Яковъ, исто высша
Честь Дома славнаго и Ру́си лучша честь;
Кто правду говорилъ Царю, не преклонивши
Главы передъ страстьми, хвала по праву есть;
Кто въ Дворскихъ суетахъ всю жизнь свою проживши,
Умѣлъ остаться чистъ; кого боялись, лесть
Да козни Дворскія, тотъ истинно великъ
И сердцу русскому присущъ его тутъ ликъ!

125.

Но чтобъ понять душей, такой души порывы,
То надо быть Петромъ. ... Войдемъ теперь въ сей храмъ
Святаго Лазаря [80], гдѣ тоже жизнью живы
Прекрасной столькіе! Вотъ Ломоносовъ, намъ
Открывшій смѣло путь, чьи дни краснорѣчиво
Потомству говорятъ, который всё очамъ
Представилъ: міръ наукъ, поэзіи, искусствъ;
Умомъ мыслей былъ полнъ, а сердцемъ полнъ былъ чувствъ! [81]

126.

А близъ него лежитъ Шуваловъ [82], мужъ, достойный
Молитвы съ памятью за то, что оцѣнилъ
Онъ Ломоносова. Вотъ Шереметевъ [83], трона
Петра Великаго опора. Близъ почилъ
Отважный Чичаговъ, иззубрившій корону
Льва сѣвернаго [84]. Вотъ и Карамзинъ [85], вложилъ
Который душу въ міръ прошедшаго своей
Исторіей, Тацитъ безсребренный Царей.

127.

Вотъ Гнѣдичь [86], сладостный пѣвецъ, чья муза звуки
Умѣла издавать классическіе; вотъ
И «дѣдушка Крыловъ» [87], чью правнуки и внуки
Жизнь будутъ помнить, такъ онъ слилъ съ собой народъ;
А вотъ Жуковскій [88], сей Тиртей Славянъ, науки
Съ искусствомъ образецъ, чей стихъ досель встаетъ.
О годъ двѣнацатый, о день Бородина,
Какъ память вѣчная и вѣчно же юна!

128.

Миръ всѣмъ, кто тутъ лежитъ! Обязана Россія
Имъ много. Трудъ вѣковъ слагается изъ дѣлъ
Людскихъ, которыя отечеству живыя
Начала силъ ума, души, несутъ въ удѣлъ;
Такъ благодарность имъ за всѣ ихъ дорогіе
Порывы сей любви къ отчизнѣ. Кто умѣлъ
Пожить за родину — мечемъ, перомъ, рѣзцомъ
Иль кистью — всѣмъ мы здѣсь молитвой воздаёмъ!

129.

Какъ сладостно, когда вечерній часъ приходитъ,
Ложится на Неву, скользить опять по ней
Внизъ по теченію; межъ тѣмъ какъ волны ходятъ
Златимыя зарей рубиновой, ночей
Предвѣстницей и предъ очами переходятъ
Громады роскошной столицы (изъ тѣней
Полсумрачныхъ, тебѣ встающія сказать
О всёмъ: что нѣкогда могли онѣ видать).....

130.

Прекрасны жъ въ этотъ мигъ съ ихъ тёмными садами,
Крестовскій, Каменный, Елагинъ острова̀,
Гдѣ перемѣшаны сады сіи съ дворцами
И обвиваетъ ихъ какъ лентою Нева;
А воздухъ такъ хорошъ! Такъ мило надъ водами,
Аркада свѣсилась деревьевъ! Синева
Небесъ такъ яхонтно прозрачна! Ты плывешь
И думамъ весь себя невольно отдаешь.....

131.

Но уже низкій брегъ раскинулся залива
Въ глуби котораго Кронштадтъ [89] угрюмо спитъ,
Петра Великаго мысль творческая, диво
Искусства и труда, одѣтое въ гранитъ;
Здѣсь Геркулесовы столпы краснорѣчиво
Возстали тѣмъ же «nec plus ultra!» и твердитъ
Кронштадтъ сіе еще съ недавнихъ лѣтъ сильнѣй,
Когда въ безсильи врагъ стоялъ у батарей!

132.

Вотъ домикъ, въ коемъ жилъ гигантъ всему доступный,
Умомъ да волей! Вотъ и церковь, тоже имъ
Построена; а вотъ, въ величьи неприступномъ
Для мысли — статуя Великаго [90], живымъ
И смѣлымъ взглядомъ въ даль глядящая! Уступы
Сихъ укрѣпленій, щитъ столицы. Въ флотѣ симъ,
Въ военной гавани красующимся, есть
Отвѣты для враговъ назойливыхъ и..... мѣсть!

133.

И посѣтимъ еще дворецъ на взморьи, мило
Встающій, храмъ Наядъ, роскошный Петергофъ [91];
Ораніенбаумъ [92], гдѣ намъ портъ соорудила
Природа въ будущемъ, да Гатчину [93], видовъ
Картинныхъ полную и станы ратной силы
Близъ Краснаго Села [94]. Вотъ Стрѣльна [95], средь лѣсовъ
Раскинутая; а вотъ Павловскъ [96], гдѣ журчитъ
Славянска милая любимица Харитъ.

134.

Но Царское Село [97] намъ памятью священной
Звучитъ! Здѣсь нѣкогда великая жена
Любила отдыхать въ бѣсѣдахъ оживленныхъ
Непринужденностью, толпой окружена
Передовыхъ людей Россіи. Осѣненный
Деревьями ли гротъ, бѣсѣдка ли, ясна ль
Гладь сихъ трудовъ — всё намъ Екатерины дни
Живитъ, такъ памятью всегда полны они!

135.

Помолимся теперь въ сей Сергіевской пустынѣ [98],
Святую Лавру здѣсь воставшей помянуть,
На этомъ кладбищѣ столь мирною святыней
У вратъ столицы днѣсь раскинутомъ. Вздохнуть
Спокойно можемъ мы какъ въ пристани и криномъ
Небеснымъ дать душѣ раскрытыя! Отдохнуть
Отъ свѣтской суеты полезно въ сихъ стѣнахъ,
У прага коихъ міръ какъ волны на скалахъ!

136.

Вотъ Чесма [99], царскій кровъ для нашихъ ветерановъ,
Дворецъ — жилище сихъ обломковъ русскихъ славъ,
Гдѣ поколенія воинственныхъ титановъ
Нашли себѣ пріютъ, прекрасно-величавъ;
Увѣченъ, дряхлъ и сѣдъ, за службу и за раны,
За пролитую кровь, послѣдній долгъ отдавъ
Отчизнѣ, здѣсь нашёлъ нашъ воинъ пожилой
Въ дворцѣ Царей себѣ кровъ, пищу и покой!

137.

А сладостно звучитъ намъ Чесма днемъ священнымъ,
Завѣтомъ Греціи несчастной и тебѣ
Герой Орловъ, чей духъ Русь поднялъ и нетлѣнный
Поставилъ памятникъ въ побѣдѣ сей себѣ!
Да будетъ сладкій миръ Вождю морскому! Стѣны
Византіи тогда вздрогнули и въ борьбѣ,
Той Руси указалъ онъ смѣлый, вольный путь,
Которымъ Константинъ придетъ когда нибудь.

138.

Но какъ хотите—а «не мудрствуя лукаво»
Всё въ Царяградѣ намъ впрямь неизбѣжность есть
И тысячи годовъ мы не имѣемъ права
Вычеркивать дѣлъ изъ исторіи: въ нихъ честь
Отчизны, повѣсть въ нихъ для русскихъ величава,
Народна гордость въ нихъ! Пожалуй что и мѣсть
Достойна, праведна за убіенныхъ! Въ ней,
Всегда есть Божій судъ и казнь для палачей.

139.

Здѣсь въ Петербургъ бѣжитъ желѣзной колеёю
Дорога изъ Москвы [100], да и Варшаву намъ
Другой путь рельсовый связалъ съ столицей [101], вдвое
Сплотивши крѣпче всю Имперію. А тамъ
Богъ дастъ до Кіева и до Дуная! Роютъ
Пускай же намъ враги могилу. Не сынамъ
Россіи ихъ страшны угрозы! Нашъ отвѣтъ
«Адріанополь и Монтмартръ!» Пусть помнитъ свѣтъ!

140.

Благодарите же Вождя Россіи, нынѣ
Возставшаго съ такой энергіей благой,
Съ такой провидящей въ даль мыслью! Лишь святынѣ
Мыслей Его, мы всѣмъ обязаны! Онъ Свой
Народъ ведётъ путемъ, надъ коимъ благостыня
Небесъ, хвала страны! Какъ предокъ, міровой
Работникъ, трудную задачу разрѣшить
Взялся онъ.... Но Господь пособитъ довершить!

141.

На Пулковской горѣ, громадой возвышаетъ
Свой храмъ Уранія [102]. Здѣсь высшей изъ наукъ
Святилище. Оно достойно намъ сближаетъ
Небесное съ земнымъ, въ благословенный тукъ
Безсмертной вѣры въ жизнь иную, что блистаетъ
Всегда намъ маякомъ вдали дней нашихъ, кругъ
Которыхъ былъ бы такъ безцвѣтенъ, если бъ той
Мы вѣрой не могли живить свой день земной!

142.

Да! Ночь на то дана, чтобъ исповѣдать Бога,
Чтобъ изъ премудрости небесной извлекать
Глаголъ живительно-возвышенный и строгій,
Чтобъ умъ и сердце всѣмъ что видимъ укрѣплять!
Кто можетъ хладенъ быть, когда предъ нимъ дорогой
Алмазной Вѣчнаго зиждителя печать
Міры раскинутся, изъ коихъ каждый есть
Ему хвалебная и благодарна пѣснь?

143.

Войдёмъ теперь опять въ сей Петербургъ, начальный
Слогъ будущáго, ключъ къ тому, что сводъ вѣковъ
Для Рýси, и пройдемъ подъ аркой тріумфальной [103],
На коей вырѣзанъ циклъ памятныхъ годовъ;
Циклъ впрямь эпическій, теперь подернутъ далью
Туманной....Персія, Дунай, Варшава. Сновъ,
Иль это лишь чары? Гдѣ же тотъ міръ? Какой
Оставилъ выводъ онъ, какой урокъ собой?

144.

Оставилъ много онъ! Во-первыхъ пониманье
Себя, сознаніе всѣхъ недостатковъ тѣхъ,
Отъ коихъ столько мы страдали, да признанье:
Что многаго въ насъ нѣтъ, чтобъ лучшій былъ успѣхъ;
Недавна барщина, невѣжество, терзанья
Лихвы, на всёмъ «авось», чтобъ только сдѣлать въ спѣхъ.
Вотъ зло, отъ коего пришлось намъ такъ страдать
И въ коемъ намъ урокъ. Умѣли ли понять?

145.

Ну, не совсѣмъ! Опять придется предъ разстаньемъ —
Сходить къ тебѣ въ соборъ, гдѣ славный прахъ лежитъ
Твой, Петръ Великій! [104] И у гроба, на прощаньи
Съ симъ Петербургомъ (гдѣ грядущій міръ сокрытъ,
Имъ созданный и имъ направленный къ сліянью
Съ Европой и со всѣмъ, что будущность даритъ
Лишь тѣмъ, кто понимать умѣетъ путь земной)
Воззвать къ костямъ твоимъ, всѣмъ сердцемъ и душей:

146.

«О ты, что Русь любилъ и вѣрилъ въ край родимый,
Что зло преслѣдовалъ и правду уважалъ,
Чья дивная душа алтарь досель святимый
Всей Русью и души народной идеалъ—
Благослови нашъ путь! И тотъ, что въ очью зримо
Лежитъ по Ру́си намъ, и тотъ, что возставалъ
Во глубинѣ души....Чтобъ яркою звѣздой,
Разрѣзать по небу слѣдъ въ нашей мглѣ земной!

147.

«И отъ костей твоихъ доселѣ мыслью полныхъ,
Досель наитіемъ живимыхъ—даждь идти
Намъ трудною стезей сихъ пѣсень, коихъ доля
Ключъ къ сердцу націи и къ помысламъ найти!
Благослови сей трудъ, въ которомъ силой воли
И силою любви къ отчизнѣ, мы святить
Возстали всё что есть прекраснаго, душей
И чувствомъ русскими, пѣть милый край родной!»

148.

А ты, о Богъ отцовъ! Подаждь благословенья
Свои Россіи и Царю ея, въ сей мигъ
Торжественный души народной возрожденья!
Да будетъ нашъ народъ—и силами великъ,
И крѣпокъ разумомъ, и дѣломъ просвѣщенья
Прославленъ на землѣ! Да будетъ древній кликъ
Отцовъ и прадѣдовъ присущъ ему: «сыны
Мы Ру́си! Съ нами Богъ! Такъ кто же здѣсь на ны?»

КНИГА ВТОРАЯ.

149.

Есть въ глубинѣ лѣсовъ святое наслажденье,
Есть чувство сладостно-привольное въ степяхъ,
Есть на морѣ души и мысли расширенье,
Вездѣ — гдѣ нѣтъ людей; гдѣ мы въ безпечныхъ снахъ
Баюкать можемъ жизнь, и намъ уединенье
Миръ сердцу подаритъ; гдѣ можемъ мы въ мечтахъ
Взноситься всей, что есть сердечной теплотой,
Къ тебѣ о жизнь міровъ — съ наитною мольбой!

150.

Бродить въ лѣсахъ густыхъ, гдѣ тропка змѣйкой вьётся,
А воздухомъ въ степяхъ свободнымъ подышать,
Сидѣть на берегу морскомъ, когда несётся
За валомъ валъ у ногъ покорно замирать;
Разлегшись на травѣ глядѣть какъ хоръ зажжется
Звѣздъ яркихъ на небѣ, иль съ облачкомъ гулять
Изъ края въ край небесъ. И сердцемъ теплымъ жить,
Да къ Богу помыслы съ молитвой возносить,

151.

Вотъ тайна истинной поэзіи! Глаголы
Пусть будутъ не мудры́, но коль душа въ нихъ есть
И сердце тёплое — отъ кельи до престола
Всегда тебя поймутъ, твою оцѣнятъ пѣснь!
О вѣрь въ Того, Кто далъ тебѣ и силу воли,
И тайну генія — терпѣніе; Кто днесь
И послѣ, только бы ты вѣровалъ душой,
Придетъ воздвичь тебя божественной рукой!

152.

Поднимемся теперь на быстромъ пароходѣ
Невою. Вотъ вдали за Охтой длинный рядъ
Домовъ и здѣсь въ селѣ Рыбацкомъ на свободѣ
Слѣпушкинъ развился [105]. Доселѣ здѣсь звучатъ
Его наивные напѣвы: о природѣ,
Да сельской жизни и такъ сердцу говорятъ
Сей безыскусственной и свѣжей красотой
Лѣсовъ, полей и горъ, съ широкою рѣкой!

153.

Прекрасенъ видъ рѣки́ — когда она рубиновъ
И злата купиной при всходѣ солнца мчитъ
Валы мятежные и милую картину
Сихъ водъ проснувшихся внезапно оживитъ;
Когда въ вечерній часъ, блестящею пучиной
Сребра подъ мѣсяца лучами закипитъ
И трели соловья, кой гдѣ въ тишинѣ ночной,
Заслышатся вдали въ чащѣ береговой!

154.

Всё мчитъ нашъ пароходъ по пѣнистой пучинѣ
И «Красныхъ сосенъ» [106] кругъ виднѣетъ надъ рѣкой,
Съ своей пирамидой, которая святыня
Для сердца русскаго: работникъ міровой
Здѣсь отдыхалъ, нашъ Петръ! Усердьемъ селянина,
Сей памятникъ ему воздвигнутъ; а двойной
Цѣною долженъ быть цѣнимъ онъ потому,
Что стало быть народъ сочувствуетъ ему.

155.

Печаленъ Шлиссельбургъ, въ немъ есть воспоминанье
Кровавое. Здѣсь жилъ несчастный Іоаннъ [107]
И дни свои влачилъ въ тюрьмѣ безъ упованья
Царь, коему вѣнецъ былъ не на радость данъ!
Въ сей тѣсной комнаткѣ, онъ долженъ былъ желанья
И волю схоронить; здѣсь первый въ мірѣ санъ,
Омытый бездною двадцатилѣтнихъ слёзъ,
Державный узникъ сей какъ крестъ желѣзный нёсъ!

156.

Денница-ль загоритъ на дальнемъ небосклонѣ,
Аль красно солнышко садится въ лоно водъ,
Раскинетъ-ль ночь изъ звѣздъ гигантскую корону
И мѣсяцъ сребреный изъ озера встаётъ,
Слѣтитъ ли пташка на рѣшетку, съ тихимъ стономъ
Вѣчерней пѣсни и всю душу потрясётъ,
Аль жавороночекъ воспѣлъ начало дня.
Увы! онъ отдалъ бы «полцарства за коня!» [108]

157.

Поклонимся его забытой здѣсь могилѣ!
Вотъ шлюзовъ Ладожскихъ громада и каналъ
Напоминающій Петра душевну силу
Да Миниха труды. Извѣчно плещетъ валъ
Мятежный, вкругъ бойницъ сей крѣпости, почило
Надъ коей столько думъ.....Но пароходъ помчалъ
По лону озера бурливаго и въ мракъ
Тумана потонулъ ужъ Кошкинскій маякъ [109];

158.

А озеро своей мятежною пучиной
Вдали раскинулось, тряхнувши гривой волнъ;
И тучи сдвинулись, какъ чорны исполины,
Готовые на бой! Ныряетъ будто челнъ,
Въ чудовищныхъ валахъ нашъ пароходъ; пустыней
Лежатъ пространства водъ да неба! Думы полнъ
И наклоняясь надъ широкою кормой,
Слѣдишь ты этотъ бѣгъ волнъ бурныхъ за волной.....

159.

Ниспала ночь..... Гроза на озеро слетѣла,
Вскипѣла грудь его, валы растутъ горой
И будто мертвецы обвиты въ саванъ бѣлый
Полѣзли на корму чудовищной толпой!
Громъ раскатился! Пукъ низвергся молній, цѣлый
Край неба разорвавъ — все озеро собой
Воспламеняя..... И въ внезапный мракъ потомъ
Окуталось оно, кипящее котломъ!

160.

Но будто звѣздочка, среди мятежной ночи,
Маякъ Никольскій намъ сверкнулъ изъ лона водъ —
Перекрестись! Теперь ты можешь мирно очи
Сомкнуть, то Валаамъ пристанищемъ встаетъ! [100]
При блескѣ молніи, какъ будто бы нарочно
Зажегшей небо вновь, стѣнъ бѣлыхъ хороводъ
И храмовъ Божіихъ громады предъ тобой
На мирномъ островкѣ открылись съ ихъ красой.

161.

Поклонимся мощамъ пустынниковъ смиренныхъ,
Святаго Сергія и Германа! Они
Хранятъ сей уголокъ святынею нетлѣнныхъ
Мощей, молитвенно покрывши наши дни.
Какъ сладостно бродить въ пустынѣ сей, священной
Для Руси, гдѣ пловцамъ въ родной своей сѣни
Она готовитъ кровъ и пристань на покой
Души, чтобъ могъ ты здѣсь взнестись своей мольбой.

162.

Что за прелестный видъ! Сосна да клёнъ съ березой,
Пришли раскидисто нависнуть надъ водой
И на зарѣ свои роняютъ перлы — слёзы;
Межъ тѣмъ какъ солнышко, изъ озера златой
Кругъ выдвинувъ, зори блѣднѣть заставивъ розы,
Рубино-яхонтно-алмазной купиной
Зажжетъ все озеро, на коимъ каждый валъ
Себя весь въ золото, какъ въ броню заковалъ!

163.

А тихій звонъ встаетъ съ обители священной
И къ утрени зоветъ въ старинный божій храмъ
Куда стекаются, какъ въ пристань драгоцѣнну
Припасть съ надеждою къ цѣлебнымъ симъ мощамъ:
«Благословите жъ насъ пустынники смиренны,
Познавшіе тщету суетъ земныхъ, къ мольбамъ
Духъ обратившіе и съ вѣрою живой
Молившіеся здѣсь за милый край родной!»

164.

Вотъ странная плита, подъ коей по преданью
Спитъ «Король Шведскій» [111] здѣсь подъ сѣнію благой,
Прилегшій отдохнуть опослѣ бурь, изгнанья
И бѣдствій жизни..... Но насъ ждётъ ладья. Святой
Обители монахъ, нашъ кормчій, въ изліяніи
Чувствъ набожныхъ, запѣлъ канонъ и взявъ рукой
Своею твердо руль, помчалъ! А Валаамъ
Скрывается отъ насъ въ туманѣ, и волнамъ

165.

Опять просторъ да вновь широкое раздолье!
И мчитъ ладья къ брегамъ пустыннымъ, гдѣ лѣсовъ
Раскинуто вездѣ безгранное приволье.
Вотъ Свирь зеркальная, подъ сводомъ изъ деревъ
Громадныхъ, нѣжится; надъ озеркомъ, въ юдоли
Дремучей сей, видна обитель и крестовъ
Дружина изъ чащи́ сверкнула. Здѣсь святой
Мой прѣдокъ Александръ [112], окончилъ путь земной

166.

И здѣсь къ его мощамъ цѣлебнымъ припадаютъ.
Весь этотъ дальній край поморскій намъ Петра
Великаго дѣла̀ — что шагъ — припоминаетъ!
Въ Петрозаводскѣ и Олонцѣ, мужъ добра
И пользы, онъ досель въ преданьи оживаетъ:
Здѣсь часто онъ бралси́ за молотъ, топора
Саардамскаго въ завѣтъ и «Марціяльныхъ водъ» [113]
Ключи цѣлебные суть плодъ его заботъ!

167.

Работникъ полміра, дѣлецъ неутомимый!
Отъ Индіи къ гвоздю, который здѣсь ковалъ,
Онъ съ равной быстротой переходилъ, живимый
Той силой, коею всю Русь пересоздалъ!
Пройдемъ и Вологду да Устюгъ некрушимый
Рукою времени; онъ нѣкогда стяжалъ
Названье громкое «великаго» въ своемъ
Быту́; издѣльями «подъ чернь» и серебромъ

168.

Чеканнымъ, коему доселѣ сбытъ. Лѣсами,
Которые отсель сквозь всю Сибирь прошли —
Пройдемъ до сѣверной Двины, гдѣ кораблями
Заставленъ древній портъ Архангельска. Вдали
Виднѣетъ городъ сей, надъ хладными волнами,
Отчизна рыбарей отважныхъ. Здѣсь цвѣли,
Въ ихъ безъизвѣстности младенчества святой,
Дни Ломоносова великаго душой! [114]

169.

Вотъ Холмогоры, гдѣ въ Куръ-островѣ таился
Рыбарь, которому Богъ далъ живой глаголъ
И мысль наитную, чтобъ всталъ да ополчился
Съ Петромъ Великимъ Русь пересоздать! Пошелъ
Отсюда онъ на свой высокій подвигъ, слился
Съ родною рѣчью, жизнь въ ней новую нашелъ
И Ломоносовъ такъ, какъ Петръ Великій, въ свой
День совершить пришелъ трудъ исто-вѣковой!

170.

Миръ и хвала ему! Въ Архангельскѣ намъ надо
Почтить его, тамъ, гдѣ теперь онъ предстоитъ,
Изъ бронзы изваянъ — съ симъ вдохновеннымъ взглядомъ,
Межъ тѣмъ, какъ Серафимъ пѣснь дивную звучитъ! [115]
Здѣсь сѣти рыбаря у ногъ его, преграды
Напоминаютъ тѣ, которыми повитъ
Съ пеленокъ былъ судьбой, но кои разорвать
Онъ силой генія могъ въ Руси благодать!

171.

Почтимъ и этотъ крестъ въ соборѣ, крестъ священный,
Воздвигнутый Петромъ Великимъ отъ трудовъ
Своихъ въ спасенія завѣтъ [116] и драгоцѣнну
Жизнь вспомнимъ: приходилъ сюда онъ, на валовъ
Хребтѣ учиться, какъ учился всюду; цѣну
Постигши генію, который долженъ вновь
Былъ все пересоздать, во всемъ примѣръ собой
Казать, чтобъ вдвинуть Русь въ міръ разума живой!

172.

Отселѣ вольный путь по пѣнистой равнинѣ
Сихъ Бѣломорскихъ волнъ, паломничать насъ ждётъ;
Раскинемъ паруса̀ и ввѣримся пучинѣ,
За нею наша цѣль великая встаётъ:
Вотъ вышла и́зъ моря завѣтная святыня,
Обитель, къ коей путь такъ знаетъ нашъ народъ;
Куда, что лѣто, всякъ, кто вѣруетъ душой
Въ дѣйствительность молитвъ, всё правитъ парусъ свой!

173.

То дики Соловки, стражъ Ру́си съ Океана [117],
Твердыня — монастырь изъ Бѣломорскихъ волнъ
Встающа святостью подвижниковъ вѣнчанна
И коей отзвукомъ міръ былъ недавно полнъ;
Какъ Лавра Сергія (у вратъ столицы данна
Въ дни междуцарствія была въ оплотъ), такъ челнъ
Сей, Соловецкая обитель, средь морей,
Отбросила враговъ, еще для насъ славнѣй! [118]

174.

Поклонимся мощамъ защитниковъ великихъ,
Святыхъ Зосимы и Савватія! Мольбой
Ихъ эта древняя обитель среди дикихъ
Пустынь, сохранена досель въ маякъ родной
И присный для души! Тутъ Святый Германъ къ лику
Причисленъ тоже ихъ, наставникъ впрямь благой
Въ трудахъ иночества. Но гдѣ же прахъ того,
Кто былъ свѣтильникомъ для вѣка своего?

175.

Гдѣ Келарь Палицынъ, великій стражъ отчизны,
Одна изъ рѣдкихъ душъ, встающихъ утѣшать
Въ дни малодушія и рабства, чтобы въ жизни
Апостолатъ могли мы вѣрить? Не сыскать
Намъ праха славнаго, который бы въ главизну
Спасенія должно поставить: поучать
Чтобъ этими костьми изсохшими онъ могъ,
Какъ любитъ нашу Русь и ея счастье Богъ?

176.

О приди сюда на кладбище смиренно
Сихъ добрыхъ иноковъ, гдѣ столь безвѣстно спитъ
И доблій Палицынъ [119], надъ сей землей священной
Сказать тому «миръ!», кто звѣздой досель горитъ;
Увы! таковъ нашъ свѣтъ и мзды его презрѣнны,
И таковы мы всѣ..... насъ зависть гложетъ, видъ
Несносенъ равнаго съ величьемъ на челѣ,
Мы ставимъ статуи..... а гонимъ на землѣ!

177.

Такъ было и въ тѣ дни всеобщаго крушенья,
Когда немногіе являлись, чтобы дать
Отпоръ врагу; когда искали всѣ спасенья
Въ измѣнѣ, либо въ томъ, чтобъ выю преклонять!.....
Потомъ — когда спаслась Русь силой единенья
И силою души избрà нниковъ — втоптать
Ихъ въ грязь явилась чернь презрѣнна, потому
Что завсегда вѣрнà призванью своему.

178.

Такъ выданъ былъ врагу священной головою
Пожарскій [120], сосланъ былъ и умеръ въ Соловкахъ
Великій Палицынъ, такъ юному герою
Скопину-Шуйскому [121] ядъ дали, такъ въ цѣпяхъ
И Діонисія морили..... [122] Но съ толпою
Гдѣ и когда есть миръ для генія, въ сердцахъ
Толпы, гдѣ отзвукъ есть ему? Для клеветы,
О человѣкъ, всегда готовъ усердно ты!

179.

Да! Люди «жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго», какъ нѣкогда поэтъ
Сказалъ объ нихъ. Не въ нихъ намъ ждать себѣ успѣха,
И счастіе не въ нихъ для избранника, нѣтъ!
Есть въ глубинѣ души сознаніе, помѣхой
Которому уже не можетъ быть ихъ свѣтъ:
Сознаніе того — что мы пришли свершить
Свое призванье и что такъ тому и быть!

180.

Прощай священная обитель! Ты недавно
Царя въ своихъ стѣнахъ встрѣчала [123], притекалъ,
Какъ Петръ къ тебѣ, Онъ въ мигъ перерожденья славный
И къ помощи твоихъ защитниковъ взывалъ,
Которая Ему принадлежитъ по праву:
Ибо въ день памяти ихъ Богъ Его намъ далъ [124]
На утѣшеніе отечеству, въ святой
Завѣтъ надеждъ на путь и міръ совсѣмъ иной.....

181.

Прощай священная обитель! Судно мчится,
Раскинувъ паруса̀ и вскорѣ вдалекѣ
Чертою тёмной край пустынный тотъ намъ зрится,
Гдѣ бѣдный житель хлѣбъ насущный лишь въ рѣкѣ
Добыть старается да въ морѣ Серебрится
Рѣка Торнео тутъ, грань съ Швеціей. Рукѣ
Могучей Ру́си днесь дано здѣсь охранять
Страну сію и міръ ей съ счастіемъ давать.

182.

Но перейдёмъ рѣкой въ Ботническія волны,
Чтобъ вдоль сихъ береговъ Финляндіи порой
Вѣчернею проплыть. Здѣсь гордой думы полны
Мы встрѣтимъ имена̀, завѣтъ для насъ святой:
Вихрь битвы Кульневъ, Князь Багратіонъ: не челны
Конунговъ древнихъ лѣтъ тутъ встали предъ тобой,
А «Кваркенскій проливъ» отважный переходъ
Вдругъ въ очью оживилъ и тотъ столь славный годъ! [125]

183.

За древнимъ Або, вотъ со взморья выплываетъ
Картинный Гельсингфорсъ. А далѣе очамъ
Гранитный Свеаборгъ предсталъ и угрожаетъ
Вѣнцомъ своихъ твердынь, столь памятныхъ врагамъ! [126]
Здѣсь къ Швеціи ключи, которая мечтаетъ
Скандинавизмомъ жизнь вдохнуть въ себя, орламъ
Россіи указать предѣлы.....Гдѣ же мечь
Густавъ-Адольфа, чтобъ могъ на вѣсы онъ лечь?

184.

Какая чудная и милая картина,
Когда ты по́ морю Балтійскому плывёшь
И купы островковъ, какъ будто бы корзины
Цвѣтовъ да зелени встрѣчаешь! Отдохнешь
Ты взоромъ на брегахъ, гдѣ грозныя руины
Старинныхъ за̀мковъ съ скалъ нависли, иль пройдешь
Ты мимо городка, встающаго своей
Бѣлѣющей чертой надъ яхонтомъ морей!

185.

Вотъ Эзель съ Даго, а за ними выплываетъ
И Ревель — нѣкогда твердыня тѣхъ людей
Желѣзныхъ, коими край этотъ наполняетъ
Исторію страны истерзанной своей:
«Олай великій» въ высь молитвенно взбѣгаетъ [127],
Но нѣтъ ужъ рыцарей! Лишь кой гдѣ у дверей
Домовъ прибитъ ихъ щитъ, покрытый пылью славъ,
Чтобъ намъ напомнить гулъ, когда-то величавъ!

186.

Пройдемъ забытую и скромную Митаву,
Гдѣ кости Бирона суда потомства ждутъ.....
Но вотъ Лифляндія, въ которой столько славы
И столько памяти есть для Россіи! Тутъ
Отъ Іоанна до Петра (сей край по праву
Намъ даровавшаго мечемъ своимъ) встаютъ
Вругъ тѣни тѣхъ вождей, которыхъ тверда грудь
Край отстояла, и ихъ надо помянуть!

187.

Феллинъ и Вендена развалины, пустынный
Маріенбургъ — вездѣ на сей землѣ, что шагъ,
Воспоминанія мысля́мъ съ душей святыня:
Въ Феллинѣ угасалъ Адашевъ! Древній врагъ
Нашъ — Орденъ, Швеція, край этотъ, столь картинный,
Всегда терзали. Здѣсь сквозь лѣтъ минувшихъ мракъ:
Эмбахъ и Гуммельсгофъ [128], начатки молодой
И славной гвардіи, встаютъ передъ тобой.

188.

Миръ Шереметеву и тѣмъ, что здѣсь почили
Сномъ смертнымъ на поляхъ битвъ этихъ! Не забыть
Намъ ихъ усилій и ихъ крови! Какъ любили
Они Петра и Русь, какъ вѣрили, что быть
Должно ей Сѣвера Царицей! Мы бы были
Не русскими, когда бъ не встали здѣсь почтить
Ихъ богатырскій сонъ и Гвардіи, впервой
Въ огонь здѣсь шедшей, не воздать вполнѣ хвалой!

189.

Здѣсь съ Шереметевымъ, сподвижникомъ Петровымъ,
Преображенскій и Семеновскій полки́
Побѣды перву дань сбирали — мощнымъ словомъ
Царя-зиждителя рожденны. Велики́
Заслуги сихъ полковъ, вездѣ примѣромъ новымъ
Воинской доблести путь кажущихъ! Штыки
Ихъ — отъ Полтавы до Монтмартра, всюду путь
Себѣ проклали и долгъ нашъ — ихъ вспомянуть!

190.

Усѣлся Динамюндъ у устья сей широкой
Рѣки́, надъ коей намъ съ раздольемъ кораблей
Открылась Рига. Здѣсь не даромъ умъ глубокій
Петра провидѣлъ всё значенье Риги. Въ ней
Теперь жизнь этихъ странъ и пища ихъ съ истокомъ
Труда; отсель везутъ (милліонами рублей
Считая) сало, хлѣбъ, пеньку, лѣсъ — всё чѣмъ жить
Должно Россіи и бытъ жизненно крѣпить.

191.

Для земледѣльческой державы (какъ Россія
Сложилась и́зъ вѣка), гдѣ мало лишнихъ рукъ,
А множество земли — не фабрика, живыя
Ей силы дастъ; не въ ней разумно-прочный тукъ
Богатства съ истиннымъ прогресомъ. Родовыя
Ея начала и дѣятельности кругъ
Для насъ суть вотъ что: трудъ сохи и скотъ, двойной
Залогъ спокойствія и силы родовой.

192.

Такъ пусть камералистъ, заморскимъ восхищаясь,
На фабрикахъ своихъ мечтаетъ выѣзжать;
Мы даже золотомъ сибирскимъ не прельщаясь,
Твердимъ: «ей лучше вамъ посмышленей пахать!
Ей лучше разводить скотъ сильный, вдохновляясь
Примѣромъ Англіи! Ей лучше не мечтать
Объ Манчестерахъ и Ліонахъ, а сохой
Разумной Русь крѣпить — тутъ прокъ лишь бытовой!»

193.

Дерптъ славенъ искони учеными трудами,
Густавъ-Адольфъ здѣсь храмъ науки основалъ [129];
Но что за памятникъ встаетъ передъ очами
Среди сей площади, кому безсмертье далъ
Онъ? Чей ликъ изваянъ изъ бронзы, передъ нами
Явился стоекъ и спокоенъ — какъ видалъ
Его въ пылу битвъ врагъ? То доблестный Барклай
Въ сей бронзѣ ожилъ вновь,—склонись и поминай! [130]

194.

Миръ храброму вождю! Еще разъ миръ священный
За жизнь полезную и теплую любовь
Къ Россіи! Миръ за то, что съ твердостью смиренной
Пренебрегалъ толпы возгласомъ! Мыслью вновь
Возсоздавая духъ высокій, не сраженный
Гоненьемъ съ клеветой, всегда бывало кровь
Готовый проливать за родину — хвалой
Почтимъ безсмертнаго и скажемъ: «миръ съ тобой!»

195.

Вотъ озеро Пейпусъ, а иначе «Чудское»
Тутъ «мужи Псковичи» сходились воевать
Съ Нѣмецкимъ Орденомъ и биться за родное
Свое наслѣдіе. Вотъ Нарва [131], гдѣ печать
Тѣхъ рыцарскихъ временъ доселѣ есть, въ былое
Воспоминаніе. Здѣсь Петръ Великій стать
Умѣлъ своей пятой желѣзной и рукой
Могучей съ Руси смылъ день Нарвы роковой.

196.

На русской сторонѣ Ивангородъ доселѣ
Зубцы своихъ твердынь возноситъ надъ землёй
Изстари кровью столь упитанной! Сидѣли
Другъ противъ друга тутъ сосѣди, надъ рѣкой,
И бились на̀ смерть. Но теперь осиротѣли
Бойницы рыцарей и Ру́си; лишь порой
Ревъ водопада, какъ подобіе войны,
Взнесётъ свой буйный вопль изъ бѣздны глубины!

197.

Сей Нарвскій водопадъ собой напоминаетъ
Другой—могучій и грандьозный. Кто съ тобой
Сравнится прелестью Иматра — гдѣ бросаетъ
Рѣка алмазовъ и рубиновъ горы? Вой
Волны межъ береговъ скалистыхъ, возвышаетъ
На коихъ тёмный боръ сосну свою, съ тоской
Глядящу на твои истерзанны валы—
Какъ мчатъ да мчатъ они, распѣнисто бѣлы́;

198.

Да водопада вопль, какъ изъ грудѐй пучины
Изсторгшійся собой всю душу потрясать;
И ска̀лы дикія, какъ духи, изъ стремнины
Встающія валамъ челомъ противустать;
Да каменный бурунъ, надъ коимъ такъ картинно
Сосна и ель пришли задумчиво купать
Стопы могучія въ сей пѣнѣ вѣковой;
Всё это, дивная картина предъ тобой!

199.

Вотъ мирно стелется за Нарвскимъ водопадомъ,
Псковское озеро въ зеленыхъ берегахъ
А тамъ «Великая» сверкнула у ограды
Кремля Псковска̀го. Крестъ собора [133] въ небесахъ
Горитъ какъ звѣздочка; бойницы, мрачнымъ взглядомъ
Встрѣчаютъ странника; но нѣтъ на ихъ зубцахъ
Теперь слѣдовъ Литвы и Ордена—лишь дней
Тѣхъ тяжкихъ память есть, что дальше, то блѣднѣй!

200.

Вотъ онъ «молодшій братъ» Новгорода—пустыня
Какъ и «великій градъ!» Гробъ, въ коимъ лишь звучатъ
Тѣ кости ветхія, которыя святыня
Исторіи страны! Здѣсь камни говорятъ
Печальну лѣтопись минувшаго, картина
Лишь разрушенія встрѣчаетъ всюду взглядъ;
Да нѣсколько именъ, останокъ вѣковой
Славъ многихъ и вѣковъ, столь полныхъ жизнью той!

201.

«Домъ Тройцы» нынѣ пустъ какъ «Домъ Святой Софіи!»
Но русскому досель милъ этотъ древній Псковъ,
Передовой оплотъ той Ру́си, гдѣ живыя
Начала общины, урокъ для насъ готовъ...
Войдемъ въ соборъ и въ немъ поклонимся (благія
Дѣла ихъ вспомянувъ) двумъ витязямъ [134], боёвъ
Грозѣ. Господь имъ далъ здѣсь рядомъ мирно лечь
И дать въ наслѣдіе потомству этотъ мечь.

202.

Какъ онъ тяжелъ и что за надпись впрямь родная!
«Я чести не отдамъ» [135]. Не русскій ль это гласъ,
Не русская ль душа въ немъ слышится (святая
Завѣтница теперь тысячелѣтья въ насъ)?
Здѣсь у святыхъ мощей Князей сихъ, припадая
Къ роднымъ останкамъ ихъ съ молитвой—каждый часъ
Должны мы вспоминать съ признательностью дни
Ихъ подвиговъ и что свершили здѣсь они!

203.

Ибо ихъ вѣрой—Русь возсоздалась родная,
И возвеличена мечами ихъ она;
Не будь душъ и́збранныхъ, то нагло попирая
Насъ, Ляхъ торжествовалъ бы, выпили бъ до дна
Мы чашу рабства! Но великъ Господь! Вставая,
Что бѣдствіе—сильнѣй, Русь нынѣ ужъ одна
(Среди всеобщаго безсилья всѣхъ враговъ
Былыхъ) стои́тъ въ ковчегъ спасенія готовъ.....

204.

Вотъ тутъ на площади, часовня эта [136]—явно
Свидѣтельство сего призванья Ру́си: здѣсь
Почили доблiе защитники, столь славно
Противоставшiе Баторiю и честь
Не запятнавшiе отчизны. Миръ! по праву
Имъ надо здѣсь сказать, гдѣ кости ихъ поднесь
Оплотомъ отъ врага на симъ проломѣ ждутъ
Дня воскресенiя и славою живутъ!

205.

Но что за скромная могила подъ навѣсомъ
Сихъ елей зеленыхъ, съ смиреннымъ симъ крестомъ
Близъ Пскова предстоитъ? Въ ней славою столь лѣстной
Покрытъ, народности, спитъ Кульневъ [137] подъ щитомъ
Любви и памяти народной! Всѣмъ извѣстно
Героя имя, всей Россiи онъ знакомъ
(Отъ хижины съ его портретомъ, до Царей
Чертога) этотъ вождь—вихрь на пиру́ мечей!

206.

Спитъ сладко Кульневъ тутъ «рушитель вражьихъ силъ,
Вождей краса и честь, свирѣпый пламень брани,
Онъ мощную главу на крѣпкiй щитъ склонилъ
И стиснулъ грозный мечь въ оледенѣлой длани!» [138]
Гдѣ далъ ему Господь родиться, тамъ почилъ
Онъ смертнымъ сномъ за Русь и впрямь достоинъ дани
Народной памяти всегдашней и живой;
Но гдѣ же статуя безстрашнаго душой?

207.

Вотъ Старой Ладоги развалины, преданье
Здѣсь Рюрика живитъ туманну тѣнь; а вотъ
Изборскъ, тожъ темное начало Ру́си, зданья
Великаго гранитъ—подножiе встаётъ [139].
Вся эта мѣстность, гдѣ что шагъ, то поминанье,
Есть Ру́си колыбель! Отсюда сей народъ
Могущественный шёлъ, седьмую часть земной
Поверхности теперь покрывшiй ужъ собой.

208.

И въ тысячу годовъ разсѣявъ грозны тучи,
Создавъ величіе своей родной страны!
Но что за скромный крестъ, подъ сѣнью ивъ плакучихъ,
Надъ нимъ простершихся виднѣетъ у стѣны
Въ святой обители? Чьихъ дней потокъ кипучій,
Иль мирный ручеекъ прикрылъ онъ? Тишины
Иль бури скрытъ здѣсь слѣдъ? Кто хладною главой,
Приникши здѣсь къ землѣ, окончилъ путь земной?

209.

О преклонись съ мольбой надъ симъ крестомъ смиреннымъ!
Подъ нимъ нашъ Пушкинъ спитъ [140], окончивъ бурный путь,
Застигнутый грозой и молніей сраженный
Дубъ у́ корня, въ тотъ мигъ, какъ вѣтви распахнуть
Сбирался надъ землей въ красѣ и силѣ. Бренный
И жалкій человѣкъ! Приди сюда взглянуть
На хладный черепъ сей, зарытый въ симъ пескѣ
И какъ Гамлетъ спроси «to be or not to be?»

210.

Пѣвцу—лишь счастье есть въ души его святынѣ,
Незваный гость всегда онъ на пиру́ земномъ,
Онъ посреди людей бредётъ, какъ бы въ пустынѣ,
И нѣтъ мыслямъ его сочувствія ни въ комъ!
Хвалебный кликъ толпы суетной, милости́ня
Однихъ, а злость другихъ.... И всюду, и ни въ чёмъ
Той сердца теплоты, которая живитъ
И согрѣваетъ. Нѣтъ! счастли́вѣй кто молчитъ!

211.

Но слава Господу! И Пушкинъ, незабвенный
Пророкъ грядущаго, ужъ ста̀туи себѣ
За пѣсни дождался [141], которыя безцѣнный
Кладъ для Россіи суть. Пройдя всю жизнь въ борьбѣ
Съ страстьми и временемъ, порою озаренный
Идеей бу́дущихъ дней Ру́си и къ судьбѣ
Ея—пытавшійся найдти желанный ключь. ...
Онъ жилъ—то въ молніяхъ, то въ тяжкомъ мракѣ тучь!

212.

За Святогорскою обителью, гдѣ нынѣ
Пѣвецъ Руслана спитъ, Шелонь сверкнула намъ
Струей лѣнивою, здѣсь дивныя судьбины
Новгорода въ день битвъ свершились! По холмамъ
Симъ, нынѣ зеленью роскошной такъ картинно
Одѣтымъ, кровь текла рѣками; а волнамъ
Шелони грудой тѣлъ загородился путь
И вспять теченіе заставилъ отшатнуть!

213.

И Новгородъ не всталъ опослѣ этой битвы [142],
А сдѣлался такимъ, какимъ его теперь
Мы видимъ: жалкою развалиной! Молитвой
Покрой же сихъ холмовъ могильныхъ рядъ! Повѣрь,
Что надо было такъ свершиться, чтобы жнитвы
Всѣхъ странъ Русь собрала, и чтобъ широку дверь
Для всѣхъ племенъ къ себѣ открыла..... Миръ святой
Симъ вольнымъ предкамъ въ ихъ могилѣ вѣковой!

214.

А вотъ гремитъ Ильмень мятежными волнами
И Волховъ изъ него стремительно бѣжитъ
Волною свѣтлою, въ которую крестами
Злачеными кой гдѣ храмъ вѣтшаный глядитъ;
Кой гдѣ монастыри виднѣютъ и стѣнами
Обвитъ старинный Кремль у берега сидитъ
Вдали, да купы главъ востали надъ рѣкой.....
Склонись! Се «Новгородъ Великій» предъ тобой?

215.

«Хоть Вседержителя рука еще сомкнута» [143],
Но Новгорода свершились ужъ судьбы,
Ему теперь лишь два оставлено пріюта:
Развалина для дѣлъ, а мощи для мольбы:
Вся слава дней его промчалась какъ минута
На стрѣлкѣ часовой, и самые слѣды
Изгладились того чѣмъ былъ онъ въ силѣ дней
Тѣхъ и когда блисталъ въ челѣ страны своей!

216.

Но что за чудная, хоть грустная картина,
Когда на Волховскомъ мосту стоишь порой
Вечерней! Солнца лучь на тѣло исполина
Ложится факельно-печальною зарей;
А съ сердцемъ, чувствами и мыслью гражданина,
Окинешь взорами ты Новгородъ родной
И скажешь: «только-то отъ этой славы лѣтъ,
Такъ ты-то Новгородъ, разбросанный скелетъ!»

217.

Темнѣетъ. Между тѣмъ луна въ высь неба всходитъ
И взглянетъ сребренымъ, таинственнымъ лучемъ;
Да тѣни длинныя, дрожащія наводитъ
На Волховъ, скованный полночнымъ, сладкимъ сномъ;
Въ Кремлѣ Софійскій храмъ[144] шесть главъ своихъ выводитъ
Изъ-за твердынь, теперь забытыхъ ужъ врагомъ;
А башни древнія, какъ призраки стоятъ,
И, будто, о быломъ величьи говорятъ!

218.

О подожди, пока умолкнетъ клиръ вечерній
И разойдутся всѣ молельщики, а храмъ,
Окутанъ въ темноту, свои раздвинетъ сѣни
И лучь лампадки отъ иконы къ симъ столпамъ
Тяжелымъ проскользнетъ да выдвинетъ ихъ тѣни
На помостъ.... И тогда предайся весь мечтамъ,
Осуществи себѣ всей думы полнотой
Собора этого бытъ осьмивѣковой!

129.

Наполни этотъ храмъ мятежными сынами
Святой Софіи, здѣсь дерзавшими рѣшать
Судьбы отечества и буйными руками
Своихъ Владыкъ, Князей взводить и низлагать!
Осуществи себѣ всѣ бури предъ очами
Иконъ сихъ свершены: Посадникъ ль умирать
Отсюда шелъ за домъ святой Софіи, Князь
Московскій ли входилъ побѣдою кичась!

220.

Помолимся сперва «Премудрости Господней»
Святой Софіи. Вотъ является она
Предъ взоромъ «Ангеломъ совѣта» [145] и природнымъ
Залогомъ жизни для Новгорода. Стѣна
И сводъ расписаны широкой и свободной
Хоть древней кистью, тутъ вся въ лицахъ создана
Былаго лѣтопись, а близъ Корсунскихъ вратъ
Два стража дивные собора возлѣжатъ.

221.

Поклонимся мощамъ Святителя Никиты [146]
И рядомъ съ нимъ того воителя, кому
Названіе «Храбраго» [147] дала отчизна, свиты
Вѣнки петлѣнія имъ Богомъ! Своему
Отечеству служивъ мечемъ, крестомъ, защитой
Молитвы и руки—къ пристанищу сему
Пришли они и здѣсь почили отъ трудовъ
Земнаго странствія, въ примѣръ сынамъ готовъ!

222.

Вотъ въ южной паперти, Святой Софіи здатель
Князь Володиміръ и Княгиня Анна, мать
Его [148]; а противъ нихъ—Князь юный, обитатель
Селеній праведныхъ, братъ Невскаго, смѣнять
Умѣвшій брачный пиръ на райскій [149]; но Податель
Всѣхъ благъ за то на немъ петлѣнія печать
Явилъ въ завѣтъ того—что жизнь земная намъ
Лишь съ тѣмъ дается, чтобъ мы духомъ къ небесамъ

223.

Молитвенно могли въ сей жизни возноситься!
А вкругъ сихъ Витязей, Святители лежатъ
И сонмомъ праведныхъ (которымъ днесь святиться
Заглохшій Новгородъ) предъ Богомъ предстоятъ;
Пойдемъ еще въ близи Собора поклониться
Иконѣ Спаса у Литовскихъ древнихъ вратъ [150],
На коихъ тяжкій слѣдъ всѣхъ вражескихъ мечей
Досель лежитъ въ завѣтъ бурь тѣхъ давнишнихъ дней!

224.

Но мёртво нынѣ всё! Лишь Волховъ безпокойный
Не хочетъ утихать—по прежнему катя,
Промежъ «концовъ» Софійскаго съ Торговымъ [151], волны
Свои то бурныя, то будто бы дитя
Къ груди припадшія Кремля и мирно челны
Качающія на зыбяхъ своихъ твердя
Пѣснь неумолчную о томъ, что онъ видалъ:
Какъ съ моста Іоаннъ сыновъ его свергалъ,

225.

Иль сами граждане на симъ мосту вступали
Въ бой, послѣ бурнаго Вѣче ихъ и терзать
Свое отечество въ усобицахъ дерзали!
Пройдемте по Кремлю.....Луна пришла нырять
Надъ нами въ облакахъ и будто бы повстали
Вкругъ насъ тѣ древніе сыны, которымъ дать
Судьба всхотѣла мигъ величія съ душой
Желѣзной, чтобы Русь скрѣпить судьбою той!

226.

Вотъ башни Вѣчевой старинная громада [152]
На мѣстѣ бурнаго, народнаго Вѣча
Воздвигнутая здѣсь, гдѣ нѣкогда отрадно
Имъ колоколъ вѣчевой звучалъ.....Потомъ меча
Московскаго розмахъ разбилъ его и града
Великаго съ нимъ жизнь разбилась! Горяча
Была любовь сыновъ Новгорода къ златой
Ихъ вольности, но часъ пришелъ ей роковой....

227.

Тутъ «Памятникъ» теперь воздвигнутъ трисвященный
Тысячелѣтію Россіи [153]. Ибо гдѣ
Приличнѣй, какъ не здѣсь возстать ему? Гдѣ цѣну
Дать можно праотцамъ достойнѣй? Въ чередѣ
Сихъ дѣсяти вѣковъ, чей образъ неизмѣнно
Народу предстоитъ съ любовію вездѣ?
Твой—колыбель страны, о Новгородъ родной,
По праву жъ чтятъ тебя Царь съ Русью дорогой!

228.

Почтимъ здѣсь памятью туманнаго Вадима,
Первообразный типъ свободы золотой
Сего Новгорода: Вотъ «домъ Борецкой», зримы
Досель слѣды ея въ саду семъ, что травой
Поросъ, заброшенъ; а вотъ нѣкогда любимый
Теремъ Посадницы, гдѣ вѣстникъ роковой
Шелонскій, можетъ быть, явился къ ней вѣщать
О гибели дѣтей, о битвѣ разсказать [154].

229.

Но въ Новгородѣ всё теперь ужъ измѣнилось!
Гдѣ Ярослава дворъ? Гдѣ Вече? Гдѣ «концевъ»
Его названія? Едва лишь сохранилось
Преданіе о дняхъ минувшихъ! Вдоль бреговъ
Пойдемте Волхова, близъ коихъ пріютилась
Обитель Юрьева у озера. Орловъ
Чесменскій съ дочерью достойной тутъ лежитъ,
Народной памятью и славою покрытъ [155].

230.

И Князь «Шемяка» спитъ [156], послѣдній изъ Удѣльныхъ
Князей, за старый бытъ стоявшій предъ Москвы,
Всёвозрастающей стремленьями, въ безцѣльныхъ
Борьбахъ изжившій жизнь. А далѣе, главы
Собора Хутынской обители (сей цѣли
Паломничества всѣхъ поэтовъ) синевы
Небесъ разрѣзалъ крестъ злаченый. Помолись
Тутъ надъ Державинымъ и мыслью вдохновись! [157]

231.

Державинъ! Неужель отъ славныхъ вдохновеній,
Отъ столькихъ силъ ума — лишь эта горсть костей,
Игрушка жалкая малѣйшихъ дуновеній,
А нѣкогда волканъ божественныхъ мыслѐй?
Въ сихъ ль впадинахъ блисталъ тотъ взоръ, что поколѣній
Умы сжигалъ лучемъ своихъ святыхъ огней?
Какъ въ эту горсть земли тотъ обратится могъ,
Кому далъ пѣть себя и выразить такъ Богъ?

232.

Помолимся! И часъ, и мѣсто такъ священны! [158]
Луна изъ облаковъ надъ Хутыномъ всплыла
И надъ могилою Державина, гдѣ бренный
Прахъ нынѣ скрытъ его, лучь кроткій излила!
Здѣсь — полнъ высокихъ думъ, колѣнопреклоненный
Надъ этою плитой — съ широкаго чела
Согнавши жизненны заботы — я душей
Пришелъ бесѣдовать съ сей тѣнью дорогой.

233.

«О горе намъ! Когда и обществу, и вѣку,
Лишь къ матеріальному открытъ широкій путь;
А нѣтъ звѣна ему для Бога съ человѣкомъ
И сердцу не на чемъ съ молитвой отдохнуть!
О горе намъ! Когда убійственнымъ упрекомъ
Ложится на душу жизнь наша, и вдохнуть
Безсильны мы въ людей тотъ вѣры духъ живой,
Который властвуетъ и двигаетъ толпой!

234.

«И что теперь мы всѣ, мы, на челѣ которыхъ
Господь свою печать святую положилъ?
Идемъ ли мы впередъ и вдохновеннымъ взоромъ
Провидимъ ли ту даль, чтобъ міръ благословилъ?
Встаемъ ли мы на зло, безъ страха и потвора,
Пророчимъ ли мы край обѣтованный? Силъ
Духовныхъ свѣточь, связь съ возвышеннымъ умомъ,
На благо ль намъ она въ теченіи земномъ?

235.

«И эпопея — такъ какъ понимали древле
Ее — возможна ли она теперь? Коль нѣтъ
Той теплой вѣры въ насъ, что всё въ себя пріемлетъ
Высокое и сталъ такъ меркантиленъ свѣтъ?
Нѣтъ Данте! Но за то и нѣтъ народа, внемля
Ему, который бы пріялъ пѣснь съ вѣрой! Лѣтъ
Тѣхъ вѣры и любви прошла пора! Златой
Телецъ царитъ надъ всѣмъ — надъ тѣломъ и душей!

236.

«Нѣтъ Господи! Ты далъ намъ силу вдохновенья,
Глаголъ безсребреный, впрямь человѣчну мысль,
Ты насъ воздвигъ учить мятежны поколѣнья,
Послалъ насъ Навиномъ и рекъ намъ «укрѣпись!»
И мы пойдемъ впередъ — всѣ чувства, помышленья
Всѣ къ цѣли устремивъ единой, чтобъ слились
Усилія въ одно: народъ нашъ просвѣтить,
Облагородить мысль, жить духомъ научить!»

237.

Но распростясь съ его могилой намъ родною,
Зайдемъ еще въ одну обитель, гдѣ горитъ
Для сердца русскаго, божественной звѣздою
Ликъ Богородицы. Здѣсь издревле звучитъ
Владычицѣ сердецъ гимнъ, изъ души съ мольбою
Исторгшійся! Скажи — чье сердце не лежитъ
Къ иконѣ Тихвинской? [159] Куда сей ликъ святой,
Въ Россіи не проникъ — чтобъ чтили всей душой?

238.

Ахъ! Если русскій ты и вѣруешь явленнымъ
Намъ Господомъ въ залогъ спасенья чудесамъ,
Приди и помолись предъ этою священной
Иконой Тихвинской! Вѣрь, что твоимъ мольбамъ
Исходъ благой здѣсь данъ; что если умиленно
Ты припадаешь здѣсь къ божественнымъ стопамъ
Царицы Ангеловъ, съ выси небесъ она
Услышитъ голосъ твой, вся благости полна!

239.

Вотъ за Крестцами намъ, Валдай открылъ для взора
Зеркально озеро съ его монастырёмъ [160]
Картиннымъ, коего соборъ изъ чащи бора
Зеленаго встаетъ съ златымъ своимъ крестомъ.
Что за прелестный видъ! По склону косогора
Виднѣетъ городокъ, за спящимъ озеркомъ
Цѣпь зеленѣющихъ раскинута холмовъ,
Да нивы желтыя средь рощицъ и кустовъ.

240.

Пришла надвинуть ночь свои печальны сѣни
И мирный городокъ давнымъ давно ужъ спитъ,
Межъ тѣмъ какъ лунный дискъ блеститъ среди волненья
Водъ матовымъ сребромъ; а весело горитъ
На дальнемъ берегу́, раскинувъ красны тѣни
Огонь у рыбаковъ; да легка зыбь бѣжитъ
Съ журчаньемъ сладостнымъ и робкою мольбой,
Ложится на пескѣ волною за волной!

241.

Какъ божій міръ тогда прекрасенъ! То вдыхая
Въ себя рощъ тѣнистыхъ полночный ароматъ,
То взоръ задумчиво на небо устремляя,
Гдѣ дальни звѣздочки лампадками горятъ,
То жадно слухъ клоня къ симъ волнамъ, напѣваютъ
Которыя свою извѣчну пѣснь и взглядъ
Отъ неба обративъ къ обители святой,
Крестъ коей тамъ горитъ въ чащѣ ея лѣсной.....

242.

Поистинѣ, вѣдь нѣтъ обители, которой
Картинна-бъ не была окрестность, и вездѣ,
Гдѣ только монастырь встрѣчается со взоромъ,
Повѣрьте, цѣлая поэма онъ! Къ водѣ
Склонился ль озера, или къ рѣкѣ, просторомъ
Волнъ размѣтавшейся, иль кроется въ падѣ
Гористой, средь лѣсовъ дремучихъ (какъ видалъ
Въ Сибири многіе) онъ сердце приковалъ.

243.

Жизнь иноковъ не есть единственно молитва,
Но и наитіе божественныхъ красотъ
Природы, ихъ душѣ не чуждо; грозны битвы
Съ страстьми, съ искусами, слабѣе имъ коль Тотъ,
Кто создалъ этотъ міръ прекрасный: эти жнитвы
Златыя, ропотъ водъ, шумъ лѣса — предстаётъ
Имъ мысленно всегда въ картинахъ милыхъ сихъ,
Чтобъ умирить души и сердца жажду ихъ!

244.

Здѣсь, передъ этою иконою священной,
Названье «Иверской» прославившей, сказать
Должно «миръ» Никону! Чья память незабвенна
Для Ру́си и кого не надо забывать.
Мужъ строгой правды и духъ впрямь высокій, цѣну
Себѣ познавшій, онъ не думалъ, что вставать
Учителемъ должно за тѣмъ лишь, чтобъ хвалой
И лестью унижать путь Пастыря благой,

245.

Нѣтъ! И въ тогдашній вѣкъ, и въ нынѣшній, призванье
Священника есть крестъ Спасителя нести
И къ ранамъ наклонясь народа, врачеванье
Любви и мудрости симъ бѣднымъ принести!
Въ любви весь міръ! Она лишь можетъ упованье
На будущность крѣпить; лишь ею вознести
Духъ націй можно въ мигъ, когда онѣ душей
Тревожной по́дняты, волнуясь предъ тобой ..

246.

О умоляю васъ, служители Христовы ,
Владыки, иноки, свещенники! Встаётъ
Теперь намъ «новый міръ», что Богомъ уготованъ
И горе тѣмъ, кого онъ празднымъ застижетъ!
Вооружитесь — но во всеору́жье слова,
Востаньте — но лишь съ тѣмъ, чтобъ искренно народъ
Пріять на лоно той божественной любви,
Что миръ властна вселить, въ бунтующей крови́!

247.

Вотъ гдѣ живительно начало скрыто слова!
Народъ слѣпъ, духомъ нищъ... Такъ горе жъ тѣмъ, кто могъ
Вести его впередъ въ край Богомъ уготованъ,
Въ обѣтованный край.....а долгомъ пренебрёгъ!
Такъ трижды горе тѣмъ, кто въ годы роковаго
Искуса, смутъ и бурь — слѣпецъ! еще бъ возмогъ
Мечтать, «что ладно всё, лишь намъ бы ладно жить
На свѣтѣ было, чернь же можетъ погодить....».

248.

Нѣтъ! Не «годитъ» народъ. Онъ понуряетъ въ землю
Раздумну голову; но мысли въ немъ кипятъ.....
А вы — дворяне — что съ измàла ужъ пріемля
Его вѣдь нà руки, ему вождь, другъ и братъ
«Передовой» вовсемъ.. пусть меньшій братъ» вашъ внемлетъ
Глаголу вашему и видитъ жизнь! Молчатъ
Хоть въ немъ способности и дремлютъ до часà,
Но да не плачутся надъ вами небеса!

249

За «Пила пустыней» [161]. Осташковъ надъ водою
Зеркальной озера и мать-царица рѣкъ
Вблизи намъ кажетъ свой родной истокъ съ святою
Часовней надъ ея началомъ [162]—точно вѣкъ
Земной, младенчествомъ начавшій и браздою
Широкой въ мужествѣ проклавшій свой разбѣгъ!
Тутъ Волга, изъ-подъ сей часовни, какъ дитя
На божій вышла свѣтъ чуть струечку катя!

250.

Но далѣе—что шагъ, она уже мужаетъ,
Шумитъ и ширится, бездоньями растётъ
И валъ, окутанный грозою, раскидаетъ
Какъ гриву бѣлую, а ревомъ бурныхъ водъ
Страшитъ пловца! Склонись съ молитвой и шагая
Чрезъ этотъ ручѣекъ прозрачный, что течётъ
По мягкой муравѣ—испей воды святой
Кормилицы страны, сей Волги намъ родной!

251.

Вотъ Вышній Волочокъ, шумливый и торговый
Гдѣ тысячи судовъ столпились въ воротахъ
Канала, созданный Петра могучимъ словомъ
И обновленный днесь путь къ Балтикѣ [163]. Здѣсь-прахъ
Забытый Миниха почтимъ и Сердюкова
Строителя сего канала. Петръ въ умахъ
Не ошибался! Онъ всегда умѣлъ сыскать
Тѣхъ, кто могъ духъ его могучій понимать.

252.

Осташковъ, Волочокъ, Валдай — теперь дорогой
Желѣзной связаны съ столицами; идётъ
Съ ней объ руку прогресъ и скоро слава Богу
Покроется вся Русь путями сими, ходъ
Даруя нашему развитію съ помогой
И духу.... Видимо въ то время возрастётъ
Все на Святой Руси: торговля. мысль, весь строй
Народной жизни намъ покажетъ міръ иной.....

253.

Но на условіи содѣйствовать отчизны
Стремленіямъ, идти впередъ, не отставать
И не бездѣйствовать, чтобы послѣ укоризны,
Вполнѣ правдивой, отъ народа не слыхать;
Дворяне! помните: доселѣ цвѣтъ вы жизни
Народной, вождь толпамъ.... Такъ надо помогать,
Самоотверженной и честною душой,
Царю, который далъ намъ нынѣ ходъ такой.

254.

Соха и пастбище, домашняя икона.
Свободный трудъ — вотъ вамъ грядущаго залогъ;
Поймите же, доколь не поздно «меньшихъ» стоны,
Вѣдь человѣчество ведётъ къ развитью Богъ!
Мы — странники, а духъ — вожакъ нашъ! Связь закона
Съ любовію къ толпѣ и съ вѣрой (въ всёмъ, чтобъ могъ
Дать человѣкъ себѣ подобнымъ), вотъ вамъ къ той
Великой цѣли путь, впрямь честный и родной!

255.

Встаетъ Торжокъ къ Тверцѣ картинно наклоненный,
Здѣсь устье вѣдь ее ужъ близко. Желтиковъ
Намъ кажетъ изъ чащи сосновой крестъ священный
Своей обители [164]. Какъ часто среди сновъ
Души младенческой и рокомъ не сраженной
Еще — бродили мы тутъ по̀ бору да кровъ
Любя монастыря, наивною душой
Подъ древнимъ сводомъ въ міръ стремились отжитóй!

256.

Ибо вотъ здѣсь оно, то сердце Ру́си, коимъ
Животворимся мы и вдохновляетъ насъ
Которое всегда! Сойдите къ Волгѣ. Стоя
На семъ мысу́ и взоръ свой обводя, что васъ
Здѣсь такъ чаруетъ? То, что лентой голубою
Растлались Волга и Тверца, соединясь;
Да то, что на мысу́ ихъ стражъ стои́тъ родной
Сей Отрочь-монастырь завѣтъ намъ вѣкокой [165].

257.

А въ сей обители, теперь передъ тобою
Сѣдящей на мысу́ у тутъ сліянныхъ рѣкъ
Есть келья древняя — издавна трисвятою
Покрыта памятью, которая во вѣкъ
Неизгладима! Ницъ — паломникъ! И мольбою
Взнесись къ тому, чей духъ собою намъ изрекъ
Такой примѣръ! Погибъ за истину, святой
Филиппъ здѣсь задушонъ Скуратова рукой..... [166].

258.

И нынѣ въ кельѣ, гдѣ впрямь Пастырь добрый въ жертву
Себя за паству онъ съ смиреньемъ отдавалъ,
Безкровна жертва всё возносится за мертвыхъ
И за живыхъ, чтобъ міръ его воспоминалъ!
На мѣстѣ казни семъ, молитвенно простертый
Взови къ нему, чтобъ онъ тебѣ, великій, далъ
Любить такъ Русь и ей съ безтрепетной душой
Отдать хотя бы жизнь за честь ея, покой.....

259.

Здѣсь можетъ быть приду я лечь, пути земнаго
Окончивъ странствіе опослѣ столькихъ битвъ,
А воскресенія дня ждать у трисвятаго
Порога кельи сей.... И родственныхъ молитвъ
Просить у Ру́си за народный трудъ, святаго
Мнѣ воздаянія (какъ добрый жнецъ за жнитвъ
Уборъ усердный), за мысль образно создать,
Въ сихъ пѣсняхъ нашу Русь и въ мысль впечатлѣвать!

260.

Встаетъ соборъ, съ его усѣянной звѣздами
Лазуревой главой, и взноситъ къ небесамъ
Кресты молитвенны; а вправо предъ очами,
Изъ-за садовъ дворецъ виднѣетъ. Здѣсь и тамъ
Эпохи разныя Исторіи, съ мыслями
Слились чтобъ выдвинуть такъ родственно очамъ
Святыя тѣни тѣхъ, кто Русь свою любилъ,
Трудился за нее, иль даже смерть вкусилъ.

261.

Войдемъ сперва въ соборъ, чтобъ ракѣ поклониться
Страдальца. Въ ней теперь, Великій Князь Тверской [167]
Безсмертный Михаилъ, вдвойнѣ для насъ святиться
Нетлѣніемъ мощей и памятью святой;
Онъ не хотѣлъ сгубить души и покориться
Велѣнью гордаго Монгола, а главой
Легъ въ доказательство священное того,
Какъ надо Русь любить и Бога своего!

262.

Миръ Михаилу! Миръ впрямь мученику чести!
Онъ доказалъ собой, какъ надо умирать
И когда столькіе ползли съ постыдной лѣстью
У ногъ Татаръ, онъ всталъ, чтобъ ихъ изобличать!
Да будетъ трисвята его намъ память! Вмѣстѣ
Соединенная въ молитвахъ съ тѣмъ, кто дать
Въ другой вѣкъ могъ залогъ любви къ странѣ родной,
Съ Святымъ Филиппомъ! Вотъ примѣръ для насъ живой!

263.

Проникнемъ во дворецъ, гдѣ нѣкогда живала
Та Пери сѣвера, красавица душей [168],
Которая свою Россію понимала
И коей Карамзинъ впервые вѣковой
Трудъ нѣкогда читалъ здѣсь Миръ ей! Завѣщала
Она отечеству завѣтъ вполнѣ родной—
Въ томъ сынѣ, коего стремленія къ трудамъ
Полезнымъ, плодъ добра уже явили намъ.

264.

Но какъ прекрасенъ видъ, когда въ полночь глухую,
Какъ Оссіяновъ щитъ широкій мѣсяцъ всплывъ
Матитъ сребромъ своимъ равнину голубую
Сихъ мирно спящихъ водъ, ихъ струйки озаривъ!
Какъ сладостно тогда—картину дорогую
И сердцу русскому столь близкую (гдѣ живъ
Завѣтъ всей старины) очами созерцать
И тѣни прошлаго наитно вызывать!

265.

А если огонёкъ изъ кельи той священной,
Гдѣ былъ Святый Филиппъ замученъ, упадётъ
Лучемъ раскидистымъ на Волгу усыпленну
И по водамъ ея блескъ красный разольётъ;
А если въ далекѣ пѣснь рыбака мгновенно
Напѣвъ свой жалобный по Волгѣ разнесётъ.
Въ которомъ слышно всё, что выстрадалъ душой
Народъ нашъ въ тысячу лѣтъ жизни трудовой;

266.

А если городъ спитъ у рѣкъ своихъ, сліянныхъ
Подъ тѣнью Отрочей обители и спитъ
Соборъ пяти вѣковъ, съ главой своей вѣнчанной
Симъ звѣзднымъ куполомъ; а если шелеститъ
Чуть слышно тёмный садъ надъ Волгою туманной
И вдалекѣ дворецъ изъ зелени глядитъ;
Да на вершинахъ мачтъ, столпленныхъ тутъ судовъ.
Чуть развѣвается дружина флюгерковъ:

267.

А если на рѣкѣ стругъ грузный по теченью
Плыветъ и тяжкій руль разбудитъ лоно водъ,
Да голосъ лоцмана раздастся—и въ священну
Тишь канетъ снова всё: иль пташка пропоётъ
Сквозь сонъ на вѣточкѣ сирени наклоненной
Къ водамъ; да мѣсяцъ лучь свой серебристый льётъ
На воды сонныя—и ты надъ сей рѣкой
Стоишь недвижимъ, весь подавленный мечтой....

268.

Какъ сей прекрасенъ видъ! Какъ часто я бывало
На этомъ берегу задумчиво сидѣлъ,
А мыслью рядъ вѣковъ душа перебирала
И я припоминалъ всё, что здѣсь было дѣлъ
Великихъ; а мечта тотъ міръ возсоздавала,
(Міръ сильныхъ душъ, какихъ встрѣчать не нашъ удѣлъ)
Доселѣ былъ—когда измучены борьбой,
Плелись мы кое какъ съ насытьемъ и тоской.....

269.

Ну—слава Господу! Теперь намъ даль яснѣетъ,
Перерождается Россія наконецъ
И къ человѣчеству любовью пламенѣя
Возстала націямъ въ спасенія вѣнецъ!
Живъ богъ, жива душа! Что шагъ—то цѣль близѣетъ!
Не утомляйтесь лишь—Царь и народъ, Отецъ
И дѣти! Дружно всё идите симъ путемъ
И создадите Русь иную.....да во всемъ!

270.

Прощай Тверь милая! Гдѣ съ дѣтства мы познали
Всю цѣну Ру́си сей, любви къ ней трисвятой;
А вотъ и древній Клинъ, въ которомъ разцвѣтали
Романовыхъ семьи благіе корни; рой
Воспоминаній насъ уноситъ въ тёмны дали
И бытъ боярскій нашъ рисуетъ родовой;
Межъ тѣмъ близка Москва, гдѣ теремъ днесь возсталъ
Романовыхъ и бытъ старинный разсказалъ [169].

271.

Здѣсь—всё, Русь милая и къ сердцу тяготѣетъ:
Село ли людное и храмъ его святой,
Аль волны жатвъ златыхъ, аль лѣсъ что зеленѣетъ
Опушкой свѣжею; аль барскій надъ рѣкой
Домъ съ садомъ, вкругъ него раскинутымъ, съ аллеей,
Идущей о́тъ дому къ дорогѣ; аль порой
Пѣснь жницы на̀ полѣ, аль переливный звукъ
Колокольца, что намъ въ путинѣ первый другъ....

272.

Какъ я люблю тебя Святая Русь! Отрадно
Душѣ и нà сердцѣ по истинѣ легкó:
Когда придешь съ тобой сливаться сердцемъ, взглядомъ
И мыслью любящей; а взоромъ далеко
Окинешь звонкую окрестность, такъ нарядно
Какъ ожерельемъ сёлъ разубрану, рѣкой
Прорѣзану съ ея извилинами водъ,
На коихъ солнышко златую ткань кладётъ!

273.

Покосъ ли на пути встрѣчаешь? Вотъ косою
Размашистой косцы вдоль пó лугу идýтъ
И сочная трава ложится полосою
Пахучей, а кой гдѣ стогà уже кладутъ.
Жнитво ли увидалъ? Нагнувшись надъ землёю
Кормилицей, серпомъ сверкаютъ жницы—тутъ
Веселыхъ пѣсенъ гулъ, надъ жатвой золотой
Стоитъ и колосъ въ снопъ увязанъ пребольшой.

274.

Аль въѣдишь вечеркомъ въ деревню? дружно лаютъ
Собаки, мчитъ ямщикъ на тройкѣ удалóй,
Свѣтецъ съ лучиною кой гдѣ еще сверкаетъ;
Въ волоковомъ окнѣ мальчишка, головой
Просунувшись, глядитъ разиня ротъ; вступаетъ
Избушка въ улицу кой гдѣ ребромъ, порой
И церковь древняя надъ лономъ спящихъ водъ
Главой чешуйчатой да тёмною встаётъ.

275.

Аль зимнею порой, по скованной ужъ льдами
Несешься Волгѣ ты? Звѣнитъ колоколецъ,
Ширинка бѣлая далёко предъ очами
Раскинулась; межъ тѣмъ—удалый молодецъ
Ямщикъ, волнистыми и русыми кудрями
Встряхнувъ, затянетъ пѣснь зазнобушку сердецъ;
И въ небѣ, будто бы безсмѣнный часовой,
Князь-мѣсяцъ всё стоитъ надъ спящею рѣкой;

276.

И на горѣ торчатъ — то сосны зеленыя
Въ охабнѣ инея, то деревушки въ снѣгъ
Зарыты по́ уши....Но пѣсень хоть простыя,
А сердцу милыя напѣвы, ночь и бѣгъ
Уда̀лыхъ ко́ней, скрипъ полозьевъ, заливныя
Динь-динь колокольца, да этотъ дальній брегъ
И спящая рѣка—приходятъ надъ тобой
Владычить думами и тяжкою тоской!

277.

И выдвигаются видѣнья за видѣньемъ!
А въ полъяву, въ полъ-снѣ, ты мчишься. Между тѣмъ
Какъ всё прошедшее изъ безднъ воображенья
Встаетъ казать тебѣ то адъ свой, то эдемъ!
И всё, что ты любилъ, преслѣдовалъ стремленьемъ
Души и воли, всё, какъ будто водоемъ
Наполненный—чрезъ край заплещетъ и собой
Зальетъ тогда тебя и міръ грядущій твой!

278.

Какъ я люблю тебя Святая Русь! Въ картинахъ
Столь безискусственныхъ, однообразныхъ сихъ;
Въ безграньи сихъ дорогъ, въ ѣздѣ сей по пустынямъ
Какъ будто въ саваны окутаннымъ; въ твоихъ
Напѣвахъ грустныхъ, въ всёмъ родная мнѣ святыня,
Звучащая въ рѣчахъ хоть бѣдныхъ, но живыхъ
И каждый шагъ земли какъ будто бы отвѣтъ
Даетъ мнѣ тысячи твоихъ истекшихъ лѣтъ!

279.

Но что за за̀мокъ двѣ бойницы выдвигаетъ
Какъ стражу, купами деревьевъ окружёнъ
И сѣвши у пути вниманье привлекаетъ?
Дворецъ Петровскій. А! Здѣсь жилъ Наполеонъ! [170]
Вотъ онъ—чело свое угрюмо понуряетъ.
«Одинъ ли я?» Одинъ! И слышенъ тяжкій стонъ.....
Одинъ по заламъ симъ онъ бродитъ въ тьмѣ ночной,
Межъ тѣмъ какъ зарево нависло надъ Москвой!

280.

И по стѣнамъ ползётъ кровавыми лучами,
И въ óкна просится уснувшаго дворца,
И каждый шагъ чертитъ предъ нимъ (какъ письменами
На Вальтасаровомъ пирý) его конца
Пророчество! Вотще онъ хмурится, очами
Сверкаетъ гнѣвными, со смуглаго лица
Старается согнать смятеніе души.
Нигдѣ здѣсь мира нѣтъ, въ кровавой сей тиши!

281.

Ибо предъ нимъ Москва, неумолимо всюду
Встаетъ пожарищемъ; въ широкое окно
Кидаетъ горькіе упреки, ниоткуда
Не пропуская вѣсть спасенія! Одно
И тожъ багровое пятно вездѣ, повсюду—
Что шагъ и мысль его—виднѣется оно.
Давно ль однако міръ предъ нимъ еще дрожалъ?
А вотъ теперь и онъ у самой бездны сталъ!

282.

И начинаетъ онъ, въ какомъ то-опьяненьи
Души, слѣдить умомъ свой чудодѣйный путь:
Съ Арколя до Москвы, съ сраженья до сраженья!
И видитъ, что нигдѣ не могъ онъ отдохнуть
Душой, что всѣ его гигантскія стремленья
Развѣяны какъ прахъ. «Ужели обмануть
Себя я въ цѣли могъ?» онъ восклицаетъ въ мигъ
Сихъ думъ, которыхъ гнётъ на сердце такъ великъ!

283.

Да—Государь! Зачѣмъ не ставили предѣла
Вы волѣ и людей считали ни во что,
Зачѣмъ вы съ властью не ссоюзили удѣла
Дать людямъ счастіе? А чисто и свято
Вѣдь начали вы свой путь чудный, всё имѣла
Жизнь ваша за себя тогда. Зачѣмъ на то
Власть приняли вы, чтобъ свободу заглушить
И иго на народъ такое наложить?

284.

Есть слава чище, та—которой Вашингтона
Тѣнь увѣнчалась! Быть безсребренымъ вождёмъ
Великой націи, имѣя власть — законы
Хранить и уважать; быть первымъ только въ томъ
Чтобъ жертвовать собой отечеству! Не стоны
И слёзы жертвъ, не кровь, не битвы и погромъ
Земли да ненависть по смерти оставлять;
А дань любви, молитвъ, въ потомствѣ обрѣтать!

285.

А мы? И намъ тутъ есть полезные уроки,
Въ судьбѣ почившаго. Онъ нѣкогда намъ далъ
Уразумѣть страну и смыслъ вложилъ глубокій
Въ свое нашествіе, чтобъ каждый понималъ:
Въ двѣнадцатомъ году мы были одиноки,
Какъ и теперь стоймъ, а такъ же бушевалъ
Тогда вкругъ насъ весь міръ, но вѣра насъ спасла
И вновь спасётъ, доколь изъ сердца не ушла!

286.

«Владыко! Сохрани въ насъ эту вѣру — жизни
Основу; сохрани въ насъ теплую любовь,
Чѣмъ гра̀жданамъ крѣпка̀ ихъ милая отчизна;
Вдохни надежду въ насъ, которая есть кровь
Для тѣла общества; подаждь безъ укоризны
И безкорыстно вдаль стремиться, чтобы вновь
Пересоздать всю Русь!» И съ вѣрою въ Царя,
Взойдетъ тогда сія прекрасная заря.....

КНИГА ТРЕТІЯ.

287.

Привѣтствую тебя мой Кремль! Ковчегъ былаго,
Земля упитана прошедшимъ, гдѣ на шагъ,
На каждый шагъ земли, есть памятникъ святаго
Минувшаго; куда сходился тщетно врагъ
Со всѣхъ концовъ земли, чтобъ вырвать изъ роднаго
Намъ сердца твоего жизнь Руси, чтобъ во мракъ
Съ ничтожествомъ опять Русь нашу обратить,
Чтобы опять волной своей насъ поглотить.....

288.

Нѣтъ! Наша Русь крѣпка̀, Царемъ крѣпка̀ да Богомъ,
Душей сыновъ крѣпка̀, молитвою крѣпка̀;
Въ Кремль всѣмъ широкая и вольная дорога,
Но изъ Кремля она, какъ остріё узка!
Кто противъ Господа, когда онъ намъ помога
И щитъ? Чья на него поднимется рука?
Давно ли слѣдъ стыда, безславья и костей
Оставилъ здѣсь титанъ въ урокъ для нашихъ дней?

289.

Привѣтствую жъ тебя! Здѣсь истинно святыня
Души народной намъ въ стѣнахъ сихъ предстоитъ
И каждый клокъ земли на этой десятинѣ
Воспоминаньями какъ волнами кипитъ!
Вотъ здѣсь-то, прежъ всего—будь русскимъ, благостыню
Народности пойми; чтобъ этотъ милый видъ
Крестовъ и главъ, орловъ на башняхъ, древнихъ стѣнъ,
Твой очарованный разбилъ заморск'й плѣнъ.

290.

Чтобъ ты себѣ сказалъ: «нѣтъ, Русь моя родная!
Прогресъ съ наукой я пріемлю, но съ тобой
Его, любимая, всѣмъ сердцемъ сочетаю
И прежъ всего хочу быть русскимъ; надъ душей
И чувствами, всегда ты мой владыка! Знаю
И вѣрю тепло я, что есть въ тебѣ живой
Начатокъ свѣжихъ силъ, лишь только развивать
Умѣй мы такъ его, чтобъ русскій духъ понять.

291.

Ты мнѣ свидѣтель въ сёмъ, о Кремль семисотлѣтній!
Въ которомъ лучшія страницы изо всей
Тысячелѣтія исторіи—привѣтно
Встаютъ передо мной, теперь въ сей мигъ, очей
Духовныхъ свѣжестью и силой впрямь завѣтомъ
Любви къ отечеству! Весь этотъ міръ тѣней
Великихъ мнѣ возсталъ согласно говорить:
«Что русскимъ былъ я и что русскимъ долженъ быть!»

292.

Войдемъ въ сію Москву, подъ аркой тріумфальной
Достойно насъ въ нее вводящей—какъ завѣтъ
Тѣхъ дней, когда здѣсь лучъ Святыни безначальной
Блеснулъ и Богъ намъ далъ на каждый шагъ отвѣтъ! [171]
Пройдемъ по сей Тверской. О! Это путь печальный,
«Путь крестный» для врага. Отсель, въ минуту бѣдъ,
Онъ началъ ниспадать съ ужасной быстротой,
Здѣсь Кремль привёлъ его къ скалѣ той гробовой!

293.

Вотъ Спасскія врата! Преклонимъ же колѣно
Предъ этимъ образомъ, вводящимъ въ Кремль родной [172]:
Онъ памятникъ тѣхъ дней, когда гнушаясь плѣномъ
Москва готовилась огнемъ на смертный бой!
Войдемъ въ сей ветхій Кремль! Здѣсь жизненно изъ тлѣна
Вѣка встаютъ тебѣ, надъ этою землей,
И каждый шагъ твой здѣсь о прошломъ говоритъ,
А жизнь отечества невольно оживитъ!

294.

Архангельскій соборъ! Сосудъ костей державныхъ,
Скрижаль которой слогъ составленъ изъ гробовъ;
Всѣхъ усыпальница: и давнихъ, и недавнихъ,
Гдѣ пишетъ истина имъ приговоръ вѣковъ!
Быть можетъ горсть земли, быть можетъ пыль, издавна
Одна ужъ тутъ....въ урокъ краснорѣчивѣй словъ!
Здѣсь страшнаго суда Цари подъ спудомъ ждутъ,
Когда на трубный гласъ Архангела пойдутъ.... [178]

295.

Начнемъ обзоръ гробницъ, воздавъ благодареньемъ
Калитѣ! Нѣкогда онъ Русь здѣсь начиналъ,
Скрѣпляя организмъ ея соединеньемъ
Единовластія съ народностью; позналъ
Онъ, что зерно въ Кремлѣ симъ брошенное, геній
Потомковъ возраститъ и зорко угадалъ!
И такъ здѣсь отъ его гробницы начинать
Должно, всю жизнь Москвы и Руси вспоминать:

296.

Склонись и—до земли, съ душевнымъ умиленьемъ,
Надъ прахомъ славнаго «Донскаго!» Онъ впервой
Сроднилъ Святую Русь съ побѣды утѣшеньемъ,
Съ свободы проблескомъ въ той битвѣ вѣковой;
Вотъ Куликовскій спитъ стратигъ, благословеньемъ
Святаго Сергія покрытый, трисвятой
Молитвой четырехъ вѣковъ пріосѣнёнъ
За то, что вѣрой въ Русь былъ такъ одушевлёнъ!

297.

Скажи «миръ!» тоже и сподвижнику Донскаго,
«Владиміръ Храбрый» жизнь въ той битвѣ отдавалъ
Самоотверженно и подвигомъ святаго
Служенья родинѣ себя знаменовалъ;
По праву тутъ онъ лёгъ вблизи ему роднаго
Стратига, близъ того, съ кѣмъ вмѣстѣ побѣждалъ
8 Сентября и крѣпкою рукой
Русь отстоялъ мечёмъ, какъ Князь и какъ герой!

298.

А вотъ Донскаго сынъ, Великій Князь Василій
Димитріевичъ, кто мысль отцовску развивалъ
И на Москвѣ княжилъ, какъ «Князь всей Руси» силой
Ума и воли, всё къ единству направлялъ;
Уклончивъ, но и твердъ, въ немъ всѣ соединились
Необходимости, въ то время какъ пріялъ
Онъ власть. И близъ него лежитъ Князь Симеонъ,
Прозваньемъ «Гордый», шёлъ отцу подобно онъ.

299.

«Василья Темнаго» забытая могила
Близъ ихъ. Въ свой бурный вѣкъ онъ много испыталъ;
Борьба съ Шемякой и удѣлами крушила
Его не разъ, но всё сильнѣй онъ возставалъ!
А потому, что въ немъ грядущаго вѣдь сила
Была, что хоть слѣпецъ, а въ дали прозрѣвалъ
Онъ зорко, перевѣсъ Москвы надъ всей страной
Провидѣлъ и впередъ шелъ твердою стопой.

300.

Почтимъ хвалою сихъ Князей Московскихъ! Ими
Народа поняты стремленья и они
Всё неуклонно въ даль шли, исто-трудовыми
Усильями купивъ свои мятежны дни.
Но подлѣ «Темнаго» въ послѣдній разъ съ былыми
Началами въ борьбу вступившаго — въ сѣни
Кто это смертной спитъ? Его великій сынъ
И первый на Руси державный властелинъ:

301.

Вотъ этотъ Іоаннъ Великій, даровавшій
Намъ нераздѣльну Русь! Который иго съ насъ
Свергъ, создалъ крѣпкую и сильную державу,
Далъ твердый бытъ и впрямь какъ добрый пастырь пасъ;
Тронъ, вѣру, даже щитъ Византіи и право
На будущность — онъ всё оставилъ намъ; угасъ
Тогда уже, когда полнъ дѣлъ и славныхъ дней
Могъ самъ себѣ сказать: «Русь будетъ жить ей ей»!

302.

И не ошибся! Миръ тебѣ за жизнь, великій
Мужъ! Посланъ Богомъ былъ въ тотъ вѣкъ тяжелый онъ,
Владычить надъ страной разшатанной и дикой,
Порядокъ утвердить въ ней, правду и законъ,
Но истиннѣ Святый Митрополитъ Петръ, къ лику
Причтенный праведныхъ — могъ тѣмъ одушевлёнъ
Пророчествомъ..... Москвѣ въ краеуголье дать
Своихъ святыхъ мощей извѣчну благодать!

503.

Вблизи великаго дѣлами Іоанна
И мудрый сынъ его Василій, продолжать
Умѣвшій трудъ отца, а постепенно раны
Отечества какъ онъ искусно врачевать;
Но гдѣ же Іоаннъ IV? Гдѣ тирана
Прахъ скрытъ? Кто въ юности умѣлъ соединять
Въ себѣ стратига блескъ, съ любовію святой
Ко благу родины и къ правдѣ золотой?

304.

Въ придѣлѣ онъ лежитъ, подъ черной пѣленою [174],
Одинъ и вдалекѣ отъ прѣдковъ..... какъ въ завѣтъ
Пути ужаснаго пройденнаго душою
Какой ужъ никогда вновь не увидитъ свѣтъ!
Чтожъ было съ нимъ въ тотъ мигъ, когда передъ Судьею
Явился онъ? Когда вдругъ — длинный свитокъ бѣдъ,
Злодѣйствъ его и всѣхъ неистовствъ развивалъ
Предъ нимъ Архангелъ и уликою возсталъ?.....

305.

Увы! Онъ нѣкогда позналъ всѣ упоенья
Добра и благости, былъ образцомъ царей
Доколь душа его гнушалась развращенья
И видѣлъ вкругъ себя лишь преданныхъ друзей;
Доколѣ зналъ Царя святое назначенье
И власти цѣль: отцомъ быть подданныхъ — дѣтей;
Доколь Адашевъ и Сильвестръ могли предъ нимъ
Стоять какъ стражники съ глаголомъ золотымъ!

306.

Вотъ старшій сынъ его, самимъ отцомъ убитый [175]
Въ вѣнецъ злодѣйствъ! И Царь Θеодоръ, образецъ
Смиренья съ кротостью — давно бы позабытый,
Когда бъ не Годуновъ, когда бы не конецъ
Съ нимъ Дому Рюрика для Руси былъ..... Но скрыты
Гдѣ кости «плѣнника Варшавскаго?» Вѣнецъ
Котораго ему былъ не на радость? Гдѣ
Василій Шуйскій спитъ — окончившій въ стыдѣ,

307.

Въ плѣну у Поляковъ несчастну жизнь? Здѣсь — въ этой
Гробницѣ, узникъ-Царь лежитъ..... но онъ отмщёнъ
Сторицей, за него и Русь тѣхъ дней, столѣтней
Борьбой кровавой..... Миръ ему!.... Что если-бъ онъ
Возсталъ и увидалъ Варшаву, гдѣ ужъ нѣту
Теперь и тѣни той годины — обречёнъ
Когда бывъ въ жертву шелъ онъ плѣнникомъ пѣшкомъ
По этимъ улицамъ, ликующимъ кругомъ?

308.

Еще разъ миръ ему! Онъ духомъ былъ безсиленъ,
Довѣрить генію племянника не смѣлъ
А въ глубинѣ души смятенной — уже силы,
Въ часъ гибели своей и царства, не нашелъ!
Но гдѣ Романовыхъ столь родственны могилы?
Гдѣ юный Михаилъ, который разумѣлъ
Свое призваніе и тѣплою душей
Умѣлъ уврачевать народъ истерзанъ свой?

309.

Вотъ онъ — склонись! А близъ Великій сынъ, доселѣ
Не оцѣненъ еще — Царь Алексѣй. Врубалъ
Онъ до Петра окно въ Европу, славны цѣли
Гиганта — прежъ его, такъ чутко понималъ;
Онъ первый изъ царей — коснуться далъ купели
Образованія, наитно угадалъ
Что времена прошли Московской Руси, мигъ
Что возрожденія готовиться великъ.

310.

И не ошибся тожъ, какъ Іоаннъ Великій!
Прозрѣлъ даль тёмную, Россіи силы далъ
Перенести реформъ громадну тяжесть, дикій
Наростъснятьсъглазъ,чтобъвзоръ лучъсвѣта повстрѣчалъ!
Гдѣ жъ статуя ему, гдѣ громкой славы клики,
Благословенія потомства? Ожидалъ
Онъ благодарности по праву отъ своей
Россіи за труды вполнѣ полезныхъ дней!

311.

Два сына тутъ его: Ѳеодоръ, вѣковыя
Что путы «мѣстниковъ» на вѣки разорвалъ
И слабый Іоаннъ, въ дни коего — живыя
Порывы генія Петръ-отрокъ проявлялъ;
Вкругъ четырехъ Царей сихъ дѣти ихъ родные
Отростки, коимъ Богъ развиться не давалъ;
И милое дитя Великаго Царя,
Младенецъ Александръ, мгновенная заря!

312.

Миръ сладкій юношѣ, мелькнувшему звѣздою,
Вотъ Императоръ Петръ II! Мгновенный сонъ
Надежды для страны — склоненный головою
Едва развившейся, спитъ въ сей гробницѣ онъ;
Какъ Іереміи плачъ, надъ этою плитою
Безвременной, намъ живъ! Какъ вдохновенный стонъ
Пророка, кстати здѣсь надъ этой гробовой
Дской, рано скрывшей лучъ надежды золотой! [176]

313.

О спи, ты такъ счастливъ! Не испыталъ волненій
Земныхъ ты, низости, продажности людей,
Непрочности мірскихъ величій, тѣхъ мученій,
Которые удѣлъ нерѣдкій для царей:
Измѣна, моръ, мятежъ, безславье пораженій,
Обманъ.... нѣтъ, любимъ мы мечтать здѣсь — что свѣтлѣй
Твой былъ бы путь, что ты намъ дѣда-бъ воскресилъ
Великаго, Царемъ для Руси-бъ истымъ былъ!

314.

Склонись предъ этой, намъ столь памятной гробницей!
Князь Скопинъ-Шуйскій здѣсь лежитъ среди Царей
По праву за свои заслуги, онъ денницей
Спасенія вставалъ во дни тѣхъ мятежей;
Здѣсь скрытъ архистратигъ, который всё святиться
Намъ будетъ по дѣламъ прекраснымъ, въ комъ честей
Тлетворный духъ — ума и чувствъ не измѣнилъ,
Кто свой народъ всегда такъ жизненно любилъ;

315.

Кто постигалъ свое великое избранье —
Спасти отечество, а можетъ бы и спасъ.....
Но смерть!.... Забудемъ всё, на злобное преданье
Суда нѣтъ, ибо нѣтъ уликъ вины у насъ.....
Но сладкій миръ тебѣ мы скажемъ въ воздаянье,
Двадцатилѣтній вождь! Хотя ты и угасъ
Такъ рано, а успѣлъ дѣлами заслужить
Гробницу средь Царей и вѣчно славну быть:

316.

Кой гдѣ — еще вкругъ стѣнъ, безвѣстныя гробницы
Есть и безъ надписи на ветхихъ сихъ плитахъ;
Кого онѣ въ себя пріяли и денницы
Чьей прекратили лучъ? Молчитъ ихъ скорбный прахъ!
Какая суета суетсвій! Эти лица
Теперь среди Царей лежащія, о дняхъ
Ихъ славы да честѐй — и памяти ужъ нѣтъ,
Смѣтенъ съ Исторіи и даже самый слѣдъ!

317.

Есть въ семъ соборѣ — часъ великій и священный,
Часъ полночи.... когда Кремль ветхій уже спитъ,
А только огонёкъ лампадки, позлащенный
Лучь отъ иконъ къ гробамъ бросая, озаритъ
Соборъ..... Есть трепетъ для души твоей смятенной,
Когда она себя на кладбищѣ семъ зритъ;
И ангелъ истины низходитъ разсказать
Исторію страны, на выводъ указать.....

318.

Внемли ему и вѣрь! Вотъ здѣсь должно учиться
Русь понимать, гдѣ рядъ вѣковъ въ гробницахъ спитъ
А изъ прошедшаго возстала обновиться
Россія нашихъ дней и весь народный бытъ!
Тутъ ты познаешь — какъ, какой цѣной развиться
Ей далъ Господь и какъ былъ трудно пережитъ
Тысячелѣтія великій періодъ —
И оцѣнить вполнѣ сумѣешь свой народъ!

319.

И ты увидишь—что въ немъ духъ животворящій
Сокрытъ грядущихъ дней, что здѣсь въ родномъ Кремлѣ
(Гдѣ каждый шагъ тебѣ, какъ будто ангелъ бдящій
Надъ духомъ) впрямь дано пророкомъ быть землѣ!
Что здѣсь — всё зовъ тебѣ: душой за всѣхъ болящей
Пожить, любитъ народъ и на своемъ челѣ
Не Каина печать, а Божію носить,
Чтобъ слово доброе потомства заслужить!

320.

О! не отринь меня посланникъ вдохновенный
Небесъ, слетающій въ мигъ этотъ Серафимъ
И шестикриліемъ покрывши, раскаленный
Мнѣ угль вложи въ уста объятъ огнемъ твоимъ!
Нашептывай теперь душѣ моей смятенной,
Ту неземную пѣснь, которая живымъ
Глаголомъ на Руси откликнутся должна.....
И слухъ преклонитъ къ ней родимая страна!

321.

Поклонимся мощамъ Святаго Михаила
И съ нимъ болярина Ѳеодора. Они,
Какъ мученикъ Тверской, погибли жертвой силы
Татарской и какъ онъ триосвятили дни!
Въ нихъ душу чтимъ мы впрямь народную, почили
Въ нетлѣніи мощей по праву и въ сѣни
Небесной средь родныхъ Угодниковъ стоять
По праву имъ дано, молитвой охранять!

322.

Но преклонись поди, съ сердечнымъ умиленьемъ
Надъ этой ракою закланнаго! Въ ней спитъ
Святый Царевичъ, тотъ Димитрій, что спасеньемъ
Могъ быть отечеству..... а нынѣ возлежитъ
Закончивши собой Домъ Рюрика! Съ сомнѣньемъ
Надъ нимъ мы возстаёмъ: «гдѣ тайный смыслъ сокрытъ
Задачи этой и зачѣмъ искусъ такой
Былъ данъ Россіи въ дни той смуты роковой?»

323.

Нѣтъ! Мнѣ не вѣрится пристрастному сказанью,
Не смѣю, не могу безъ данныхъ осудить;
И Годунова жизнь, печатью злодѣянья
Такого, безъ уликъ впрямь ясныхъ заклеймить!
Возможно-ль, чтобы всѣ, въ постыдномъ упованьи
На власть временщика, рѣшились такъ затмить
Святыню истины и мученика кровь
Взять страшно на̀ душу, какъ Битяговскій вновь?

324.

А Шуйскій — что потомъ клалъ голову на плаху
За святость правды сей и въ данный часъ умѣлъ
Идти съ крестомъ въ рукѣ на Самозванца — страхомъ
Столь низкимъ, онъ ль бъ тогда себя запечатлѣлъ
А Іовъ — что потомъ изобличая Ляха
Вблизи ужъ видилъ смерть, но всё еще хотѣлъ
Предъ смертнымъ часомъ и стоявши ужъ ногой
Въ гробу́, гласъ истинны возвысить надъ страной?

325.

Нѣтъ! Мнѣ не вѣрится. Есть тёмныя задачи
И тайныя дѣла̀, къ которымъ ключь для насъ
На вѣки можетъ быть случайностью утраченъ
И кои прояснить лишь можетъ смертный часъ;
Подобно какъ судьба Отрепьева, иначе
Сложилась бы когда бъ Князь Шуйскій не угасъ
Безвременно среди побѣдъ своихъ — и тотъ
Вопросъ не разрѣшенъ потомству предстаётъ!

326.

Такъ можетъ быть погибъ Царевичъ.... О! не будемъ
Царя несчастнаго прахъ скорбный клеветать;
А ненависть къ нему постыдно не возбудимъ,
Когда быть можетъ тамъ..... давно ужъ оправдать
Свои дѣла онъ могъ..... Мы этимъ не разбудимъ
Отъ сна державнаго младенца! Предстоять
Которому дано предъ Богомъ за родной
Край и народъ своей молитвою святой.

327.

Прощай великій храмъ, державныхъ склепъ и славы
Скрижаль безсмертная, столь родственная намъ!
Вотъ Благовѣщенскій соборъ девятиглавый [177]
Кресты молитвенно возноситъ къ небесамъ;
Онъ памятенъ намъ тѣмъ, что въ немъ вся жизнь Державныхъ
Слагалась: сватьбы ихъ, крестины ихъ, къ плитамъ
Архангельскимъ ихъ путь послѣдній. Вспоминать
Тутъ можно многое, съ Исторіей связать.

328.

А вотъ и нашъ Сіонъ, соборъ первопрестольный [178]
Успенскій — гдѣ еще недавно Царь давалъ
Обѣтъ любить народъ и выполнилъ, да вольный
Онъ въ даль идётъ теперь! О сколько ты видалъ
Соборъ! торжествъ, уже приведшихъ къ той юдольной
Странѣ, отколѣ нѣтъ возврата! Оглашалъ
Твой древній сводъ кликъ тѣхъ..... которымъ ужъ давно
Сажень земли одно лишь съ міромъ симъ звѣно!

329.

Но если смерть надъ всѣмъ свой уровенъ проводитъ
И передъ трономъ симъ, предъ тѣмъ, кто начело
Корону возложилъ въ вѣнчанья мигъ — приходитъ
Встать призракомъ суда и гроба.....Чтобъ могло
Быть выше дѣйствія, когда здѣсь Царь возводитъ
Взоръ къ небу и любить клянется тѣхъ, дало
Которыхъ Промысла велѣніе ему,
Чтобъ посвятилъ онъ жизнь народу своему?

330.

Чтобъ тяжкій крестъ пріялъ онъ царствія земнаго,
Трудъ ежедневный нёсъ превыше всѣхъ трудовъ
Людскихъ; чтобъ каждый мигъ онъ помнилъ роковаго
Отчета часъ ему! Чтобъ былъ всегда готовъ
Самоотверженно жить за народъ, благаго
Лишь достигать для всѣхъ! Стремиться изъ основъ
Лишь счастья всѣхъ, свое довольство созидать
И чистою душой вѣнецъ свой украшать!

331.

Какая страшная отвѣтственность! Трикраты
Счастливъ же тотъ, кто могъ державный совершить
Путь передъ Богомъ и передъ людьми всесвято,
Всеправедно, любвеобильно, чисто; быть
Кто могъ возвышенъ такъ душою, такъ богато
Природой одаренъ, такъ здраво оцѣнить
Свое призваніе: что счастье для родной
Страны, державства путь столь чистый и благой!

332.

Помолимся теперь предъ ликомъ благодатнымъ [179]
Владычицы сердецъ! Въ хоругви онъ блисталъ
Врагамъ отечества погибелью двухкратной
И гордый Тамерланъ отъ чуднаго бѣжалъ;
Онъ Русь хранитъ досель и каждая пріятна
Ему мольба за край, который полагалъ
Въ немъ всё спасеніе и вѣрою живой
Всегда умѣлъ вставать надъ бурею земной!

333.

Да! передъ дивною Владимірской иконой,
Которая врага ходила сокрушать
И столькихъ сотъ годовъ мольбы да тяжки стоны
Могла съ любовію въ семъ храмѣ принимать,
Помолимся и мы, припомнивъ, что мильоны
Отцовъ и братій здѣсь молились! Благодать
Ее и насъ найдетъ, а лучь свой дорогой
На насъ молящихся прольётъ съ выси святой!

334.

Поклонимся мощамъ Святыхъ Митрополитовъ:
Іона, Ѳеогностъ и Фотій древнихъ дней,
Великій Кипріянъ, Филиппъ, что всталъ защитой
Невинныхъ и чья кровь была за всѣхъ людей!
О мученикъ родной! Прими отъ насъ молитву
За жизнь свою и даждь, чтобъ мы въ теченьи дней
Своихъ могли всегда себѣ припоминать,
Какъ надо за страну родную умирать!

335.

А вотъ и Святый Петръ, Митрополитъ всей Руси,
Кто завѣщалъ свой гробъ въ краеуголье намъ
Грядущаго! О здѣсь — я съ вѣрой преклонюся
Предъ симъ пророкомъ, что ниспосланъ былъ отцамъ!
Когда съ молитвою я думно углюблюся
Во все прошедшее «какъ на̀ плещи врагамъ,
Москва всходила» духъ по истинѣ родной
И такъ любившій Русь, въ восторгѣ предъ тобой

336.

Я восклицаю: «да! краеугольный камень
Онъ Ру́си — этотъ гробъ, изъ коего прорекъ
Ты намъ грядущее и благодатной длэнью
Благословилъ свое отечество на вѣкъ!
Свершилось всё, что ты въ таинственномъ мерцаньи
Грядущаго, казалъ вдали намъ и изрекъ
Ты истинно! Москва — на дняхъ еще враговъ
«Взошла на́ плещи» въ томъ разгромѣ Поляковъ!

337.

И тщетно со временъ нашествія Батыя —
Поля́ки, Шведы, Галлъ — ломились на Москву;
Сверкнетъ лишь взоръ ее....и тучи грозовы́я
Развѣяны какъ прахъ, какъ сонъ лишь на яву!
Въ семъ мнѣ свидѣтели вы—кости дорогія,
Отъ Си́ти до валовъ Севастопольскихъ! Въ двухъ
Нашествіяхъ, мы Русь умѣли отстоять
И «на̀ плещи враговъ пророчески вставать!»

338.

Поклонимся еще — сихъ Патріарховъ нашихъ
Гробамъ: вотъ среди ихъ, великій Филаретъ [180],
Отецъ и другъ Царя, чья жизнь въ оковахъ краше
Являлась и цвѣла, какъ кринъ въ горнилѣ бѣдъ;
А вотъ и Ермогенъ, испившій горьку чашу
Мукъ, даже смерти, но пророчившій всё лѣтъ
Счастливыхъ будущность и смертью трисвятой
Своей купившій намъ свободу въ бурѣ той! [181]

339.

И рядомъ—Іовъ, тотъ страдалецъ злополучный,
Вотще въ часъ гибели старавшійся поднять
Духъ царскій и Царю сопутникъ неразлучный
Лишь честно за него могъ жизнь свою отдать [382];
Но гдѣ же Никонъ, тотъ мужъ истинно-могучій,
Который понялъ вѣкъ и всталъ искоренять
Неправду съ зломъ; гдѣ жъ онъ, Святитель, всей душой
Любившій истину?.. Изверженъ клеветой!

340.

О! мы еще придёмъ въ тебя, первопрестольный
Храмъ Ру́си — чтобъ опять Отца щедротъ молить
За нашу милу Русь, за путь ея ужъ вольный
Теперь, чтобы могла духъ новый свой развить!
Здѣсь такъ легко дышать въ сѣни твоей привольной,
Подъ сводами, гдѣ всё встаетъ намъ оживить
Исторію Москвы; что истинно, душой
Востанешь, оживёшь съ надеждой золотой!

341.

Кремль — нашъ Іерусалимъ, связь алтаря и трона.
Вотъ «Спасъ за золотой рѣшеткой». Есть тутъ часъ,
Когда гигантскій ликъ божественной иконы
Съ стѣны сей дѣйствуетъ властительно на насъ! [183]
Тогда спитъ Кремль, полночь ниспа̀ла, съ тяжкимъ стономъ
Ударятъ вдругъ часы на башнѣ (будто гласъ
Бездонной вѣчности), межъ тѣмъ какъ сихъ очей
Взглядъ устремленъ, среди раскинутыхъ тѣней....

342.

А ты соборъ — нѣтъ, міръ соборовъ вознесенный [184]
Трофеемъ взятія Казани — гдѣ лежитъ
Святый Василій, сей юродивый смиренный,
Что упрекнуть дерзнулъ тирана въ очью! Видъ
Впрямь чуденъ, коль луна скользитъ по возвышеньямъ
Семидесяти главъ гиганта и сребритъ
Воздушно кладбище безчисленныхъ крестовъ,
Взносящихся горой до самыхъ облаковъ!

343.

Какъ я люблю тебя, въ часъ сумерекъ, храмъ дивный,
Твою громаду, мракъ извилистыхъ путей
Твоихъ — гдѣ будто бы встаетъ тогда призывный
Гласъ вознестись душой въ тотъ тайный міръ тѣней!
Лампадка ль отъ Св. Иконы на массивный
Сводъ кинетъ отблески, аль мѣсяцъ пукъ лучей
Раскинетъ по главамъ, аль рака предо мной
Стоитъ блаженнаго вся облита луной!

344.

Какія страстныя роятся помышленья!....
Но вотъ еще соборъ Св. Спаса [185] — нить
Съ прошедшимъ. Тутъ Стефанъ, Епископъ Пермскій, тлѣнья
Законы побѣдивъ, возсталъ за Русь молить.
Когда на площади ты этой, окруженной
Соборами, стоишь — возможно ли не быть
Тебѣ впрямь русскимъ и всей сердца полнотой
Отжившихъ не почтить за трудъ ихъ вѣковой?

345.

Привѣтъ тебѣ «Иванъ-Великій» [186] — изъ титановъ
Титанъ молитвенный, главой своей горѣ
Вознесшійся! Но что за чудный видъ, вѣнчанной
Главы коль этой мы достигнемъ! На зарѣ ль
Глядишь отсель? Москва спитъ въ пеленѣ тумановъ.
Взойдешь ли вечеромъ? Она, какъ въ серебрѣ,
Въ лучахъ луны видна и блещутъ огоньки
Несчетны по волнамъ сей каменной рѣки!

346.

Войдемте въ Чудову обитель [187]. Дорогая
Она святыня намъ. Здѣсь нѣкогда — терзать
Готовился страну Отрепьевъ, помышляя
О будущемъ и жизнь стараясь разгадать;
Здѣсь, въ снахъ несбыточныхъ, къ престолу устремляя
Свой дерзкій взоръ, хотѣлъ судьбу свою создать
Онъ на развалинахъ Россіи.... клабукомъ
Покрытый инока, возмыслилъ быть — Царемъ!

347.

Поклонимся мощамъ Святаго Алексѣя [188],
Который родину во дни свои хранилъ
И за нее душой да помысломъ болѣя,
Въ Ордѣ за бѣдную щитомъ столь крѣпкимъ былъ!
Вотъ истинна чреда святительства! Радѣя
О паствѣ, тотъ лишь есть впрямь Пастырь, кто сложилъ
За благо чадъ своихъ духовныхъ жизнь и свой
Обѣтъ впрямь оправдалъ предъ Богомъ и страной.

348.

Святитель Алексѣй, намъ памятенъ другою
Заслугой предъ своей отчизной дорогóй:
У раки сей крещенъ нашъ Царь [189], теперь такою
Безсмертья осіянъ немеркнущей зарёй!
Отсель путь нàчатъ тотъ, который міровою
И славной памятью жить будетъ! Золотой
«Освободителя» путь..... Истинно печать
Благословеній, здѣсь путь этотъ могъ пріять!

349.

Обитель Чудова — скрижаль страны. Въ ней Панинъ [190],
Бендеръ крушитель спитъ, Спиридовъ бичь луны [191],
Тутъ княжескихъ родовъ исторія — намъ дани
Приноситъ прошлаго наитія полны́!
Обители Москвы — что шагъ, воспоминанье
О предковъ доблестяхъ! Они схоронены
По праву въ сей Москвѣ, которую создать
Умѣли, укрѣпить и сердцемъ Ру́си дать!

350.

Въ часовнѣ Иверской, лампадка златоока
Бросаетъ слабы лучь на тусклое стекло
И озаряетъ намъ въ часъ полночи глубокой —
Царицы Ангеловъ, божественно чело! [192]
Какая тишина! Стоишь ты одинокій,
А страха нѣтъ въ душѣ и нà сердцѣ свѣтло.....
На хладномъ помостѣ простершись предъ тобой,
Владычица сердецъ! взываю всей душой:

351.

«Даждь силы мнѣ нести сей жизни испытанья
И съ вѣрой тёплою крестъ тяжкій свой нести,
Любить Святую Русь, съ надеждой на призванье
Свое — въ даль тёмную грядущаго идти!
Даждь трудъ мнѣ сей свершить, въ которомъ всѣ мечтанья
О родинѣ, о всемъ, что мило ей, ввести
Хотѣлъ я въ пѣснь мою, какъ лучшій ей завѣтъ
Отцовъ, трудившихся и тѣхъ издревлихъ лѣтъ!

352.

Вотъ Вознесенская обитель [193], гдѣ гробницы
Елены Глинской и Софіи (изъ родной
Византіи на Русь пришедшей, чтобъ вдовицы
Орелъ двухглавый дать въ завѣтъ ея живой),
Да всѣ гробы царицъ, княгинь. Но гдѣ черница
Великая? Сестра могучаго? Душой
Не уступавшая и брату первенства?
Здѣсь нѣтъ ее, среди державнаго родства!

353.

Поклонимся мощамъ Княгини Евдокіи,
Супруги добляго Донскаго, и зайдёмъ
Въ тотъ древній храмъ, гдѣ намъ наитны впрямь живыя
Воспоминанія: тутъ нѣкогда былъ домъ [194]
И церковька Петра Святителя, земныя
Дни посвятившаго отечеству и въ комъ
Прозрѣнья божій даръ, пророкъ надъ сей Москвой
Благословенія грядущаго въ родной

354.

Даръ! Вотъ и терема̀, гдѣ царскою рукою
Намъ возстановленъ днесь бытъ прѣдковъ родовой;
Сей «домъ Романовыхъ» скрижаль ихъ предъ тобою [195]:
Сводъ стрѣльчатый, кіотъ съ работою рѣзной,
Иконы тёмныя съ лампадкой золотою,
Предъ ними теплящей, дубовый столъ, обой
Тисненыхъ чудные узоры, поставецъ —
Всё тутъ старинна Ру́сь, какъ Кремль — ея вѣнецъ!

355.

Вотъ «красное крыльцо», съ котораго любили
Цари бесѣдовать съ народомъ, а подъ часъ
Вокругъ котораго мятежники вопили.....
Лилась Нарышкина, Матвѣева за насъ
Кровь праведная тутъ! Толпы сюда катили
Мятежныя валы, вставалъ, какъ буря, гласъ
Ихъ повелительный, а копій лѣсъ у сей
Площадки поднималъ тѣла бояръ..... Сихъ дней

356.

Забудемъ лѣтопись [196]. Мы, слава Богу, люди
Инаго времени и дожили до дня
Суда впрямь честнаго, свободно нашей груди
Дышать! Не подъ плетьми да клеймами стѣня,
Народъ клясть будетъ жизнь и пытки не возбудятъ
Негодованія! Великій даръ цѣня
Царя, любви его и благости печать —
Не станемъ же своихъ мы прѣдковъ осуждать.

357.

Но сдобрена жъ сія однако десятина
И много жатвъ дала! Заглянемъ въ Арсеналъ,
Предъ коимъ какъ гора изъ пушекъ намъ святыню
Напомнитъ прошлаго. Тутъ на̀ диво возсталъ
Старинный великанъ, Царь-пушка; а вершиной
Крестомъ увѣнчанной, Царь-колоколъ приковалъ
Невольно взоръ къ себѣ своею мѣдяной [197]
Громадой. Родственно тутъ всё передъ тобой!

358.

Сіи «Тайницкія ворота» тайниками
Прославлены, тутъ шагъ—и жертва къ вамъ взовётъ!
Вотъ «Грановитая палата», гдѣ вѣками
Дань славы собрана, чтобъ поучать народъ;
Взгляни на Польскій тронъ, съ котораго мечами
Грозили Сигизмундъ, Баторій намъ.... встаётъ
Онъ здѣсь какъ горькая насмѣшка надъ тщетой
Всѣхъ замысловъ людскихъ и.... Польши, Боже мой! [198]

359.

Тутъ тоже царственна и роскошна громада
Дворца, верхи свои злаченые взнесла
И силу русскаго художества отрадно
Явила—ибо всё тутъ, нашихъ рукъ дѣла́ [199].
Въ сихъ чудныхъ залахъ духъ и мысль при каждомъ взглядѣ
Патріотически настроены! Пришла
Тутъ наконецъ пора для Ру́си понимать,
Что Господа на ней издавна благодать!

360.

Кремлевскій садъ, своей зеленою чащёю
Вокругъ сихъ ветхихъ стѣнъ раскинувшись, юнить
Какъ будто хочетъ ихъ; а за Москвой-рѣкою—
Церквей, домовъ, садовъ кругъ можно обслѣдить.
Какъ восхитительно, когда порой ночною
Съ терасы наклонясь ты взглянешь, а сребрить
Встаетъ луна Москвы громаду предъ тобой,
И отдаешься весь ты думѣ столь родной!

361.

А башни, стѣны, съ ихъ обомшоными зубцами,
На коихъ вызубрилъ вѣкъ каждый столько дѣлъ;
На коихъ Ляхъ, Монголъ, Галлъ—нѣкогда мечами
Нарѣзали своимъ стремленіямъ предѣлъ.....
Какъ всё, что видишь, тутъ краснорѣчиво! Съ нами
Богъ какъ тутъ видимо! По истинѣ удѣлъ
Кремля, для Ру́си быть палладіумомъ—онъ
Не даромъ всѣмъ, что есть въ нёмъ, трижды освящёнъ!

362.

Прощай, о древній Кремль, наставникъ поколѣній,
Іерусалимъ для всей Россіи, сердцу святъ
И чувству родственный, въ которомъ съ умиленьемъ
Читаемъ лѣтопись отечества! Стоятъ
Чьи статуи предъ нимъ? За славу и за геній
Кому поставили ихъ? Кто былъ такъ богатъ
Душой и чувствами, чтобъ этотъ заслужить
Великій памятникъ и вѣчно въ бронзѣ жить?

363.

Пожарскій съ Мининымъ, созвѣздіе святое! [200]
Князь и мясникъ — сюда пришли они, стоять
Предъ Русью ȯбъ руку, чтобъ мыслью золотою
Насъ, измельчавшихся душою....поучать!
Вотъ жертва истинно великая! Какою
Душей былъ надѣленъ (чтобъ могъ въ челѣ возстать
Отечества въ часъ бурь кровавыхъ) сей мужикъ,
Какъ долженъ быть во всёмъ онъ истинно великъ!

364.

Такъ миръ Пожарскому и Минину! Святыня
Они минувшаго и ду́ши ихъ звѣздой
Всё теплются странѣ; всё будто благостыней
Спасенія они тутъ живы предъ страной!
Здѣсь помолись за нихъ, гдѣ духъ ихъ надъ пучиной
Разсчётовъ и страстей вознесся, чтобъ собой
Спасти отечество! Здѣсь тоже поучись
Изъ дѣлъ ихъ—какъ любить Русь; дѣйствуй и трудись!

365.

Теперь войдемъ въ соборъ Казанскій [201], гдѣ по праву
Молиться намъ должно предъ образомъ святымъ
Владычицы сердецъ, которая державу
Спасла съ Пожарскимъ симъ покровомъ дорогимъ!
Здѣсь предъ иконой сей, что ихъ вела ко славѣ
И ко свободѣ въ годъ великій оживимъ
Себѣ Пожарскаго и Минина, святой
«Миръ!» скажемъ всѣмъ, что встарь легли за край родной!

366.

А ты, другой соборъ, завѣтъ страны изъ рода
Въ родъ, о соборъ Христа Спасителя! Склонись
Предъ нимъ! Онъ хартіей великаго народа
Всталъ; камни эти въ насъ роднымъ отозвались! [202]
Вотъ сей соборъ Христа Спасителя, свободы
И вѣры знаменье святое! Тутъ слились
Въ едину душу — мысль, Царь и его народъ,
Чтобъ освятить тебя двунадесятый годъ!

367.

Чистъ—какъ сей славный годъ, великъ—какъ тѣ событья,
Народенъ—какъ та цѣль и выводомъ трисвятъ
Ты возстаешь соборъ! свидѣтелемъ той битвы
И тризной жертвенной тукъ коей столь богатъ!
Покройте же его народныя молитвы
Всей Руси! Пусть со всѣхъ концовъ Москвы—и младъ
И старъ, зрятъ куполъ сей. который самъ родной
Молитвой возстаетъ за годъ тотъ вѣковой!

368.

И тоже возстаетъ завѣтомъ избавленья,
Предъ этой храминой народности—Кремлёмъ;
Чтобъ черезъ двѣсти лѣтъ—тѣжъ чувства, тоже рвенье
Въ народѣ возбуждать въ величіи своёмъ!
Здѣсь—Царь стратигъ, его сподвижники, ихъ тѣни
Надъ храмомъ симъ встаютъ, увѣнчаны вѣнкомъ
Народной памяти, и будетъ покрывать
Храмъ этотъ Господа всегдашня благодать!

369.

Предъ «Спаса съ Хлыпова» иконой чудотворной
Помолимся и въ склепъ Романовыхъ сойдёмъ:
Пусть стражъ отворитъ намъ сіи желѣзны створы;
А путь къ гробамъ—душой мы любящей найдёмъ!
Вотъ эта Спасская обитель, гдѣ для взора
Есть лучшее вѣно—кладбище! Гдѣ сей домъ
Романовыхъ обыкъ издревле, милый прахъ
Покоить присныхъ имъ съ молитвой на горахъ! [203]

370.

Здѣсь спитъ Великая Инокиня (Царева
Мать нѣжная) и тотъ несчастный Михаилъ,
Изъ ссылки средь пустынь Ныробскихъ тутъ съ любовью
Притекшій опочить до дня суда. Кто бъ былъ
Здѣсь хладенъ передъ ихъ гробами? Ссылкой, кровью
И мученичествомъ—вѣнецъ себѣ купилъ
Ихъ благородный домъ, въ вѣкъ смуты роковой
Оставшійся такъ чистъ и свѣтелъ такъ душой!

371.

На паперти встаютъ царей изображенья
Старинныя, а вкругъ ихъ—лики мудрецовъ
Далёкой Греціи, какъ будто въ поученье [204]:
Что геній есть вѣнецъ прекраснѣй всѣхъ вѣнцовъ;
Что власть—случайностей мгновенное сцѣпленье;
Но геній, божій даръ, изъ жизненныхъ основъ
Природы извлеченъ; такъ—средь царей земныхъ
Слѣпецъ Гомеръ стоитъ, въ вѣнцѣ изъ славъ живыхъ!

372.

Вотъ «Воспитательный домъ»! Бѣцкому прекрасный
И вѣчный мавзолей. Здѣсь взору предстоитъ
Онъ оживленъ, за жизнь, которая съ несчастнымъ
Сближалась сердцемъ и такъ вѣрою горитъ! [205]
Миръ сладостный тебѣ! Ты долю исто-красну
Себѣ избралъ, дѣлецъ Евангельскій! Вмѣнитъ
Тебѣ конечно Богъ, твой каждый день земной,
За каждаго изъ сихъ младенцевъ прожитóй!

373.

И Университетъ, разсадникъ благородный
Наукъ, быть долженъ съ нимъ сближаемъ потому,
Что духъ Шувалова былъ Бѣцкому вирямь сроденъ,
Что понялъ время онъ и ходъ давалъ ему [206].
Вотъ храмъ народности и истино-природный
Храмъ русскихъ чувствъ! И какъ не быть такимъ тому,
Кто столькихъ далъ на всѣхъ намъ поприщахъ людей,
Достойныхъ памяти, въ столѣтье славныхъ дней!

374.

Да! Воспитай намъ ихъ, на столь живыхъ началахъ
Любви къ народу; пусть душа ихъ дастъ отвѣтъ
На мысль сближенія съ народомъ; идеаломъ
Себѣ поставитъ то, что лучшій есть завѣтъ
Для русскаго: «любовь къ отечеству, живала,
Которой прежде Русь и будетъ жить!» Пусть свѣтъ
Отсюда истинный проникнетъ въ тьму, собой
Еще покрывшую народъ съ его избой,

375.

И съ бытомъ коему еще такъ много надо!
Пусть наконецъ теперь, когда намъ нужны такъ
Впрямь просвѣщенные вожатаи для стада
Людскаго, на судѣ и въ земствѣ—сей вожакъ
Отселѣ выйдетъ онъ, впрямь «человѣкомъ» града
И сёлъ охраной да защитникомъ, чтобъ всякъ
Съ надеждой на него и съ вѣрою взирать
Могъ! Въ правѣ Русь сего ждать, требовать, искать!

376.

Но перейдемъ отсель въ ту Знаменску обитель,
Гдѣ теремъ нѣкогда Романовыхъ во дни
Боярства ихъ стоялъ, а нынѣ храмъ—молитель
За ихъ потомковъ всталъ въ родной для нихъ сѣни[207];
О милая Москва! Что шагъ въ тебѣ, то чтитель
Родимой старины находитъ Русь! Они
Такъ властны надъ душой—обломки эти, лѣтъ
Тѣхъ древнихъ родственный и ветхій намъ завѣтъ!

377.

А далѣе—стоитъ та «Сухарева башня»[208]
(Теперь водопроводъ), что въ стары времена
Прославлена была намъ Брюсомъ, симъ домашнимъ
Для прѣдковъ колдуномъ. Родная старина!
Какъ улыбаемся мы симъ наивно-страшнымъ
Сказаньямъ, какъ для насъ младенческаго сна
Лѣтъ дѣтскихъ живъ привѣтъ тотъ сказочный, съ порой
Блаженной нянь-старухъ да съ Бабою-Егой!

378.

Кто сердцемъ съ родиной не связанъ? Есть въ невѣрьи—
Смерть чувству и душѣ! Кого же и любить
Какъ не отечество? И самыя повѣрья
Его намъ дороги должны по праву быть!
Что жъ съ нами станется, когда не будетъ вѣры
Въ связь настоящаго съ прошедшимъ? И сливать
Когда не будемъ мы душъ нашихъ съ родовой
Намъ жизнью предковъ, съ сей великой старипой?

379.

Вотъ на «Болвановкѣ» то мѣсто дорогое,
На коимъ сбросили Татарское ярмо
Мы, въ грязь втоптовши ихъ «болвана» [209] и съ «басмою»
Которой кланятся намъ было суждено.
Вотъ церковь всѣхъ святыхъ «въ Кулишкахъ» [210], трисвятою
Намъ памятью досель звучащая? Одпо
Воспоминаніе ужъ о побѣдѣ той
Донскаго возвышать духъ вѣрно властно твой!

380.

А на Лубянкѣ ль—храмъ Введенья? Тутъ молился
Пожарскій, тутъ его боярскій домъ стоялъ [211];
Досель еще огонь лампадки, какъ онъ тлился
При немъ, такъ тлится всё въ вратахъ сихъ! Здѣсь мечталъ
Я часто въ часъ ночной, когда на мнѣ ложился
Сей лучь таинственный и сердцемъ вызывалъ
Стратига славну тѣнь, на пепелищѣ симъ
Его домашнимъ.....Миръ гласилъ костямъ святымъ!

381.

А церковь ль Федора Студійскаго? Палаты
Суворова досель тутъ дѣдовски стоятъ,
Въ которыхъ родился сей геній, столь богатый
Величіемъ души и чувствомъ такъ богатъ!
А «Воронцовское» ли поле? Тутъ трисвяты
Въ Ильинской церкви—двѣ могилы предстоятъ,
Въ которыхъ Ляпуновъ и Ржевскій, впрямь душой
Великіе, лежатъ замучены толпой! [212]

382.

А у Николы ль что «въ Столпахъ»? Часовня, въ коей
Бояринъ Артамонъ Матвѣевъ сладко спитъ [213],
Погибши за страну—уже ль она не стòитъ
Поминовенія и сердце не болитъ?
О, если русскій ты впрямь сердцемъ и душою,
Прильни къ могилѣ сей, въ которой днесь сокрытъ
«Мужъ правды и добра», какъ нѣкогда назвать
Умѣлъ его, пѣвецъ «думъ» мѣтко очертать!

383.

По истинѣ, въ Москвѣ, что шагъ—воспоминанье
И что урочище—то слàвна память есть;
А что останокъ—то великое сказанье.
О предковъ доблестяхъ, имъ въ неумолчну честь!
Благослови жъ страну, которая въ даянье
Даётъ тебѣ примѣръ не въ похвальбу и въ лесть,
А въ назиданіе и въ поощренье, стать
Чтобъ могъ и ты такимъ, такъ Рýси жизнь отдать!

384.

Въ Новодѣвичьемъ есть забытая могила [214]
Царевны Софіи, почти здѣсь скорбный сонъ
Ея! И поклонись Святаго Даніила
Мощамъ въ обители родной ему, гдѣ онъ
Чудотворенія божественною силой
Намъ просіялъ теперь. Сей древній храмъ склонёнъ
Къ Москвѣ-рѣкѣ, досель намъ памятью звучитъ
«Зачателя» Москвы, который въ немъ лежитъ [215].

385.

Успенія «въ Крутицахъ» храмъ, Князю современный [216],
Сводъ стрѣльчатый и мракъ сквозь узкое окно,
А притчи на стѣнахъ и взоры устремленны
Сурово на тебя иконъ сихъ—всё въ вѣно
Народной старины дается тутъ, священной
Звучитъ намъ памятью! Быть можетъ, что дано
Симъ древнимъ храмамъ жить дòселѣ, чтобъ съ твоей
Душою дѣлать связь былаго всё тѣснѣй!

386.

Въ Донскомъ монастырѣ, побѣдою звучащимъ [217],
Воспоминаніемъ сей милой старины —
Припомнимъ пастыря, котораго палящій
Огнь мятежа застигъ здѣсь! Бывъ увлечены
Невѣжествомъ во дни чумы, Москву разящей
Какъ громъ, и яростью своей ослѣплены —
Архіепископа Амвросія убить
Толпы рвались сюда, могли сіе свершить! [218]

387.

Миръ мученику, долгъ свершалъ онъ свой мученья
Безтрепетно пріявъ! Вотъ Симоновъ. Зайдемъ
Въ сей древній монастырь къ всенощной, сладко пѣнью
Внять этихъ иноковъ, въ которомъ миръ найдемъ;
Какъ знаменательно сіе всенощно бдѣнье
И этотъ ѳиміамъ, и свѣчи, что въ ночномъ
Пылаютъ мракѣ тутъ, межъ тѣмъ какъ изъ-за тучь,
На спящую Москву, луна бросаетъ лучь! [219]

388.

Въ сей церкви Рождества, близъ Симонова, тою
Побѣдой, сладостно звучащей — преклонить
Приди колѣно ты надъ скромною плитою
И о костяхъ давно тутъ скрытыхъ помолить!
Здѣсь Пересвѣтъ, Ослябъ—два схимника, собою
Путь указавшіе къ побѣдѣ и сложить
Животъ умѣвшіе за Русь ихъ, сонъ златой
Вкушаютъ праведныхъ подъ сѣнью имъ родной! [220]

389.

А вотъ Андроньева обитель, гдѣ Святаго
Андроника мощамъ поклонимся и съ нимъ
Его сподвижнику; смиренный инокъ Савва
Здѣсь тоже предстоитъ молителемъ родныхъ [221];
Святаго Сергія ученики, всѣ славы
Мірскія промѣнявъ, на иночество имъ
Подвижничество такъ легко казалось, съ той
Руководящею дѣсницею святой!

390.

Еще есть древняя, ученая обитель,
Гдѣ «Академія» Ѳеодора была [222]
И первый свѣтлый лучь наукъ (соединитель
Мышленья съ вѣрою) по Ру́си разнесла;
Тутъ нѣкогда въ тиши сихъ келій жилъ мыслитель,
Трудился за народъ; отсюда Русь пошла
Иная, чтобъ съ Петра Великаго умомъ
Преобразить себя и къ лучшему во всёмъ.

391.

Что шагъ, то Божій храмъ! Вотъ и еще священно
Воспоминаніе побѣды надъ врагомъ,
Въ сей древней Срѣтенской обители—нетлѣннымъ
Намъ вставшей чудомъ здѣсь, чтобъ вѣрили. Войдёмъ!
Тутъ благодатный ликъ Заступницы, что стѣны
Москвы, а съ ней и Русь спасла намъ; въ насъ лучёмъ
Очесъ сихъ теплую молитву оживитъ,
Чтобъ помнили мы, въ чемъ спасенье предстоитъ! [223]

392.

Теперь же посѣтимъ окрестности столицы,
Доколѣ съ вѣрой и любовью не придёмъ
Опять въ Успенскій храмъ, чтобъ всѣ дѣла̀ и ли́ца
Припомнить старины, наитно, тѐпло въ нёмъ.
Какъ радостно мы взоръ бросаемъ на царицу
Великую Москву! Когда вглянуть взойдемъ
Съ сихъ Воробьевыхъ горъ, на городъ вѣковой
Свидѣтель столькаго, такъ родственъ намъ собой!

393.

А передъ нами вся она, въ своемъ безмѣрьи,
Раскинется! Сей Кремль, обви́тый зелено́й
Опушкою садовъ; соборы, камень вѣры
И жизни нашей; тотъ гигантъ, что золотой
Главой со всѣхъ концовъ Москвы намъ виденъ первый;
Хоромы и сады, а всюду церкви—свой
Крестъ будто кладбищемъ небеснымъ возвышать
Вездѣ возставшія въ святую благодать!

394.

Вотъ здѣсь, на мѣстѣ симъ, гдѣ нѣкогда собору
Должно бы надъ Москвой великою возстать,
И крестнымъ знаменьемъ на главахъ—сердцу, взору
И мысли, славный годъ спасенья вспоминать:
Часовня памятникъ воздвигнутъ [224] у притвора
Москвы, да сбудется мысль царская! Вѣнчать
Главу злаченую, крестъ Божій надъ Москвой
Встаетъ днесь; въ память здѣсь той бури роковой!

395.

Но посѣтимъ мѣста, гдѣ всё воспоминанья:
Измайлово село [225], въ которомъ ветеранъ
Нашёлъ теперь покой, въ правдиво воздаянье
Заслугъ и доблести; Семеновское, станъ
Воинскій, о Петрѣ Великомъ намъ преданье [226];
Преображенское [227], гдѣ началъ онъ титанъ
«Потѣшной ротой» тѣ гвардейскіе полки,
Которыхъ славы такъ родны и великй!

396.

Привѣтствую тебя священная обитель,
Для сердца русскаго домъ Божій трижды святъ,
Въ борьбахъ за родину безсмертный избавитель,
Гдѣ камни о дѣлахъ великихъ говорятъ!
Откуда алтарей Всевышняго служитель
Духъ Руси возбуждалъ, предъ коимъ супостатъ
Ярился два года съ ватагами враговъ,
И долженъ былъ бѣжать отъ горсти чернецовъ!

397.

Пройди, перекрестясь, подъ этими вратами,
Ты—въ Лаврѣ Сергія! Соборы предъ тобой
Стоятъ громадою старинной и вѣками
Издавна чтимою; садъ этотъ зеленой,
Пруды и кельи тѣ (отколь уже лучами
Науки съ мудростью озарены, душой
Готовые на свой божественный черёдъ,
Исходятъ Пастыри молиться за народъ) [228];

398.

И эти мѣстности, еще доселѣ живо
Въ разсказѣ Келаря встающія — гдѣ Ляхъ
Рвался на бой, но гдѣ духъ впрямь нацьелюбивый
Ему давалъ отпоръ — всё это въ памятяхъ
До нынѣ предстоитъ! О Лавра! справедливо
Влечетъ къ себѣ толпу молельщиковъ, въ камняхъ
Ея вѣдь не одинъ духъ набожности есть,
А вѣра въ націю и впрямь народна честь!

399.

Вотъ Троицкій соборъ. Предъ ракою священной
Святаго Сергія, учителя Царей,
Помолимся! Въ тѣ дни, когда Мамай намъ плѣномъ
Грозилъ — подвигнулъ онъ, благословилъ князей;
Любви къ отечеству вложилъ духъ въ эти стѣны,
Звѣздой спасенія содѣлалъ для людей,
И Лаврой Сергія (въ борьбахъ родной страны)
Всѣ чувства русскія для насъ сохранены! [229]

400.

Есть тутъ великій часъ наитно-вдохновенный,
Когда обитель спитъ, а старецъ гробовой
У раки Сергія коленопреклоненный
Тихонько молится полуночной порой;
Надъ нимъ сводъ храма нѣмъ, едва лишь озаренной
Лучёмъ лампадки надъ сей ракой.....а глухой
Молитвы шопотъ, мракъ, мощей сихъ дорогихъ
Видъ отрѣшатъ твой духъ отъ всѣхъ суетъ земныхъ!

401.

И подойдешь тогда ты къ этому святому
Защитнику страны, и съ страхомъ преклоня
Колѣно молишься: «чтобъ онъ въ тебѣ родному
Далъ чувству слово, жизнь и душу; чтобъ отъ дня
До дня ты всё впередъ шёлъ жизненно къ благому
Призванію и чтобъ душою состѣня
Страданьямъ братій, могъ духъ новый понимать
И дѣлу родины всего себя отдать!»

402.

Соборъ Успенскій здѣсь, намъ есть напоминанье
Собора славнаго среди родной Москвы;
Вотъ тотъ опальный Царь, чей прахъ на поруганье
Былъ брошенъ черни — спитъ.....И гдѣ же нынѣ вы —
Всѣ замыслы его, всѣ гордыя желанья
Упрочить свой престолъ?....Тутъ близъ него, вдовы
Убитой и семьи замученной, какимъ
Урокомъ кажутся останки—днямъ земнымъ! [230]

403.

Сватаго духа храмъ въ дни, къ сожалѣнью, кратки
Основанъ, когда былъ любимъ Царь Грозный—лѣтъ
Побѣды надъ Ордой, завѣтъ для Руси сладкій
Послѣ ярма Татаръ и рабства тяжкихъ бѣдъ;
Тутъ спитъ ученый Грекъ Максимъ, досель загадка
Исторіи, гонимъ за умъ, когда ужъ свѣтъ
Дня новаго вставалъ для Ру́си и рукой
Державной созданъ былъ міръ новый, міръ другой [231].

404.

Поклонимся мощамъ подвижника благаго,
Святаго Никона, который продолжалъ
Трудъ Сергія и домъ молитвы, изъ роднаго
Начала отческихъ преданій развивалъ [232];
Близъ—спитъ Святый Михей, на мѣстѣ, гдѣ съ святаго
Престола своего въ завѣтъ (который сталъ
Благословеніемъ для Лавры сей драгой)
Сошла Владычица дать святость ей собой!

405.

И гдѣ она Святому Сергію видѣньемъ
Знаменовала симъ грядущаго завѣтъ,
Отколь всѣ истинны свѣтильники ученья
Христова излили свой лучезарный свѣтъ,
Гдѣ Святый Сергій могъ надѣяться спасенья
Сей Лавры, когда Богъ врагамъ ея въ отвѣтъ
Далъ пораженье ихъ, чтобъ вѣрою крѣпка̀
Была она всегда и Ру́си велика̀!

406.

Теперь поклонимся гробамъ Архимандритовъ:
О Діонисій! Мужъ великій и святой,
Въ годину бѣдствія отечеству защита
И оклеветанный за славну жизнь толпой,
Миръ праху твоему! Въ годину знамениту —
Здѣсь солнцемъ истины сіялъ ты, полнотой
Души весь отдался́ странѣ своей, спасать
Ты могъ—да не умѣлъ народъ тебѣ воздать!

407.

Миръ Діонисію и Іоасафу! Днями
Гоненій, какъ и всё великое—они
Купили правый судъ потомства надъ гробами
И слишкомъ двѣсти лѣтъ ихъ выяснили дни!
Но гдѣ нашъ Палицынъ? Что нѣкогда рѣчами
Молніеносными изъ сей святой сѣни́
Духъ Ру́си возбуждалъ? Онъ тоже въ ссылкѣ жизнь
Окончилъ, да его и кости не нашлись! [233]

408.

Взберемся на̀ стѣны обители священной,
Вотъ—то Деу́лино, въ которомъ миръ скрѣплять [234]
Сошлись послы и жизнь Россіи (потрясенну
Въ основахъ мятежемъ, съ измѣной) укрѣплять;
Сей обелискъ о дняхъ осады незабвенныхъ [235]
Намъ повѣствуетъ, чтобъ напомнить благодать
Любви къ отечеству сей Лавры трисвятой,
Умѣвшей жертвовать за Русь свою собой!

409.

Прощай о Лавра! Ты палладіумъ отчизны
Съ Кремлемъ Московскимъ, ты для всѣхъ грядущихъ дней
Великій образецъ, свѣтило русской жизни,
Руководящее, что дальше, то ярчѣй!
Да будетъ стыдно тѣмъ, кто можетъ укоризны
Потомства заслужить, что онъ душой своей
Былъ равнодушенъ къ симъ заслугамъ золотымъ
И не воздалъ хвалой признательною имъ!

410.

Сюда Цари свой путь любовно учащали,
Здѣсь спасъ Господь Петра Великаго въ тотъ мигъ,
Когда мятежные стрѣльцы его искали,
Здѣсь отстояли Русь въ дни смуты. Какъ великъ
Нашъ долгъ предъ Лаврой сей, гдѣ столькіе пріяли
Смерть за отечество! Да будетъ жъ свѣтлый ликъ
Сихъ доблихъ иноковъ—всегда намъ предстоять
Примѣромъ въ памяти, чтобъ жизнь ихъ ублажать!

411.

Близъ Лавры предстоитъ Виѳанія Платона [236].
Краснорѣчивый мужъ, свѣтильникъ золотой
Отечества — онъ былъ всегдашней обороной
Для сирыхъ, немощныхъ, глаголомъ и душой;
Онъ помнилъ славный долгъ Святителя и стоны
Болящихъ духомъ, всѣхъ невзгодою мірской
Застигнутыхъ—къ нему не тщетно восходить
Вставали изъ толпы молитвъ его просить!

412.

Здѣсь скромный гробъ его подъ сѣнію Ѳавора,
Подъ этою горой, на коей онъ алтарь
Всевышнему воздвигъ, чтобъ мысль, душа и взоры
Всходили все горѣ! Къ нему сюда и Царь,
И нищій знали путь! Здѣсь тотъ почилъ, который
До старости былъ юнъ стремленьями. Какъ встарь
Великій Сергій жилъ за Русь, такъ сей Платонъ
Являлся родинѣ призваньемъ освящёнъ!

413.

Виѳанія—звѣно между роднымъ Сіономъ
И Лаврой Сергія. Зайдемъ въ Іерусалимъ [237],
Возсозданный другимъ Святителемъ, закона
И правды ревностнымъ защитникомъ. Живимъ
Потомства памятью признательной, здѣсь съ лона
Обители сей всталъ суровый ликъ, съ такимъ
Энергіи души властительной своей
Въ немъ отпечаткомъ, что нѣмѣешь ты ей-ей!

414.

Миръ Никону! Себѣ онъ памятникъ великій
Воздвигъ здѣсь и должно по праву тутъ ему
Покоиться — людскихъ гоненій, злобы дикой
И корыстной познавъ всю горечь! Здѣсь къ нему
Иди съ молитвою, почившему Владыкѣ
Воздай за жизнь его полезную! Тому,
Кто въ вѣкъ невѣжества долгъ честно выполнялъ
И будущность своей отчизны понималъ.

415.

Какое сладкое, священное мгновенье,
Когда въ соборѣ симъ стоишь ты въ часъ ночной
А предъ тобой вдали пещеры углубленье,
Съ той Искупителя могильною плитой,
Едва лампадкою во мракѣ озаренной!
Склонись и вспомяни страну, гдѣ міровой
Переворотъ во дни Евангельски свершать
Судьбы вселенной могъ и жизнь намъ духа дать!

416.

Припомни горы тѣ далекой Іудеи
И бѣдный тотъ Сіонъ, что тяжко подъ ярмомъ
Доселѣ стонетъ! Гдѣ жъ та вѣра, пламенея
Которой нѣкогда народы шли съ мечемъ
Туда — освобождать Св. Гробъ? Какъ, имѣя
Такую силу днесь въ рукахъ своихъ, крестомъ
Назнаменованы, мы равнодушны къ сей
Святынѣ, не идёмъ разбить ея цѣпей?

417.

Вотъ Патріарха скитъ, трудовъ неутомимыхъ [238]
Свидѣтель. Здѣсь сей мужъ великій, славнымъ днямъ
Котораго досель оцѣнки нѣтъ, въ любимыхъ
Занятіяхъ — о всёмъ клонящимся, чтобъ намъ
Дать лучшей жизни строй, судъ правый, для гонимыхъ
Защиту, царству блескъ, живительнымъ лучамъ
Науки доступъ въ тьму тогдашнюю — душой
О родинѣ болѣлъ, принесши ей покой,

418.

И санъ, и всѣхъ земныхъ величій обаянье,
Въ прекрасну жертву! Въ симъ — по истинѣ вѣнецъ
Гражданской доблести и честное призванье
Для избранныхъ вождей народа! Тотъ дѣлецъ
Евангельскій, кто жизнь на суетно блистанье
И внѣшность жалкую не тратилъ и слѣпецъ
Не думалъ, что ему лишь было бъ ладно жить
На свѣтѣ, а народъ вѣдь можетъ погодить.....

419.

Но ждетъ насъ дальній путь. Теперь же, предъ разстаньемъ,
Съ Москвой, намъ матерью, любимой такъ! пойдемъ
Опять въ соборъ, гдѣ Богъ краеуголье зданья
Россіи основалъ; гдѣ мы всегда найдемъ
И въ камнѣ теплоту душевную, желанья
Отчизнѣ счастія; въ первопрестольный домъ
Успенья! Въ нёмъ Господь, что царство, обновлялъ
Союзъ съ Россіей свой и край благословлялъ!

420.

Итакъ мы вновь въ Кремлѣ! Въ виду сихъ стѣнъ священныхъ
Которыя мясникъ Козма Мининъ спасалъ,
Семисотлѣтню жизнь Москвы припомнимъ, цѣнныхъ
Ея для Руси дней исторію; гдѣ всталъ
Такой святой завѣтъ любви къ отчизнѣ въ бренныхъ
Костяхъ сихъ, въ камняхъ сихъ; гдѣ Богъ намъ начерталъ
Въ великій образецъ — шагъ каждый сей земли,
Чтобъ подражать дѣламъ мы предковъ возмогли:

421.

Ничтожна Русь была. Когда въ лѣсахъ дремучихъ,
Въ убогомъ Кучковыхъ сельцѣ, зерно ввѣрялъ
Князь Даніилъ землѣ, изъ коего въ могучихъ
И сильныхъ отпрыскахъ такой дубъ славный всталъ!
Какъ широко теперь раскинулъ сѣнь, съ пловучихъ
Льдовъ полюса до странъ тѣхъ жаркихъ, въ коихъ далъ
Намъ Богъ алмазъ вѣнца; Кавказъ нашъ золотой!
А всё сіе для насъ трудъ предковъ вѣковой!

422.

Безъ у́стали они шли къ этой славной да̀ли
Дней нынѣшнихъ! Несли всё въ жертву: жизнь и кровь!
Святители — свои молитвы; Царь — печали
Съ заботами, стратигъ — свой мечь, пѣвецъ—любовь
Къ отчизнѣ въ пѣсняхъ! Всѣ умомъ, трудомъ желали
Создать Святую Русь — и создали! Отцовъ
Работу дѣтямъ всѣ стремились передать
И сводъ семисотъ лѣтъ возстали мы вѣнчать!

423.

Возстали! Какъ никто еще не призванъ въ свѣтѣ
Возстать былъ: искренно, разумно, всѣхъ слоёвъ
Общественныхъ святымъ союзомъ, на совѣтѣ
И искренней любви основаннымъ! Рабовъ
Освободили, судъ правдивый дали, къ мѣтѣ
Широкой гласности призвали для трудовъ
На дѣло земства, всѣмъ просторъ и голосъ дать
Умѣли! Какъ же намъ перстъ Божій не признать?

424.

Взойдемъ же вновь въ соборъ Успенскій, гдѣ душою
И сердцемъ намъ отцы открыли всѣ пути
Для счастья; гдѣ и мы бесѣдовать съ тобою
О Боже Ру́си днесь умѣемъ какъ придти!
Гдѣ Царь давалъ обѣтъ любить насъ и собою
Пожертвовать за насъ, къ развитію вести,
Всё дать, къ всѣму возвать, что нужно намъ, на свѣтъ
Всё вызвать доброе—и свой сдержалъ обѣтъ!

425.

Да будетъ же сіе святое единенье
Мыслѐй и чувствъ между Царемъ, ведущемъ въ даль,
И между націей (явившей днесь стремленье
Такое къ полному развитію) какъ сталь
Крѣпко̀, закалено̀ въ горнилѣ очищенья
Души! Да мимойдутъ: забота и печаль,
Борьба и смута, чтобъ всѣмъ подданнымъ Царя,
Равно возстала дней безоблачныхъ заря!

426.

Да мимойдетъ же насъ и чаша испытаній
Такихъ, какія днесь мы вынесли въ борьбахъ
Кровавыхъ съ Польшей и съ заразой разшатанья
Внутри отечества! Къ чему намъ жить въ мечтахъ
Пустыхъ и завсегда погибельныхъ для зданья
Подкопаннаго? Въ чёмъ искать Россіи благъ,
Какъ не въ развитіи томъ мудромъ, коимъ онъ
Насъ развиваетъ, такъ разумно вдохновлёнъ?

427.

Онъ самъ изрёкъ: «не въ томъ есть жизненная сила,
Что снизу изошло путями мятежей
И бурь общественныхъ, а сверху что сходило
Въ глубь націи». И правъ! Придемъ же всѣ—мыслей
И добрыхъ чувствъ сложить даянье вкупѣ! Было
Что тяжкое для насъ въ теченьи долгихъ дней
Тысячелѣтія забудемъ, чтобъ вступить
Въ обѣтованный край и впрямь счастлйву быть!

428.

Итакъ, мы встали здѣсь съ душою умиленной
И съ чистотою чувствъ, съ наитіемъ мысля́мъ
И съ теплой вѣрой — въ семъ соборѣ, драгоцѣнномъ
Ковчегѣ, въ коимъ Богъ внималъ всегда мольбамъ:
«О Ты, что любишь Русь и шлешь благословенья
Ея избра̀нникамъ! Что миръ и счастье намъ,
Народу доброму и вѣрному, даёшь,
А въ каждомъ бѣдствіи намъ руку подаёшь,

429.

«О Боже Руси! Вотъ—мы молимся душою
И сердцемъ молимся, даждь Господи идти
Всегда намъ нынѣшней великою стезёю,
Въ законахъ Твой законъ священный соблюсти!
Даждь намъ познать свой долгъ угодный предъ Тобою
И съ теплой вѣрою властительно придти
Къ той цѣли, гдѣ теперь свобода съ правомъ ждать
Насъ будутъ, чтобы намъ удѣлъ великій дать!»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

430.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, славный,
Гранитовъ тверже онъ и выше пирамидъ;
А каждую черту сей пѣсни православной,
Родной, понятной всѣмъ, народъ мой сохранитъ!
Здѣсь каждый звукъ встаётъ, какъ мысль вѣковъ издавна,
Какъ вѣщая скрижаль былаго и гремитъ
Надъ сердцемъ Ру́си онъ, какъ голосъ родовой
Со всѣмъ, что присно намъ сліянный и драгой!

431.

Есть слава вѣчная въ сихъ «Пѣсняхъ» освященныхъ
Народностью; онѣ всегда понятны намъ,
Хотя и созданы душой, не озаренной
Лучами генія..... Какъ сладостно сынамъ
Россіи вспомнить здѣсь событья драгоцѣнны
По доблестямъ отцовъ; склонять свой взоръ къ мѣстамъ,
Которыхъ каждый шагъ есть слѣдъ намъ дорого́й
Великихъ дѣлъ, въ урокъ и въ памятникъ живой!

432.

Да! Вѣрю я, что Русь немудры пѣсни этѣ
Почтитъ сочувствіемъ, ихъ родственность поймётъ;
Что ими заслужилъ народнаго поэта
Названье—и меня воспомнитъ мой народъ!
Да! Вѣрю я, что мысль, которая завѣтомъ
Здѣсь остается лѣтъ труда сего, найдётъ
Свою награду; и что яркою звѣздой,
По небу жизни, путь пройдетъ мой трудовой!

433.

Ибо я первый здѣсь тысячелѣтнія славы
Въ едино собралъ, ихъ значенье указалъ
И въ формахъ столь простыхъ воздвигъ имъ величавый,
Прекрасный «Памятникъ», какъ Новгородскій! Далъ
Урочищу глаголъ, смыслъ гробу, всѣмъ по праву
Хвалу, кто заслужилъ; къ свободѣ призывалъ
И правдѣ каждаго — согражданамъ моимъ
Всю Русь ихъ оживилъ напгіемъ роднымъ!

434.

И вспомнитъ мой народъ, когда меня не будетъ,
Пѣвца народности; къ надгробію придетъ
И скорбный прахъ давно отжившаго пробудитъ
Хвалой безсребряной, трудъ жизненный поймётъ!
Вотъ мысль прекрасная, которая всё нудитъ
Идти впередъ! Вотъ цѣль, къ которой всё идётъ
Усталый путникъ! Вотъ что властно надъ душой,
Изнемогающей подъ тяжестью земной!

435.

Пойдемъ теперь туда, гдѣ Богъ писалъ намъ кровью
Враговъ союзъ съ своей Россіей и вставалъ
За насъ щитомъ своимъ, съ отеческой любовью
Во дни нашествія отъ рабства избавлялъ!
И онъ свидѣтель намъ, что мы не къ изголовью
Склонялись въ время то, а старъ и малъ возсталъ
Съ желѣзомъ да съ крестомъ на честный смертный бой
Съ тираномъ! Гдѣ же онъ мужъ этотъ вѣковой?

436.

Вотъ этотъ «крестный путь» для дней Наполеона!
Съ «Поклонной» сей горы, откуда созерцалъ
Впервые онъ Москву и мыслилъ, что корона
Еще одна у ногъ прибавилась и..... палъ!
Здѣсь первый шагъ его вспять былъ не обороной,
А срамомъ бѣгства! Здѣсь Господь ему проклалъ
Невозвратимый путь къ скалѣ той гробовой
Святой Елены, гдѣ шесть лѣтъ онъ пылъ душой!

437.

О чудодѣйный путь! А всё же — какъ напрасны
Уроки грозные исторіи! Давно ль
Онъ умеръ плѣнникомъ, сей нѣкогда всевластный
Тиранъ Европы и отечества? Звѣно
Его цѣпей, давно ль племяннику въ несчастной
Темницѣ Гамской чуть не вѣчно суждено
Носить вѣдь было? А вотъ тщетенъ опытъ сталъ.....
На скользкій путь сей и племянникъ тоже всталъ!

438.

Пойдемъ на тѣ мѣста, гдѣ духъ любви къ отчизнѣ,
Вооружилъ тебя о избранный народъ!
Гдѣ шагъ — и слѣдъ побѣдъ, но нашимъ братьямъ тризна
И гдѣ молитва имъ такъ сладостно встаётъ!
Бородино! Взгляни на это поле жизнью
Тогда кипѣвшее, теперь могилу..... [239] вотъ
Гдѣ міру доказалъ, какой его душой
Великой одарилъ (народъ нашъ) Богъ! Какой

439.

Онъ крѣпостью его желѣзной закаляя
Далъ всѣ невзгоды и борьбы переносить
Съ душевнымъ мужествомъ, чтобъ вѣрой возвышая
Себя въ грядущее — могъ первымъ въ мірѣ быть!
Бородино и Севастополь! Размышляя
Надъ сими славными эпохами, свершить
Двѣ жертвы, когда мы пришли кровавы..... свой
Поймёшь тогда народъ всей чувства полнотой!

440.

Здѣсь нынѣ — на костяхъ отцовъ, на батареѣ
Раевскаго, гдѣ бой отчаянный кипѣлъ
Съ ожесточеніемъ — крестъ Божій благодѣетъ
Всѣмъ, мертвымъ и живымъ, какъ горній нашъ предѣлъ!
Подъ «Памятникомъ» симъ, всё славною яснѣя
Въ потомствѣ памятью своихъ великихъ дѣлъ,
Спитъ князь Багратіонъ — чья кровь за край родной
Была тутъ пролита въ день этотъ вѣковой! [240]

441.

Близъ поля этого обитель надъ костями
Тучкова, тоже здѣсь сложившаго животъ
За Русь! А Божій храмъ возносится крестами,
Какъ бы молитвою, за кровь твою народъ! [241]
Взгляни на мѣстность, такъ обильно тутъ тѣлами
Утучнену въ тѣ дни: вотъ индѣ ужъ растётъ
Цвѣтокъ, аль колосъ жатвъ, изшедшій изъ костей
Отцовъ..... и мирно всё на полѣ битвы сей!

442.

О! преклонись тогда надъ этою могилой
Багратіона и скажи имъ сладкій миръ,
Погибшимъ! И тебѣ, Кутайсовъ, образъ милый,
Бардъ юный — нѣкогда надежда нашихъ лиръ! [242]
О Боже! Неуже ль изъ слёзъ — что тяжко лили
Отцы да матери, да жоны; всѣ, кто сиръ
Остался въ этомъ день — не вышло ничего
Для той Европы и народа Твоего?

443.

Нѣтъ! Есть намъ выводы и мысль животворяща
На полѣ смерти симъ, священный плодъ тутъ есть
Для человѣчества, хотя его палящій
Симумъ борьбы сметалъ!..... Во-первыхъ — долгъ и честь
Подвигнули тогда Россію, сей мертвящій
Вихрь вынести, не пасть душою, славну мѣсть
Свершить въ Парижѣ, миръ съ свободой даровать
Европѣ, новый свѣтъ вдали ей указать....

444.

А во-вторыхъ — титанъ, такъ слѣпо шедшій въ дали
Снѣговъ Московіи, орудіемъ онъ сталъ
Прогреса нѐ-хотя. Полки его бѣжали,
По слѣдъ — посѣвъ идей обильный оставлялъ!
Съ Петра Великаго, въ сто лѣтъ мы поотстали
Отъ Запада по годъ нашествія намъ далъ
Толчёкъ, съ Европой насъ ссоюзилъ не однимъ
Правительства звѣномъ, а новыхъ думъ живымъ

445.

И плодотворнымъ намъ союзомъ. Дважды были
Въ Парижѣ, поняли мы многое въ странахъ,
По коимъ столько разъ властительно ходили.....
Свободы, права и гуманности, въ мысляхъ
Остался рѣзкій слѣдъ! Въ пожаръ Москвы (гдѣ жили
Боярства спѣсь и гнетъ рабовъ ихъ) на кострахъ
Столицы многое сгорѣло..... Въ полувѣкъ
Съ нашествія, не тѣмъ сталъ русскій человѣкъ!

446.

Съ тысячу-восемьсотъ-двѣнадцатаго года,
Куда какъ далеко — взгляните — мы ушли!
Вотъ вамъ и выводы великаго народа
Стараній и борьбы! Скажите жъ тѣмъ, что шли
Здѣсь честно умирать за Русь, ея свободу,
Ея значеніе — и вѣруя легли
Костьми безъ срама — миръ за жертвы трисвятой
Ихъ, приношеніе въ годъ этотъ роковой!

447.

Прошло двадцать-пять лѣтъ. Тогда съ своимъ народомъ
Сюда пришелъ и Царь, здѣсь на полѣ почтить
Тѣхъ безпримѣрныхъ битвъ поборниковъ свободы
И чести родины! Прахъ славный положить
Багратіона подъ симъ «Памятникомъ» въ роды
И роды, чтобы онъ потомство научить
Своимъ примѣромъ могъ! И чуденъ былъ тотъ мигъ,
Когда имъ возгласилъ здѣсь «память» клиръ! Великъ

448.

Значеньемъ! Тожъ тебѣ, отъ дальнихъ поколѣній
Всегда здѣсь будетъ «миръ! Кутузовъ! Понималъ
Ты свой народъ, нашъ долгъ и силой убѣжденья,
«Что Русь тверда душой», отечество спасалъ,
«Что сёлы въ пепелъ мы, а въ прахъ мы грады» съ рвеньемъ
Къ отчизнѣ обратимъ; ибо не въ нихъ намъ далъ
Господь спасеніе — а въ вѣрѣ трисвятой,
Въ преданности Царю, въ народности живой!

449.

А гдѣ Тиртей Славянъ, пѣвецъ нашъ вдохновенный,
На полѣ ратномъ симъ воспѣвшій подвигъ ихъ
Великій — среди тѣхъ дружинъ одушевленныхъ
Самоотверженьемъ и честью? То жъ утихъ
Онъ навсегда, сошелъ въ могилу, обреченный
Безсмертью какъ они, оставивши свой стихъ
Прекрасный въ «памятникъ» нетлѣнный бурныхъ дней
Сихъ. «Миръ Жуковскому!» средь родственныхъ тѣней! [243]

450.

Въ Тарутинѣ [244] — залогъ по истиннѣ прекрасный,
Своихъ чувствъ дали здѣсь крестьяне — на костяхъ
Отцовъ воздвигшіе имъ «памятникъ». Какъ страстно
Намъ Руси не любить, когда мы и въ сердцахъ
Смиренныхъ поселянъ находимъ ежечасно
Такіе отзвуки? Давно ль, на нашихъ дняхъ,
Мы видѣли примѣръ и въ массахъ той любви
Къ Россіи, съ коей намъ жизнь въ сердцѣ и въ крови?

451.

Россія тѣмъ крѣпка и тѣмъ несокрушима,
Что нашъ простой народъ не мудрствуя живётъ,
Однако полнотой чувствъ русскихъ ясно зримо
Во всѣхъ борьбахъ страны! Вотъ лучшій намъ оплотъ,
Вотъ что должны бы знать тѣ, коими любимы
Такъ — внѣшность Запада, Европы лоскъ..... Даётъ
Что, въ мигъ опасности, всё это? Ничего!
А Русь — спасаетъ грудь народа твоего!

452.

Подумайте жъ вы всѣ «передовые люди»
Россіи, истинно глаголю вамъ: не ждётъ
Васъ настоящее, а всё въ даль тёмну нудитъ
И всё кричитъ вамъ въ слѣдъ: «воспомни свой народъ!»
Дворяне! Помните — что нынѣ не возбудитъ
Сочувствія вашъ блескъ, вашъ титулъ, гербъ и родъ....
Однимъ вы можете быть дороги: «душой
Впрямь любящей народъ!» Внѣжъ — быть вашъ звукъ пустой!

453.

Здѣсь былъ Кутузова воинскій станъ, отколѣ
Какъ Скопинъ-Шуйскій онъ врагу противусталъ
Народа грудью, всё подвигнулъ силой воли
И въ русскіе снѣга̀ рать вражью затопталъ!
Здѣсь Баговутъ погибъ, па этомъ славномъ полѣ
Тарутинскомъ и крестъ спасенья мирно всталъ
Теперь надъ этою равниной боевой,
Какъ и въ Бородинѣ..... Скажи имъ «миръ святой!»

454.

Зайдёмъ и въ Боровскъ, чтобъ къ Пафнутія (роднаго
Заступника) мощамъ прибѣгнуть. Тоже здѣсь
Палъ Князь Волконскій въ старь, у этого порога
Святаго долгъ Вождя исполнивъ въ вѣчну честь
И славу! Въ дни его, нашествія другаго
Была година: [245] Ляхъ — измѣну, силу, лесть,
Пускалъ всё въ дѣйствіе, чтобъ русскій покорить
Народъ..... Да не легко насъ вѣрно вѣдь сломить!

455.

Что шагъ, то битвы слѣдъ! Вотъ Малоярославецъ
И Красный, Верея, гдѣ раненый орёлъ
Влачилъ разбитую цѣпь по̀лміра съ безславьемъ,
Доколѣ гибели въ снѣгахъ тутъ не нашёлъ!
Въ соборѣ Вереи спитъ Дороховъ, такъ славно
Здѣсь смерть нашедшій. Миръ всѣмъ, кто здѣсь отошёлъ,
Какъ и въ Тарутинѣ, въ Бородинѣ, въ могилъ
Кровавыхъ и досель цѣлы́ курганы! Жилъ [246]

456.

Онъ честно и погибъ со славой, забываютъ
Лишь тѣхъ, кто пользой и добромъ земной свой путь
Не обозначилъ. А за Вязьмой разстилаетъ
Днѣпръ скатерть водъ своихъ, улегшихся соснуть
Подъ дальній благовѣстъ всенощной. Выдвигаетъ
Бойницы древніе и стѣны, вспомянуть
Ихъ славу завсегда достойну — городъ тотъ,
Нашъ родовой Смоленскъ, отечества оплотъ!

457.

О! помолись поди сперва въ соборѣ этомъ [247],
Гдѣ Шеинъ, Энгельгардтъ молились; гдѣ старикъ
Кутузовъ горячо молился, въ коимъ дѣти
Россіи предпочли смерть плѣну! Какъ великъ
Намъ предстаётъ Смоленскъ, когда свои завѣты
Минувшаго очамъ раскроетъ и что мигъ
Страданій — кажетъ намъ развалину святой,
Омыту кровію въ борьбахъ за край родной!

458.

И тоже помолись предъ чудною иконой [248]
Смоленской, писанной Апостола рукой;
Изъ бѣдной Греціи сюда притекшей (съ лона
Любовнаго наукъ и вѣры трисвятой);
Здѣсь — съ высоты небесъ — она пріемлетъ стоны
Осьми вѣковъ; отсель небесною карой
Она сошла враговъ губительно карать
И знаменіе симъ отечеству подать!

459.

А наконецъ — молись въ обители священной
Мощамъ Меркурія — защитника страны [249],
И въ крѣпостномъ симъ рву, гдѣ жертва драгоцѣнна—
Разстрѣлянъ Энгельгардтъ! Не даромъ намъ даны
Такіе образцы высокіе, въ нетлѣнно
Воспоминаніе, чтобъ ихъ оцѣнены
Самоотверженность и преданность — душой
Потомства были! Миръ сей тѣни дорогой!

460.

Миръ Энгельгардту! Здѣсь — гдѣ «Памятникъ» на вѣчно
Смерть славную его возсталъ напоминать [250],
Для назиданія и помысломъ сердечнымъ,
Такой святой конецъ потомству воскрешать!
Прозрѣлъ здѣсь наконецъ Наполеонъ, безпечно
Повѣрившій своимъ успѣхамъ и срывать
Вѣнки лавровые пришедшій, въ той странѣ,
Чувствъ скрыта коей глубь, какъ въ моря глубинѣ!

461.

Миръ тоже Шеину! Не отъ врага, прекраснымъ
Концомъ погибшему средь битвы; а рукой
Презрѣнной палача казненному, несчастной
И славной жертвѣ! Что жъ могло надъ головой
Его взмахнуть топоръ? Не онъ ли ежечасно
На сихъ стѣнахъ бросалъ жизнь въ жертву и такой
Увѣнчанъ славой въ дни осады? Клевета
И зависть Дворская причина страшна та! [231]

462.

Миръ всѣмъ защитникамъ Смоленска, въ двѣ годины
Нашествія, за Русь сложившимъ здѣсь животъ;
Въ купелѣ крови здѣсь безсмертныя крестины
Свершившимъ для себя, да помнитъ ихъ народъ!
Не даромъ ты Смоленскъ такъ дорогъ намъ, судьбины
Не даромъ связаны твои съ Россіей! Сводъ
Попытокъ оторвать сей городъ родовой
Отъ Ру́си — мѣтой былъ онъ исконь вѣковой.....

463.

Прощай! Всегда душѣ ты русской впрямь священный
Оплотъ! Наполеонъ здѣсь въ первый разъ позналь,
Какъ Ру́си грудь тверда, какой мы неизмѣнный
Народъ въ рѣшимости.....Онъ слѣпо помышлялъ,
Что мы хлѣбъ-соль ему, какъ нѣмецъ, униженный
Его побѣдами, готовимъ. Плохо зналъ
Онъ насъ, какъ и его племянникъ на валахъ
Севастопольскихъ! И....погибнулъ въ сихъ мечтахъ....

464.

Оставимъ за собой Днѣпръ, Витебскъ — Бѣлорусья
Старинный городъ, Минскъ. Но въ Оршѣ—надъ тобой,
О столь мнѣ милый прахъ, съ молитвою склонюсь я—
Спи сладко, мать, подъ сей могильною плитой!
Не помню я твоихъ ласкъ нѣжныхъ, но клянуся,
Что льну къ тебѣ всегда всѣмъ помысломъ, душой
Возсоздаю себѣ твой милый образъ! Онъ
Во мнѣ всегда моей любовью оживлёнъ! [232]

465.

Живи же, милая, въ сей пѣснѣ посвященной
Россіи; въ «Памятникъ», гдѣ вся она встаётъ,
Великая! Живи здѣсь памятью нетлѣнной,
И пусть съ тобой меня воспомнитъ мой народъ!
Кто лучше матери, возможетъ драгоцѣнный
Кладъ чувствъ развить въ душѣ младенческой? Кто плодъ
Того, чѣмъ мы встаёмъ въ послѣдствіи, сильнѣй
Возможетъ возрастить для славы нашихъ дней?

466.

Спи въ мирѣ! Рано я позналъ сиротство кро̀ви,
Какъ рано я позналъ сиротство средь другихъ,
Мнѣ чуждыхъ.... Но всегда, гдѣ бъ ни былъ я, съ любовью
Возсоздавалъ тебя — во снахъ ли золотыхъ
Слѣтавшихъ иногда къ ночному изголовью,
Во дни ль борьбы и мукъ, выстрадывая стихъ,
Который долженъ быть мнѣ въ памятникъ живой.....
Всегда присуща мнѣ ты, свѣтлый Ангелъ мой!

467.

Здѣсь за Ошмянами, уже Литвы начало —
Страны, которая, въ старь съ Польшей, на Москву,
Полна кичливости и злобы, возставала,
Пыталась и теперь....да тщетно! На главу
Свою лишь бѣдствія обрушивши, сковала
Себя еще тѣснѣй! Доколь же намъ Литву
Учить Исторіи? Ужель нельзя понять
Ей, что ужъ прошлое безсильна отстоять?

468.

О бѣдная Литва! Конрада Валленрода [253]
Прошли ужъ времена! Какъ человѣку есть
Для жизни апогей, такъ есть и для народа
Вершина славы и могущества! Что мѣсть
Безсильная? Одно страданіе! Свобода
Возможна лишь, когда есть сила. Въ томъ и честь
«Передовыхъ людей», чтобъ въ жертву не нести
Напрасно кро̀ви. Гдѣ жъ цѣль, къ коей вамъ придти?

469.

Цѣль эта лишь одна, возможная — сліянье
Съ Россіей, въ этомъ лишь спасеніе для васъ!
Мы — не враги вамъ, нѣтъ! А братья. Ожиданья
Свободы, права, есть одни теперь у насъ
Не только съ вами, но со всѣми! Что жъ возстанья,
Что жъ эти мятежи безплодные, на часъ?
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ! Бунтъ лѣсной,
Къ чѣму привёлъ онъ васъ недавнею порой?

470.

Нѣтъ братья! Нѣтъ народъ отважный, благородный,
Всегда исполненный чувствъ рыцарскихъ, когда
И заблуждаешься ты—помни! Для свободы
Не нужно палачей и крови! Никогда
Не купишь ты ее цѣною слезъ народа;
Ей нуженъ лучь наукъ, миръ, честный трудъ, всегда
Основа истинно свободныхъ націй въ той
Закона силѣ, въ чемъ есть прочность и покой!

471.

Что за безжизненны равнины тамъ виднѣютъ
Вдали туманной той? Среди-то сихъ равнинъ
Болотистыхъ, ключемъ къ Березинѣ владѣетъ
Борисовъ. Здѣсь позналъ надмѣнный властелинъ
Ничтожество людскихъ мечтаній! Страшно тлѣютъ
Здѣсь кости Франціи! И каждый гражданинъ,
Умѣющій свою Россію понимать,
Придетъ сюда хвалой отечеству воздать!

472.

И такъ отдѣлимъ здѣсь, въ ненависти народной,
Сихъ падшихъ отъ вождя, который мнилъ, что онъ
Играть могъ націей великой и свободной
Въ игру случайностей, гордыней ослѣплёнъ!
Что кровью Франціи, какъ влагой плодородной,
Питать онъ могъ поля́ Европы! Что и стонъ,
И слезы націй—могъ онъ смѣло презирать,
Да всё къ своей мечтѣ несбыточной шагать!

473.

Что жъ далъ онъ Франціи въ замѣну битвъ кровавыхъ?
Позоръ двухкратнаго нашествія и плѣнъ,
Подъ гнетомъ коего погибла прежня слава!
Враговъ — которые сошли съ Кремлевскихъ стѣнъ
И будто божій серпъ сжинали величавы
Тирана полчища! Полвѣка перемѣнъ
Мятежныхъ, съ выводомъ потери тяжкой вновь
Свободы! Это ли награда имъ за кровь?

474.

Вотъ ихъ Березина, могила роковая
Несчастной Франціи! Изъ глубины рѣчной,
Изъ сихъ болотъ, озёръ — уликой возставая,
Они проклятіемъ гремятъ надъ волей той!
Здѣсь — этотъ переходъ тревожно вспоминая:
Стонъ умирающихъ, кликъ битвы, рёвъ глухой
Орудій, тонущихъ вопль, можешь возрыдать
О Франція! Тебѣ — сыновъ ужъ не видать! [254]

475.

А тщетно ихъ досель ждутъ матери да жёны
И дѣти милыя — здѣсь вѣчностъ ихъ костямъ
Дала въ землѣ пріютъ; лежатъ они сражёны
Мечёмъ — губителемъ, припавъ къ своимъ орламъ!
Напрасно думая. что могутъ быть отмщёны
Вождемъ ихъ, тусклый взоръ вращая къ небесамъ,
Со словомъ: «vive l'Empereur!» здѣсь падали они,
Но Франція сочла побѣдъ своихъ ужъ дни!

476

Почтимъ ихъ смертный сонъ, жертвъ бѣдныхъ ослѣпленья!
Вотъ Вилія съ Нѣманомъ сливаясь, въ даль текутъ;
А Вайделота пѣснь полна одушевленья,
Звучитъ прекрасная доселѣ слуху тутъ!
Дремучіе лѣса Перкуномъ оживленны
Качаютъ головой столѣтней. А Кестутъ,
Жрецы сихъ тайнъ лѣсныхъ, да тѣни Крыжаковъ
Съ крестомъ на мантіи, всё бродятъ средь лѣсовъ!

477.

А ты пѣвецъ Литвы, Мицкевичъ вдохновенный,
Такъ родину свою любившій, разсказать
Умѣвшій такъ ея преданья...Незабвенный
Бардъ, гдѣ ты нынѣ спишь? Гдѣ въ бронзѣ оживать
Той статуи дано, которой обращенный
Взоръ къ небу, а рука на лирѣ — вспоминать
Должны бъ на площади, заслуги скорбныхъ дней?
Увы! Онъ спитъ вдали отъ родины своей!

478.

Вотъ Вильна, гордая Литовская царица,
Гдѣ жъ нынѣ прошлое? Великій Гедеминъ,
Ольгердъ, Витовтъ, Князья тѣ древніе? Съ столицей
Что сталось нынѣ ихъ? Преданья лишь одинъ
Далекій отзвукъ есть! Какъ раненая львица,
Еще грозящая въ агоніи....такъ сынъ
Литвы не разъ еще пытался возставать,
Чтобъ вновь въ крови своей тягчѣй изнемогать!

479.

Богъ намъ свидѣтель! Мы не разъ Литвѣ прощали,
Хотя горѣлъ фитиль у пушки, а штыки
Трехгранно лезвіе надъ падшей наклоняли....[255].
Но — отвели мы мѣсть и маніемъ руки
Послали вамъ не смерть, а милость! Что жъ вы дали
Великодушію въ замѣну? Далеки
Иль близки были мы — вы всё противу насъ
Вставали явно ли, иль тайно, хоть на часъ!

480.

А между тѣмъ — для васъ есть славное призванье
Въ семьѣ Славянщины! Вы, съ Польшей, нашъ народъ
Передовой у вратъ Европы. Наше зданье
Вы призваны вѣнчать собой изъ рода въ родъ!
Въ сліяньи съ вами — мы непобѣдимы, знанье
И сила, мужество съ наукой, что за плодъ
Прекрасный могутъ дать! Господство надо всей
Европой — вотъ вамъ цѣль, для нашихъ общихъ дней!

481.

Германія — племенъ Славянскихъ поглощаетъ
Теперь народность, ихъ вездѣ разъединить
Стремится: въ Австріи и въ Пруссіи. Терзаетъ
И Турція своихъ....Такъ «быть ли иль не быть?»
Коль быть — то для чего строптивый духъ мѣшаетъ
Вашъ единенію Славянщины? Возмнить
Ужели вы могли, что нынѣ Русь слабѣй
Чѣмъ при Баторіи и можетъ пасть скорѣй?

482.

Нѣтъ: Руси духъ могучь, да и Литвѣ природенъ:
Потомки Рюрика досель межъ вами есть,
Крестъ православія и въ Вильнѣ былъ народенъ,
Свидѣтели сему Угодники! За честь
Россіи бились здѣсь сердца̀ дворянъ; такъ сроденъ
Народу былъ языкъ и бытъ нашъ — что вся лѣсть
Несчастной Уніи, всё рвенье обратить
Къ полонизаціи край, тщетны побѣдить!

483.

Припомнивъ въ Полоцкѣ крестъ Ру́си драгоцѣнный,
Святой Княжны, что намъ оставила завѣтъ
Сей православія въ наслѣдіе священно [256];
Припомнивъ Лавру ту Почаевску, гдѣ свѣтъ
Намъ вѣры и́здревле блистаетъ какъ нетлѣнный
Свидѣтель прошлаго....воскликнимъ мы: «о нѣтъ!
Не можетъ быть, чтобъ Русь могла себя отдать
На жертву здѣсь, свой долгъ и право забывать!»

484.

А наша кровь, что мы вѣка̀ здѣсь проливали?
А жертвы наши всѣ, отъ сумрачныхъ вѣковъ
И до послѣдняго дня какъ вы вновь возстали
Недавно? Можетъ ли быть, чтобы не готовъ
Вамъ былъ всегда отпоръ, чтобы мы не отвѣчали
На вопли запада мечёмъ своимъ сыновъ?
Ты мнѣ свидѣтель здѣсь о Кульневъ, впрямь герой,
Близъ Люцена за Русь погибшій въ бурѣ той!

485.

Гдѣ жъ бичь Французовъ? Гдѣ рушитель вражьихъ силъ,
Вихрь битвы Кульневъ, тотъ свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ за Русь, главу на звонкій щитъ склонилъ
И стиснулъ грозный мечь въ оледенѣлой длани!
Въ «Соколищахъ», гдѣ онъ въ міръ Божій встарь входилъ,
Теперь онъ сладко спитъ — собравъ обильны дани
Народной памяти. Изображенье есть
Его вездѣ у насъ, какъ Руси иста честь! [257]

486.

Гдѣ жъ бичь Французовъ? Гдѣ безжалостный воитель,
Суровый Фигнеръ? Онъ не на поляхъ родныхъ
Сомкнулъ свой грозный взоръ, сей ангелъ-истребитель
Врага — а вдалекѣ, средь волнъ ему чужихъ!
Дно Эльбы, гробъ ему! Какъ грозный покоритель
Сибири, нашъ Ермакъ въ Иртышскихъ роковыхъ
Ему волнахъ нашёлъ мигъ смерти боевой —
Такъ Фигнеръ, мечь въ рукѣ, лежитъ въ могилѣ той! [258]

487.

Понятно же, что Русь сильна, доколь имѣетъ
Такихъ сыновъ; что вамъ ее неодолѣть
И съ внѣшней помощью Европы! Что владѣетъ
Она той стойкостью, съ которою стереть
Нельзя съ лица земли.... Опомнитесь! Свѣтлѣетъ
Теперь намъ будущность, мы будемъ всё имѣть
Чего желали.... Пусть борьбы той роковой,
Изчезнетъ слѣдъ..... Сыны отнынѣ мы одной

488.

Великой матери, Россіи! Разстилаетъ
Широкій Нѣманъ плёсъ своихъ бурливыхъ водъ
За Гродно — Цезаря тѣхъ дней напоминая
Кровавый Рубиконъ! Перешагнувъ впередъ
Черезъ сію рѣку, съ надеждой устремляя
Свой натискъ въ глубь страны — какой же послѣ плодъ
Онъ вынесъ изъ своей попытки? Бѣглецомъ
Переходилъ опять сей Нѣманъ онъ потомъ! [259]

489.

За Ломжей, гдѣ себя такой покрыли славой
Гвардейскіе полки — вотъ Остроленка. Миръ
Вождю усопшему, защитнику державы,
Онъ стóитъ памяти и пѣсень русскихъ лиръ!
Не будемъ разбирать ошибокъ, величаву
Тѣнь оскорблять того — который нынѣ сиръ
И позабытъ лежитъ..... но вспомнимъ всѣ его
Заслуги ради славъ народа своего

590.

И скажемъ Дибичу миръ, падшему герою! [260]
Подъ Остроленкой — онъ еще разъ побѣдилъ,
Рванулся..... встрѣтился лицемъ къ лицу, не съ боемъ
А съ вѣчностью..... и мечь побѣдный преклонилъ!
Да будетъ миръ съ костьми, которыя такъ стóятъ
Воспоминанія съ молитвой! Хоть и былъ
Не русскимъ онъ, хотя презрѣнной клеветой
Чернь встрѣтила его у крыши гробовой.....

491.

Но какъ Эпаминондъ, онъ по себѣ оставилъ
Двухъ славныхъ дочерей: Кулевчи — та изъ нихъ [261],
Которой высокò тогда себя поставилъ
Онъ, какъ стратига впрямь искуснаго въ своихъ
Предначертаніяхъ; и та — гдѣ онъ прославилъ
Свой умъ тактическій подъ Остроленкой. Ихъ
Исторія страны не можетъ забывать
И должнаго ему за славу не воздать.

492.

Руссо былъ правъ — и жизнь для Польши невозможна
Являлась въ нормахъ тѣхъ, съ которыми она
Устроилась съ вѣковъ теченіемъ на ложныхъ
И разрушительныхъ началахъ создана!
Духъ нетерпимости, холопство, миръ тревожный
Похожій на войну, въ правительствѣ одна
Лишь тѣнь властительства, да Сеймъ, что могъ «срывать»
Любой, съ своимъ «veto!» Чего тутъ проку ждать?....

493.

За Вислою — видна мятежная Варшава
Раздорной Польши сей! Надъ ней теперь грозой,
Владычитъ цитадель..... Неславный для державы
Собіескаго исходъ! Но кто же, Боже мой,
Скажите — виноватъ? Не мы конечно! Право
Имѣетъ всякъ, кому сосѣдъ его собой
Угрозу вѣчную для мира представлять
Является — сей миръ посильно защищать!

494.

А вотъ — и Воля.... Миръ погибшимъ здѣсь на Волѣ [252]
Сей, тридцать лѣтъ назадъ! Миръ тѣмъ, что свой нашли
Конецъ на сихъ валахъ окровавленныхъ, доля
Вѣдь не легка̀ была тутъ наша! Сколько шли
Мы разъ сюда свою кровь проливать, о поле
Теперь безмолвное свидѣтельствуй? Вдали
Отъ присныхъ, сколькіе исходъ здѣсь гробовой
Нашли въ борьбахъ до днесь? Ты знаешь, Боже мой!

495.

А грозный Прагскій штурмъ (еще намъ роковая
Страница столькихъ жертвъ, когда кипѣлъ тутъ бой
Ожесточенный тотъ и штыкъ съ штыкомъ скрещая
Мы нà смерть бились здѣсь съ Поля́ками)? Мечтой
Ужели это всё назвать намъ, забывая
Плѣнъ Шуйскаго, Москву раздавлену пятой
Коня враговъ и всё, что вотъ ужъ двѣсти лѣтъ
Въ сей распрѣ съ Польшей намъ — бѣдъ, слёзъ и бурь завѣтъ?

496.

Миръ тоже братіямъ, на штурмѣ томъ кровавомъ [263],
Сложившимъ жизнь свою! И миръ тебѣ герой
Суворовъ, коему вездѣ безсмертна слава
Гдѣ бъ не явился онъ! На Альпы ли пятой
Сталъ, въ волны ль Рымника вогналъ Османовъ, право
Италіи ли спасъ (когда какъ нынѣ, съ той,
Какъ нынѣ же, своей политикой лукавствъ
Кидала Франція мечь на вѣсы тамъ царствъ)!

397.

Войдемте въ питатель, гдѣ обелискъ державный [264]
«Благословеннаго» напомнитъ кротки дни,
Когда на высотѣ величія, издавный
Плѣнъ Польши прекратилъ онъ. Чѣмъ потомъ они
Ему воздали? Бунтъ кровавый и безславный,
Рѣзня ночная, два возстанія, въ тѣни
Изъ-за угла кинжалъ убійцы, дважды кровь
И казни, ссылка и страданья..... Что же вновь?....

498.

О нѣтъ! Пойдемъ отсель въ соборъ нашъ православный,
Надъ этимъ городомъ возставшій симъ крестомъ
Того, кто завѣщалъ прощать врагу и славный
Свершивши подвигъ — предъ симъ русскимъ алтаремъ
Забудемъ всё, простимъ всё имъ! Мятежъ недавній,
Грѣхъ увлеченія, кровь братій..... Воззовёмъ
Къ согласію, къ любви впрямь братской — сей народъ
Несчастный, пусть онъ миръ и счастье познаётъ!

499.

Чья это статуя — взоръ къ небу обращенный [265],
Чело спокойное — на площади стоитъ?
Почтимъ Коперника, который духъ нетлѣнный
Свой Богу посвящалъ и памятью блеститъ;
Великій астрономъ, мудрецъ не славы бренной
Искавшій — взоръ его туда, гдѣ намъ горитъ
Ночной сводъ звѣздами, стремился, чтобъ искать
Въ небесныхъ тайнахъ сихъ Зиждителя печать!

500.

Вотъ статуей почтёнъ и Сигизмундъ Великій [266],
Одинъ изъ королей немногихъ, понимать
Умѣвшихъ чѣмъ должна бъ быть Польша (въ пору дикой
И необузданной ихъ вольницы), чтобъ дать
Ей лучшее во всемъ устройство. Тщетно! Клики
Мятежной шляхты, Сеймъ безправный налагать
Узду закона, рабъ-крестьянинъ «быдло» ихъ —
Что жъ могъ и геній тутъ, въ сихъ буряхъ вѣковыхъ?

501.

Ну — съ Богомъ въ дальній путь. Пустъ Русью будетъ этотъ
Край бѣдный! Сколько онъ несчастный перенёсъ:
Сосѣди, Унія, жидъ, шляхтичь, бунты, veto,
За каждымъ мятежемъ казнь, море крови, слёзъ
Потоки.... страшные усильямъ ихъ, отвѣты!
Пусть Русью будетъ онъ! Тогда бы онъ возросъ,
Переродился, впрямь свободенъ сталъ, счастливъ....
А что теперь?.... Поникъ главою, молчаливъ!

502.

Вотъ Сендомиржъ. Фонтанъ изсякъ и запустѣли [267]
Аллеи, замокъ тотъ, гдѣ нѣкогда бѣглецъ
Отрепьевъ создавалъ себѣ отважны цѣли,
Давно развалина! Вотъ Ченстоховъ, сердецъ
Прибѣжище къ его иконѣ, въ коей зрѣли
Себѣ защитницу Поляки и вѣнецъ
Ягеллы на чело хотѣли возложить....
Но кровь ли, жертвой ей пріятной можетъ быть?

503.

Вотъ Калишъ съ статуей [268], а тамъ и Краковъ вольный
Недавно городъ; но какъ всё, что въ ихъ рукахъ
Перебывало, самъ свободой недовольный
Своей, убившій жизнь свою — чтобы въ цѣпяхъ
Очнуться Австріи! Въ соборѣ склепъ юдольный,
Ихъ бѣдныхъ королей, которые въ борьбахъ
И смутахъ родины, вѣкъ изживали свой ...
Но кто бъ могъ Польшѣ дать миръ, счастье и покой?

504.

А ты — нашъ бѣдный Львовъ, гдѣ кости намъ родные
Владимірка лежатъ и Галицкихъ князей;
Гдѣ Даніила тѣнь взываетъ, чтобъ святые
Завѣты предковъ мы воспомнили живѣй!
И ты — оторванный отъ Руси, вѣковые
Не позабылъ еще преданья славныхъ дней
Когда престолъ твой былъ для Руси крѣпкій щитъ
Отъ натиска враговъ!.... Аль сердце не болитъ?

505.

Богъ дастъ! А мы теперь, отъ сей завѣтной грани,
Проникнемъ на Волынь (тожъ русская земля,
Василька и князей, намъ присныхъ, здѣсь! И дани
Тѣ жъ есть здѣсь памятѐй и славъ намъ!). Бога для,
Подумайте! Ужель мы отчія преданья
И кости предковъ, здѣсь почившихъ (духъ растля
Самоубійственно въ самихъ себѣ) забыть
Возможемъ: «что землѣ сей, русской надо быть?»

506.

Вотъ нашъ Владиміръ на Волыни, гдѣ томился
Требовльскій князь въ тюрьмѣ и гдѣ онъ оставлялъ
Слова̀ прекрасныя, гдѣ витязя явился
И христіанина духъ въ симъ слѣпцѣ! Онъ палъ
Въ борьбѣ, но памятью великой озлатился
Вѣнецъ его для насъ; въ немъ русскій духъ звучалъ,
Духъ вѣры, мужества и къ родинѣ любви;
А не умретъ сей духъ въ насъ, въ нашей онъ крови!

507.

Миръ князю доблему! Въ тотъ вѣкъ клятвоприступный,
Невинной жертвѣ смутъ своей страны родной!
Но Альта, въ сихъ кустахъ журчитъ всё неотступно
И осѣняетъ крѣстъ, сей берегъ зелено́й [269];
Склонись — тутъ пролита Святаго кровь, преступной
Рукою брата; а полуночной порой
Сюда пришли тогда убійцы и Борисъ
Закланъ былъ ими здѣсь.... Склонись и помолись!

508.

Но Мститель есть! На симъ же мѣстѣ, разразился
Карой онъ въ битвѣ здѣсь, изъ коей побѣжалъ
Какъ Каинъ — Святополкъ, и призракъ устремился
Убитаго за нимъ, всё гналъ его и клялъ!
Борисъ и Глѣбъ, чета прекрасная! Явился
Ихъ ликъ защитникомъ отчизны, возсіялъ
Въ нетлѣніи мощей, чтобъ этотъ родовой
Край, русскій по всему, хранить своей рукой!

509.

Луцкъ, Ровно, Новоградъ Волынскій, за собою
Оставимъ, Каменецъ, Житоміръ средь садовъ;
Весь этотъ русскій край звучитъ намъ стариною
Родной и присной Вотъ Черниговъ, средь холмовъ
Цвѣтущихъ, древній градъ — гдѣ съ теплою мольбою
Поклонимся мощамъ убитаго; отъ сновъ,
Всегда обманчивыхъ, державства перешёлъ
Внезапно въ вѣчность онъ, но рай себѣ нашёлъ! [270]

510.

Миръ князю Игорю, сей жертвѣ ослѣпленья
Народнаго! Зайдемъ въ обитель, гдѣ златой
Лучь вѣры возсіялъ въ иконѣ сей священной [271],
«Елецкой» прозванной. Что шагъ — то родовой
Край, нѣкогда отъ насъ отторгнутый, плѣненный;
Старинна отчина Мстислава, всей душой
Россіи прѐдана! По истиннѣ — что шагъ
Въ сей Малороссіи, блѣднѣетъ хитрый врагъ!

511.

Благоуханная, счастливая, покрыта
Богатой жатвой, вся разубрана̀ въ садахъ
И памятью такой священной намъ обви́та
Любви къ родной странѣ и къ Церкви! А въ тѣняхъ
Сихъ Наливаекъ, сихъ Полу́ботокъ, защитой
Встававшихъ и того Хмельницкаго — чей прахъ
Благословеніемъ страны его родной
Досель покоится — всё присно такъ съ тобой!

512.

И пѣсни кобзаря слѣпаго подъ вѣтвя́ми
Садовъ, и хуторы у рѣчекъ средь степей,
И солнце теплое, и съ черными глазами
Съ ухваткой воина Украинецъ, ночей
Душиста свежесть, жизнь привольная, стадами
Покрытые луга̀, и близость тѣхъ полей,
На коихъ создалась Святая Русь, чтобъ дать
Крещеніемъ страны грядущу благодать —

513.

Всё это такъ для насъ родно, понятно, мило!
Полтава, Кіевъ — двѣ родныя жизни тутъ
И каждая бъ изъ нихъ всѣ кости взшевелила,
Здѣсь скрытыя, когда бъ сняла съ нихъ смерти спудъ!
Пойдемъ же на̀ поле, гдѣ націи почило
Благословеніе небесное; гдѣ трудъ
Петра Великаго — могилы Шведской сей
Громада, выяснитъ получше всѣхъ рѣчей!

514.

Полтава! Что за лучь святой и чистый славы,
Съ могилы Шведской намъ внезапно возсіялъ [273]
И поле этихъ битвъ, и древнюю Полтаву,
Тѣнями грозными отцовъ понаселялъ?
Склонись предъ симъ крестомъ, рукой самодержавной
Петра Великаго воздвигнутымъ! Здѣсь далъ
Онъ въ этой надписи, столь тёплой и живой,
Завѣтъ души своей впрямь русской и родной.

515.

И вспомни ты тогда сподвижниковъ могучихъ
Петра Великаго, которые здѣсь шли
За край свой умирать и солнышкомъ изъ тучи
Внезапно Русь свою средь міра вознесли:
Здѣсь Шереметеву, Голицыну, кипучимъ
Вождямъ полковъ; тому, что чудно возвели
Судьбы такъ высоко «Данилычу», что былъ
Рукой Петра во всёмъ и въ ссылкѣ опочилъ....

516.

Всѣмъ имъ и тѣмъ полкамъ, которые тутъ славу
Впервые начали къ знаменамъ прививать
Съ побѣдой, дали ходъ Россіи и державу
Не разъ спасали — всѣмъ «миръ!» надо здѣсь сказать.
Какъ съ высоты сего кургана, величаво
Всё поле кажется! А будто благодать,
Крестъ этотъ осѣнить приходитъ горсть земли,
Гдѣ столькіе тогда за Русь свою легли! [724]

517.

Есть въ городѣ соборъ, герою современный [275],
Въ которомъ онъ тогда молился за страну
И въ коемъ тотчасъ же (побѣдой вознесенный)
Пришелъ благодарить Всевышняго. Здѣсь сну
Полутораста лѣтъ какъ бы одно мгновенье
Дано, такъ живо всё! Здѣсь можешь ты родну
И милу Русь свою, придти ночной порой
Привѣтствовать, какъ Петръ съ побѣдой золотой!

518.

Тогда — собора мракъ, сонъ города, душистый
И тёплый вѣтерокъ, проникшій сквозь окно,
Побѣдный обелискъ иглою золотистой [276]
Взбѣжавшій въ высь небесъ, и всё, что тутъ дано
Намъ перечувствовать въ молитвѣ, и лучистый
Свѣтъ предъ иконою, которая въ вѣно
Молитвенно тогда для взора предстаётъ,
Предъ коей Петръ молилъ за славный свой народъ.

519.

О это дивное, священное мгновенье!
Здѣсь впрямь достойно быть въ Полтавѣ, столь родной,
Разсаднику для войскъ и лучшаго значенья,
Какъ эта мѣстность нѣтъ для воина, собой
Который показать примѣръ обязанъ рвенья,
Отечеству отдать жизнь, если въ роковой
Часъ битвы долгъ велитъ! Гдѣ жъ лучше имъ внушать
Симъ юношамъ, какъ умѣть за край свой умирать?

520.

Вотъ Харьковъ средь садовъ. Отсель образованья
Заря изъ храмины науки разлилась [277]
И можемъ мы почтить своимъ воспоминаньемъ
Тѣхъ, коимъ нѣкогда отсель же мысль далась
Живая и чья жизнь была соревнованьемъ
Всему прекрасному. Здѣсь — ими впрямь слилась
Украйна съ Русью въ мигъ, когда уже она
Прильнула къ матери, Гетманщины страна.

521.

И Капниста труды, и Гоголя живую
Рѣчь высказанную намъ съ такою теплотой,
И мысль Сковороды. который золотую
Оставилъ притчу намъ, мудрецъ; и путь благой
Петра Могилы здѣсь народности святую
Цѣль отстоявшаго, Леванды золотой
Глаголъ — всё надобно намъ это вспоминать,
Съ любовью и хвалой ихъ жизни воздавать!

522.

И тоже вспомянуть здѣсь Искру, Кочубея,
Погибшихъ за народъ съ той вѣрой, что найдутъ
Въ потомствѣ правый судъ и что отяготѣетъ
Надъ ихъ гонителемъ проклятіе! Живутъ
Досель здѣсь памятью всѣ Гетманы, радѣя
Которые объ ихъ народѣ — древній спудъ
Своихъ могилъ себѣ умѣли облегчить
Украйны похвалой и доброй славой жить [278].

523.

Нѣтъ Уніи, Жидовъ и Ляховъ, позабыли
Здѣсь нынѣ времена кровавыя, вольнѣй
Вздохнули; только крестъ надъ древнею могилой
Замученныхъ, еще свидѣтель скорбныхъ дней;
О! Наливайки смерть ужасная, казнили [279]
Котораго лютѣй чѣмъ Неронъ — могутъ въ ней
Украинцы себѣ всегда припоминать,
Чего отъ Поляковъ имъ надо ожидать!

524.

Миръ мученику! Миръ тѣмъ Гетманамъ великимъ,
Которые рвались къ Россіи всей душой
И въ тяжкій вѣкъ борьбы, злодѣйствъ, раздолья дикимъ
Страстямъ — умѣли край отстаивать собой!
Давно ужъ ожила Украйна, грозны клики
Битвъ, вопль замученныхъ, пожарищъ полосой
Огнь шедшій въ слѣдъ врагу — забыла и теперь
Благословенная въ родной нашъ Кіевъ дверь.

525.

Ахъ! какъ ей не ожить, сей Ру́си православной,
Въ виду́ тѣхъ древнихъ стѣнъ, гдѣ вѣры лучь златой
Впервые возсіялъ и намъ рукой державной
Владиміръ водрузилъ крестъ жизненъ надъ страной?
Гдѣ колыбель всѣхъ славъ, край присный намъ по праву,
Ковчегъ народности, ключь къ сердцу родовой,
Куда паломники со всѣхъ концовъ земли
Родной къ мощамъ святымъ всегда издревле шли!

526.

Вотъ онъ «градъ градовъ» всей Россіи, златоглавый
Нашъ Кіевъ, надъ Днѣпромъ раскинутъ! Издали́,
Святая Лавра намъ предстала величавой
Громадою церквей, стѣнъ, башенъ; а вдали
Виднѣютъ — цитадель, соборъ Софійскій, въ славу
И честь Византіи, пещерны горы, шли
Куда Угодники спасаться, и святой
Тотъ Дѣсятинный храмъ осмисотвѣковой!

527.

А разстилается по взгорью к Подолу,
Весь Кіевъ, лентою обвитъ его Днѣпра.
Вотъ скаты береговъ, идущихъ къ водсполью,
Покрытыхъ зеленью садовъ своихъ. Гора,
На коей Кіевъ сѣлъ, какъ будто на престолѣ,
Въ вѣнцѣ злаченыхъ главъ церквей; да вѣчера̀
Надъ свѣтлымъ симъ Днѣпромъ, когда далекій звонъ
Съ Печерской Лавры вдругъ встаётъ протя́жно онъ;

528.

Какъ мило это всё! И думы надъ рѣкою,
Которая, какъ въ старь, всё мчится предъ тобой;
И тѣнь могучаго Олега, съ боевою
Дружиной — нѣкогда Византіи грозой;
Туманный Святославъ, стремившійся душою
И мыслью къ Греціи; а наконецъ родной
Святой Софіи крестъ.....Указывать пути
Встающій, чтобъ мы шли Византію спасти!

529.

Да! Кіевъ, Новгородъ, Москва — святыни жизни
Народной; въ нихъ что шагъ — то впрямь живая пѣснь,
Что помыслъ — то встаетъ молитва за отчизну,
А что наитіе — то память уже есть!
Счастливъ же тотъ, кто могъ избѣгнуть укоризны
Въ дни наши: что цѣнить онъ не умѣетъ честь
Россіи, будучи космополитомъ въ сей
Мигъ, когда боремся мы здѣсь среди сѣтей,

530.

Намъ Польшей съ Западомъ разставленныхъ! Ужели
И здѣсь, въ сей отчинѣ Владиміра, князей,
Умѣвшихъ такъ стоять за Русь свою; въ купели
Крещенья Руси, гдѣ всталъ цѣлый міръ тѣней,
Вѣка̀ славъ, подвиговъ; гдѣ первый храмъ мы зрѣли,
Гдѣ предки намъ завѣтъ Св. Иконъ, мощей
Угодниковъ — въ вѣно оставили.....мы срамъ
Взять можемъ на̀ душу, продать ихъ Поляка̀мъ?

531.

Нѣтъ! Ты свидѣтель мнѣ соборъ, куда съ душою
Восторженной вхожу, гдѣ всё мнѣ предстоитъ
Родной Исторіей, гдѣ шагъ надъ золотою
Мусіей памятью священною звучитъ!
Нѣтъ! Ты свидѣтель мнѣ и я клянусь тобою,
О вѣковой соборъ Святой Софіи [280], щитъ
Могучій Кіева! Не посрамимъ собой
Мы истыхъ русскихъ чувствъ, всѣ станемъ въ смертный бой!

532.

Войдемъ; здѣсь нѣкогда властители Россіи
Молились, плакали предъ скиніей святой —
Во дни усобицъ, въ дни нашествія Батыя!
Здѣсь можетъ сколько разъ, съ растерзанной душой,
Они средь подданныхъ являлись въ роковыя
Часы погибели, провидя надъ собой
Ужъ Богомъ вознесенъ кары небесной мечъ,
Оставившій одно — за Русь тутъ жертвой лечь!

533.

Поклонимся костямъ премудраго Владыки,
Здѣсь сладко спитъ теперь великій Ярославъ [281],
Законодатель въ тѣ дни Руси еще дикой
И неустроенной, понявшій, что изъ славъ
Есть лучшая, судъ правъ. Средь этихъ древнихъ ликовъ
Заступниковъ страны здѣсь спящихъ, величавъ
Ликъ Князя этого всегда невольно твой
Взоръ привлечётъ къ себѣ съ душевною хвалой.

534.

И тожъ поклонимся съ душевнымъ умиленьемъ
Костямъ великаго Мстислава! Онъ душой [282]
Прозорливой постигъ свой вѣкъ, его волненья
Стремился прекратить, трудился за родной
Край. Вотъ и Всеволодъ. Вотъ Изяславъ, крушеньемъ
Престола памятный — Князь слабый, золотой
Вѣнецъ которому былъ тяжекъ! Вечеславъ
Полнъ дней и видѣвшій тщету житейскихъ славъ!

535.

Но приклонись предъ сей безмертною гробницей,
Владиміръ Мономахъ въ ней нынѣ сладко спитъ [283];
Взошедши нѣкогда, прекрасною денницей
И долгъ властителя понявши! Здѣсь звучитъ
Его «духовная» какъ дивная цѣвница
Изъ горнихъ странъ, собой такъ много говоритъ
Мысля́мъ — когда тотъ вѣкъ припомнивъ роковой
Борьбы и смутъ, сравнимъ съ въ прямь мудраго душой!

536.

И всѣ, что здѣсь лежатъ Удѣльные, собою
Какъ живо времена̀ напомнить тѣ встаютъ!
И каждый древній гробъ, какъ «Повѣстью» родною
Святаго Нестора звучитъ онъ сладко тутъ!
Вотъ Долгорукій — князь съ желѣзною душою [284]
И свѣтлымъ разумомъ. А сколько жертвъ здѣсь смутъ
Междоусобныхъ! Миръ почившимъ! Подъ пятой
Вѣка̀ тѣснятся здѣсь, въ сей храминѣ святой!

537.

Миръ вѣчный всѣмъ Князьямъ, въ тѣ тяжкія мгновенья
Междоусобицъ и нашествій, за народъ
Пожившымъ; да легко имъ будетъ, осужденьемъ
Конечнымъ въ день Суда — да Богъ ихъ не найдётъ!
Миръ всѣмъ, что нѣкогда любили Русь и рвеньемъ
Пылали можетъ быть — да вѣкъ, обычай, родъ
И общество, для нихъ препятствіемъ что шагъ
Вставали; а надъ всѣмъ усобицы и врагъ!

538.

Кто это, почестью сей взысканъ въ симъ престольномъ
Соборѣ — смертный сонъ съ державными вкушать?
Поклонимся сперва безсмертному, невольно
Изъ первыхъ онъ зоветъ взоръ къ гробу приковать:
Вотъ Петръ Могила, тотъ Святитель, изъ юдоли [285],
Что вѣчности встаетъ о дняхъ напоминать
Своихъ — какъ Уніи сопротивлялся онъ,
Науки насаждалъ, былъ исто просвѣщенъ;

539.

Священномученикъ Макарій тутъ и славный
Ревнитель старины Евгеній, кто трудомъ
Знаменовалъ свою жизнь, Церковь и державу
Скрѣпивъ съ народностью живительнымъ умомъ [286];
А вотъ нашъ златоустъ Леванда — мужъ за право
И вѣру благостно пожившій, въ золотомъ
Глаголѣ коего народъ могъ находить
Опору, щитъ и лучъ, да съ Русью связь крѣпить [287];

540.

Поклонимся костямъ Гудовича, въ дни битвы
Съ Османами себя прославившаго; честь
Ему за жизнь его да теплыя молитвы
И память Сакону да родственная пѣснь!
Сей «Губернатора Парижа» гробъ, сокрыта
Въ которомъ славныхъ дней Исторія — онъ есть
Намъ памятникъ борьбы впрямь безпримѣрной той,
Когда самъ Богъ насъ вёлъ въ Парижъ своей рукой! [288]

541.

О! возносись всегда нашъ Домъ Святой Софіи,
На перепутьи здѣсь къ Византіи; главой
Златою и крестомъ молитвеннымъ, родные
Намъ дáли тѣ, всегда указывай собой!
Воспламеняй насъ въ мигъ, когда мольбы живыя,
Колѣно преклонивъ, возносимъ здѣсь! А твой
Осмисотлѣтній зовъ, а ропотъ изъ гробовъ
Твоихъ намъ чудятся вопросомъ: «что жъ — готовъ?»

542.

Какъ нѣкогда въ Москвѣ, въ великомъ томъ соборѣ
Успенскомъ, въ дальній путь сбираясь—мы за Русь
Еще разъ шли тогда молиться; наше горе,
Надежды, изливать....Такъ я еще вернусь
Въ тебя, о древній храмъ Святой Софіи! Къ морю
Путь указующій крестомъ своимъ....Клянусь
Передъ растаньемъ, здѣсь—къ Элладѣ обратить
Кличь, да встаётъ она позорный плѣнъ разбить!

543.

Въ симъ древнемъ Кіевѣ, что шагъ—воспоминанья!
Вотъ «Десятинный храмъ» начатокъ нашихъ славъ [289],
Теперь уже не тотъ, какъ въ долги дни терзанья
Роднаго Кіева, а свято—величавъ;
Но гдѣ жъ Великая Княгиня Ольга, знанья
Священныхъ истинъ намъ начало, вѣчныхъ правъ
Евангельскихъ намъ лучъ? Гдѣ гробъ ея святой?
Въ обломкахъ онъ изчезъ во время бури той! [290]

544.

Сей Выдубицкій храмъ съ обителью старинной,
Перуна древнюю легенду вспоминать
Стойтъ досель на Днѣпрѣ склоненный такъ картинно [291];
Тутъ восемьсотъ годовъ всю повѣсть разсказать
Святаго гóрода намъ могутъ, свитокъ длинный
И славный! Кто жъ еще осмѣлится сказать:
«Что этотъ русскій край не нашъ, не освящёнъ,
Что шагъ—Исторіей родной, не кровный, онъ?

545.

Вотъ Златоверхая Михайловска обитель [292]
Здѣсь Святополкъ II, ея создатель лёгъ;
Игралище судьбы и счастья, сокрушитель
Великокняжества! Всё—варваровъ набѣгъ,
Междоусобицы, сверженья—сей воитель
Безсильный, на своемъ вѣку́ видалъ; упрекъ
Унёсъ потомства въ гробъ, что съ слабою душой
Хотѣлъ державствовать въ вѣкъ бурь тѣхъ роковой.

546.

Поклонимся мощамъ Св. Варвары [293], древле
Принесены онѣ съ Востока какъ завѣтъ
Родной намъ Греціи—чтобъ здѣсь молитвамъ внемля,
Пути намъ указать къ Востоку какъ отвѣтъ!
А въ Николаевской обители, пріемля
Съ любовью тёмное преданіе (гдѣ жъ нѣтъ
Ихъ, въ этомъ Кіевѣ?), могилу поискать
Аскольдову придёмъ....Всё, древности печать!

547.

Вотъ Ѳедоровскій храмъ, съ иконою священной [294]
И съ Академіей духовной. Здѣсь взблисталъ
Лучъ первый на Руси́, науки пробужденной,
На древній міръ отцамъ впервые указалъ!
Отсюда иноки, изъ стѣнъ уединенной
Обители своей, по Ру́си сихъ началъ
Мышленья разнесли плоды и въ дикой той
Сибири даже слѣдъ оставили благой!

548.

Здѣсь Университетъ Владиміра—какъ тоже
Достойный встать въ мѣстахъ, гдѣ вѣрой просвѣщалъ
Св. Владиміръ Русь; гдѣ онъ тебя, о Боже,
Воздѣвши руки такъ за край сей умолялъ!
И въ сей Гимназіи военной [296], столько схожей
Съ Полтавской мѣстности избраньемъ, указалъ
Имъ Кіевъ ветхій, днесь симъ юношамъ—въ родной
Примѣръ Олега тѣнь и путь нашъ вѣковой!

549.

Поклонимся его костямъ, на Щековицѣ [297]
Сокрытымъ, какъ гласитъ преданье....О Олегъ,
Безстрашный витязь, чья могучая дѣсница
Карала такъ врага! Здѣсь живъ намъ твой набѣгъ
На Грецію, тогда растленную царицу
Востока; страхъ, какимъ объятъ былъ льстивый Грекъ,
Когда къ вратамъ ты щитъ державный свой прибилъ
Ихъ Цареграда и путь славы намъ открылъ!

550.

И не напрасно намъ Олега, Святослава,
Владиміра рука — всё кажетъ этотъ путь,
Въ которомъ вѣра, честь, народность, жизнь и слава
Соединились, чтобъ понудить и рвануть!
Скажи жъ здѣсь сладкій міръ имъ всѣмъ теперь, поправу,
Съ Олега древняго, до тѣхъ, кому шагнуть
Черезъ Дунай еще пришлось.....и головой
Подъ Севастополемъ лечь съ вѣрою живой!

551.

Есть знаменательно, таинственно сближенье:
Царь Константинъ и мать его Елена, шли
Изъ Рима въ Цареградъ воздвигнуть крестъ спасенья;
Владиміръ съ бабкою великой принесли
Изъ Цареграда намъ въ сей Кіевъ откровенье
Святое! Нѣтъ ли тутъ въ сближеньи симъ, вдали
Туманной — тайнаго пророчества для насъ?
Изъ глубины вѣковъ не божій ль это гласъ?

552.

Дворецъ среди садовъ виднѣетъ передъ нами,
Внизу широкій Днѣпръ шумитъ своей волной
Покорной подъ мостомъ, искусства чудомъ; рвами
Одѣта грозная твердыня надъ рѣкой;
Но что за кладбище воздушное, крестами
Злачеными горитъ вдали нагорной той,
А колокольня, какъ Иванъ-Великій, намъ
Издалекà видна, святой маякъ сердцамъ?

553.

Пройдемъ перекрестясь подъ Лавры воротами [298],
Вотъ мы въ стѣнахъ ее! Соборъ для насъ встаетъ
Привѣтно папертью, широкими столбами
Поддержаной, въ глуби сводъ тёмный раздаетъ
Громады аркъ своихъ, чтобъ слабыми лучами
Лампадки озарить ковчегъ....Здѣсь намъ даетъ
Досель, Господь молить Владиміра за Русь —
Передъ мощами я склоняюсь и молюсь!

554.

Священная глава Апостола предъ нами [299],
Того, кто Русь извлекъ крещеніемъ изъ тьмы
Язычества, ей далъ законъ, строй новъ, мысля́ми
Стремился къ Греціи. ..а мы — досель нѣмы!
Туманный Херсонисъ, доселѣ предъ очами
Свидѣтелемъ стоитъ стремленій сихъ....а мы,
Тысячелѣтія призваніе свершить
Когда возстанемъ, жизнь въ Византію вложить?

555.

Помолимся и сей иконѣ чудотворной [300]
Успенья, съ вѣрою, къ которой притекать
Толпы паломниковъ стремятся — плодотворно
Молитвами себя и сердце очищать!
Какъ сладко въ Лаврѣ сей, издавно благотворно
Вліяющей на всю Россію — помышлять,
Что и́зъ сердца досель народа не ушла
Смиренна вѣра, храмъ въ нёмъ свѣтлый создала̀!

556.

Поклонимся мощамъ Святаго Михаила [301],
Того, кто первый былъ у насъ Митрополитъ
И преподобнаго Антонія — явили
Они завѣтъ чудесъ. Въ соборѣ симъ лежитъ
И Ѳеодосій тотъ, чья воля насѣлила
Пещеры Лавры, имъ дала уставъ, хранитъ
Который свято сей сонмъ иноковъ, мольбой
Неумолкающій за Ру́си міръ родной [302].

557.

А вотъ Румянцевъ, вождь великій! [303] Тутъ Кагула
Воспоминаніе, превыше всѣхъ похвалъ,
Надъ этою плитой могильной развернуло
Знаменъ Турецкихъ сѣнь, чтобъ онъ подъ ней лежалъ!
Здѣсь побѣдителю, наполнившему гуломъ
Побѣдъ Европу и который потрясалъ
Стамбула стѣны — «миръ!» за подвигъ вѣковой;
За жизнь полезную, воскликни всей душой!

558.

Кагулъ — великій день! Горсть во́йска, страшну силу
Турецкихъ полчищъ въ мигъ развѣяла какъ сонъ;
По истинѣ вождемъ былъ тотъ, кто въ сей могилѣ
Покрытый славою, лежитъ превознесёнъ!
Но вмѣстѣ съ геніемъ военнымъ проявила
Его душа себя и гражданиномъ. Тронъ
Умѣлъ поддерживать онъ не однимъ мечемъ:
Въ совѣтахъ мудростью, правдивостью во всёмъ!

559.

Скажи и сыну «миръ!» хотя отсель далёко
Онъ, въ Гомелѣ, лежитъ [304]. Духъ истинно благой
Отца, любви къ своей Россіи, онъ высо́ко
Поставилъ въ образецъ себѣ своей душой;
Науки полюбивъ всѣмъ сердцемъ, онъ широ́ко
Путь раскрывалъ людямъ талантливымъ, казной
Своей дѣлился съ всѣмъ, что бытъ нашъ уяснить
Могло старинный, міръ прошедшаго раскрыть.

560.

Миръ тоже, близъ вождя, страдальцамъ злополучнымъ
Съ главой отрубленной лежащимъ! Кочубей
И Искра будутъ жить въ потомствѣ; изъ-за тучи
Кровавой, всё звѣздой свѣтитъ для насъ яснѣй! [305]
Вотъ скорбный прахъ вдовы, что въ юности кипучей
И въ блескѣ красоты познала горе — сей
Смиренный памятникъ, такъ много говоритъ:
Дочь Шереметева, подъ камнемъ симъ лежитъ! [306]

561.

Здѣсь — бѣднаго слѣпца Козлова [307], надъ могилой
Ея, понятна пѣснь, въ которой разсказать
Такъ трогательно могъ онъ жизнь ее, а милый
И блѣдный образъ сей инокини создать
Поэта творчествомъ! И самъ онъ — вѣчно хилый,
Безъ ногъ и безъ очей, способенъ возбуждать
Сочувствіе къ себѣ. Онъ тоже міръ земной,
Лишь въ призмѣ горести, видалъ передъ собой!

562.

Миръ всѣмъ, что здѣсь лежатъ, въ сей Лаврѣ православной,
Подъ сѣнью родственной святыни! Три у насъ
Звѣзды есть на̀ небѣ отчизны, коихъ славно
Призваніе, а лучъ доселѣ не угасъ:
Святаго Сергія обитель, щитъ державы;
Да Лавра Невскаго, который край свой спасъ
Отъ Шведовъ и Татаръ; да Лавры дорогой
Печерской, здѣсь оплотъ въ борьбѣ досель живой!

563.

Возьмемъ теперь свѣщу и спустимся въ пещеры,
Гдѣ мощи по бокамъ сихъ катакомбъ лежатъ
И кости Нестора не только силой вѣры
Святы́ намъ, а весь міръ отжившаго живятъ ![308]
Поклонимся отцу Исторіи, примѣры
Оставившему намъ въ дѣяньяхъ предковъ! Кладъ
Есть «Повѣсть времянныхъ лѣтъ» инока, съ такой
Любовью писана здѣсь въ кельѣ сей родной!

564.

Онъ нѣкогда пришелъ въ дни старины глубокой
Съ наивной простотой отшельника слагать
Свой «временникъ» и въ немъ, какъ звѣздкой одинокой
Путь въ сумракѣ вѣковъ отжившихъ пролагать;
Здѣсь, въ темной келійкѣ, при блескѣ свѣтлоокой
Лампадки — хартію садился онъ писать
Дрожащею рукой; а мысль его, душой
Согрѣтая, досель владычитъ надъ тобой!

565.

Какъ сладостно входить въ пещеры освященны
Вѣками вѣры и молитвы! Предъ тобой
Извилисто бѣжитъ сводъ мрачный, озаренный
Твоей свѣщей; вездѣ гробы и ликъ святой
Тѣхъ мертвецовъ, что здѣсь боролись съ жизни бренной
Страстьми и побѣдить умѣли міръ собой;
Вотъ вѣры торжество, здѣсь истиннѣ блистать
Дано и цѣну дней земныхъ намъ указать!

566.

Прощай о Лавра! Ты, великая могила
Давно минувшаго! Паломникъ здѣсь придётъ
Всегда учиться, въ сихъ мѣстахъ, гдѣ опочила
Святая старина — увѣровать въ народъ!
На этомъ кладбищѣ вѣковъ, такъ сердцу мило
Сказать себѣ: «о Русь, полна зачатковъ! Сводъ
Сихъ десяти вѣковъ достаточенъ, чтобъ дать
Намъ вѣру въ будущность и долгъ свой понимать!»

567.

Вотъ «Трехъ Святителей» старинная громада [309]
На мѣстѣ, гдѣ Перунъ (богъ грома) устрашалъ
Русь суевѣрную; а гдѣ потомъ отрадой,
Крестъ православія возсталъ и возблисталъ!
Склонись надъ сей землей, которую намъ надо
Чтить какъ святыню: здѣсь Владиміръ возставалъ
Апостоломъ страны и съ теплою душой
Благословлялъ простертъ народъ великій свой!

568.

А вотъ развалина, съ которой тотчасъ мысли
Есть о Византіи, остатокъ «златыхъ Вратъ» [310]
Здѣсь какъ и въ той Святой Софіи, ты размысли
О томъ, что намъ онѣ собою говорятъ!
Взгляни на камни, что досель еще нависли,
Обвитые плющомъ....Ужель онѣ стоятъ
И во Владимірѣ случайно? Неужель
Не кроется намъ въ трехъ Св. Софіяхъ цѣль?

569.

Нѣтъ! Въ Новѣгородѣ и въ Кіевѣ, а даже
Въ снѣгахъ Тобольскихъ — намъ не даромъ же отцы
Воздвигли наши три Святыхъ Софіи, кажетъ
Созданіе ихъ смыслъ великій! Какъ борцы
Могучіе, ужъ разъ взоръ бросивши отважно
На Римскихъ Цезарей наслѣдіе — вѣнцы
Тѣхъ двухъ Имперій....имъ нельзя было отстать
Отъ цѣли и ее во всёмъ не вспоминать!.

570.

По поклонись поди еще одной святынѣ
На сей горѣ, гдѣ намъ Апостола рукой
Крестъ водруженъ въ завѣтъ грядущаго, а нынѣ
Воздвигнутъ храмъ ему Андреевскій собой [311]
Напоминать о немъ преданье: какъ въ пустынѣ
Онъ этѣ приходилъ благовѣстить; душой,
Святаго духа даръ имѣвшей, прозрѣвать
Въ грядущее могъ, чтобъ величье предсказать!

571.

Осмотримъ Кіева окрестность, поклониться
Чтобъ было можно тожъ мѣстамъ, гдѣ процвѣла
Жизнь Руси, Вышгородъ Владиміра, святится
Двумя мощами. Въ старь, судьба ему дала
Бориса съ Глѣбомъ прахъ хранить здѣсь. Оживиться
Мысль, въ чаяньи найти ихъ мощи....но снесла
Всё буря грознаго разгрома! Подъ пятой
Батыя сокрушёнъ былъ Кіевъ золотой! [312]

572.

А вотъ Предславино, гдѣ нѣкогда Рогнѣда
Страдала. Тутъ Лыбедь прозрачною волной
Досель свѣжитъ сей боръ дремучій; но побѣды
Не трубитъ уже рогъ охотникамъ порой! [313]
Пиры Владиміра, Бояна пѣсни — слѣду
Нѣтъ тѣхъ богатырей, которые собой
Приковываютъ насъ въ младенчествѣ досель
Къ преданьямъ старины....А гдѣ твоя постель

573.

Почайна влажная! Давно уже струями
Она здѣсь не журчитъ прохладными, суда
Изъ Греціи по ней не и́дутъ ужъ съ дарами! [314]
Четырехсотъ церквей — нѣтъ тоже и слѣда;
Богатый Кіевъ тотъ, съ златыми въ немъ вратами,
Съ купцами со всего Востока....какъ звѣзда
Падучая изчезъ во тмѣ той роковой
Междоусобій и нашествій вѣковой!

574.

Да! Половцы, Батый, усобицы, Монголы,
Поляки, Унія и гнусные жиды;
Огонь и мечъ чужихъ, родныхъ — давно съ престола
Всей Ру́си, градъ свели великій! Здѣсь слѣды
Лишь, какъ въ Новгородѣ, остались отъ Подола
До Лавры кое гдѣ церквами; борозды
Ведётъ уже вѣка̀ тамъ пахарь, гдѣ блисталъ
Роскошный Кіевъ тотъ и пиръ не умолкалъ!

575.

Вотъ и Крещатикъ! Здѣсь предъ этой, русской жизни
Святыней, помолись за Русь, что Богъ ведётъ
Такъ чудно, и́збранно и пожелай отчизнѣ,
Чтобъ поняла она: «чѣмъ жизнится народъ!»
Къ прошедшему любовь — есть истинна главизна
Не только нашихъ дней, но будущихъ; идётъ
Та нація лишь въ даль, съ сознаньемъ и прямой
Дорого̀й, коей духъ незыблимъ вѣковой! [315]

576.

Поднимемся теперь Подоломъ, чтобъ моленьемъ
Въ Святой Софіи пѣснь окончить: «О соборъ,
Вотъ я пришелъ опять, съ душевнымъ умиленьемъ,
Взносить къ тебѣ мой вздохъ и полнъ надежды взоръ!
Благослови на месть, позволь рвануться съ рвеньемъ
Въ пылъ битвы, цѣпь разбѣй, сними съ души укоръ,
Услышь Византіи плачь, дай намъ золотой
Свободы Греціи увидѣть день святой!»

КНИГА ПЯТАЯ.

577.

Стократъ миръ сладкій вамъ, страдальческія тѣни:
Тассъ, нищій Камоэнсъ, Овидій и Гомеръ,
Изгнанникъ Данте, бардъ, очей своихъ лишенный,
И проклятый Мильтонъ! Что — если бы безъ вѣръ
Въ грядущее — они стезёю шли мученій,
Тюрьмы, и нищеты, и ссылки; но въ примѣръ
Впрямь утѣшительный не встали бы другимъ;
Что — если бъ вѣрою духъ не былъ ихъ живимъ?

578.

Но вѣра — ихъ спасла! Она переживаетъ
Всё: толки, ненависть, изгнанье, клеветы;
Душа идетъ впередъ, мысль смѣло развивая,
А жизнь идетъ впередъ, лицетворя мечты!
Ихъ геній — имъ звѣздой напутственной блистаетъ
И въ томъ развитіи духовной красоты,
Которая для нихъ ихъ Господомъ дана,
Часть лучшая имъ есть ихъ жизненна вѣна!

579.

Такъ вѣрь въ Того, Кто далъ тебѣ сію святыню
Ума высокаго! Кѣмъ призванъ выражать
Стремленье общее и силой благостыни
Наитья, мысль свою такъ дивно озарять!
Такъ вѣрь, что если бы ты даже и въ пустыни
Пророкомъ вопіялъ..... мыслямъ не умирать
Удѣлъ твоимъ, а жить и съ чудной полнотой
Добра онѣ пройдутъ за твой предѣлъ земной!

580.

Ниспустимся Днѣпромъ — межъ тѣмъ какъ въ ризы ночи
Облёкся Кіевъ тамъ; а волны за волной
Мчатъ судно и звѣзда свои златыя очи
Приходитъ устремлять печально за звѣздой;
Спитъ Днѣпръ и стѐпи спятъ подъ кровомъ полупо́чи,
Лишь изрѣдка огонь мелькнётъ за синевой
Сихъ мирныхъ водъ, и всё опять такъ сладко спитъ,
Да подъ рулемъ волна, запѣнившись, шумитъ.

581.

Но днемъ — степь жаркая отъ солнца накалится,
Нигдѣ ни деревца! Лишь озеро порой
Разостлано въ дали и легкою рябится
Алмазно-жѐмчужной сверкающей струей;
То стая журавлей на теплый югъ промчится,
Аль въ травкѣ прокрячитъ кузнечикъ, аль змiей
По стѐпи извилась рѣчушка, хуторокъ
Надъ коей въ балкѣ спитъ средь степи одинокъ.

582.

Минуемъ Вознесенскъ, гдѣ южныхъ поселенiй
Разсадникъ нѣкогда былъ въ вольныхъ сихъ стѣпяхъ [316]:
Здѣсь — всѣ удобства есть для цѣлыхъ поколѣнiй
Мильоновъ жителей, и въ тучныхъ сихъ земляхъ,
И въ безпредѣльности луговъ. Благословенiй
Труда, здѣсь впрямь эдемъ! Когда на всѣхъ парахъ
Желѣзные пути намъ свяжутъ этотъ край
Съ Москвой и Понтомъ — жизнь тутъ смѣло развивай!

583.

Россiя тяготитъ къ востоку..... Назначенье
Провиданцiэльное тутъ ей издавна есть,
Но чтобы выяснить задачу — ей сближенье
Дорогъ желѣзныхъ дать должно́. Притомъ, коль счесть
Всё, что потратили — и крови мы въ сраженьяхъ,
И денегъ на войну Турецкую..... Богъ вѣсть
Не лучше ль было намъ разумно подождать
Чугунки отъ Москвы къ Дунаю? Силой взять,

584.

Посредствомъ флота, мы вѣдь ничего не можемъ
Въ виду могущества Англо-французовъ; тутъ,
Какъ въ западню, они всегда запрутъ насъ! Сможемъ
Мы только арміей, когда ее на Прутъ
Въ недѣлю изъ Москвы по рельсамъ станетъ можно
Придвинуть..... Вотъ! тогда дѣлà у насъ пойдутъ
Инàче! Десять лѣтъ назадъ, когда бъ была
«Чугунка» изъ Москвы въ Крымъ — наша бы взяла!

585.

Ну — какъ быть! Вѣдь урокъ прошёлъ для насъ недаромъ;
За Крымскую войну должнó благодарить
Судьбу! Прозрѣли мы, очнулись отъ угара
Самонадѣянныхъ грезъ, лучше стали жить,
Разумнѣй дѣйствовать.....Сводивши счёты стары
Съ тысячелѣтіемъ, увидили, что быть
Намъ нужно націей иною — коль во всёмъ
Сравняться вздумали съ Европой и..... пойдёмъ!

586.

Днѣпръ былъ Березиной для сѣверной державы [317],
Густавъ-Адольфа мечь на этихъ берегахъ
Изломанъ на всегда! Свои мечты о славѣ
Здѣсь Карлъ XII развѣялъ! Въ чудныхъ снахъ
Минувшаго, здѣсь дни предстанутъ переправы
Такой же роковой какъ та — въ могильныхъ льдахъ
Березины была Наполеону! Но
Отрезвиться умомъ, имъ было ли дано?

587.

Какое дивное, пророческо сближенье,
Сихъ двухъ нашествій — двухъ воителей, вѣнцы
Привыкшихъ раздавать и всѣ свои хотѣнья
Мечтавшихъ существить мечемъ своимъ! Слѣпцы,
Куда стремились вы? Россіи униженья
Хотѣли что ли вы? Всесвѣтные борьцы
За самолюбія приманку, вотъ къ какой
Пришли вы гибели за взглядъ неясный свой!

588.

Екатеринославль, прекрасное созданье [318]
Жены великой. Но кругъ солнечныхъ часовъ,
Надъ скромною плитой могильной, вспоминаньемъ
Намъ добрымъ предстаётъ среди житейскихъ сновъ;
Тутъ Говардъ спитъ! Мудрецъ, что взялъ себѣ въ призванье
Быть благовѣстникомъ для узниковъ; изъ словъ
И дѣлъ своихъ себѣ благословенья дать
За гробомъ такъ умѣлъ и жизнью оживать!

589.

Миръ сладкій Говарду, лежащему въ картинной
Подоліи! Надъ сей могилой трисвятой [319]
Не гордый мавзолей съ хвалою лживой длинной,
Иль статуя стоятъ..... Раскидистой главой
Склонились дубъ и кленъ, ручей въ сѣни пустынной
Журчитъ мелодіей понятной и живой;
А въ дань для памяти великаго, вѣнокъ
Изъ полевыхъ цвѣтовъ тутъ брошенъ одинокъ.....

590.

Прекрасенъ этотъ край, въ которомъ спитъ онъ нынѣ,
Подолія, ее нельзя не полюбить;
Вотъ Каменецъ-Подольскъ, старинная твердыня.
Турецкій минаретъ, на симъ соборѣ, слить
Остался память здѣсь съ старинною гордыней
Меча Османовъ..... но ничѣмъ не возвратить
Имъ славы прошлаго! Россія всё пятой,
Что далѣе — ихъ слѣдъ стираетъ вѣковой!

591.

Мила Волынь, но вотъ у самыхъ мы пороговъ [320]
Днѣпровскихъ! Между скалъ, какъ кони, размѣтавъ
Косматy гриву, мчатъ за валомъ валъ — дорогу
Пробивши грудью; ревъ, нарушивъ величавъ
Миръ сихъ пустынь, стоитъ надъ бездной водъ! Какъ много
Тутъ есть поэзіи! И днемъ — когда возставъ
Надъ бурною рѣкой, горы алмазной сей —
Лучь солнца разцвѣтитъ скатъ пѣнистъ; для очей

592.

Переливая всѣ цвѣты въ дугѣ широкой
Лентистой радуги, нависшей надъ водой!
Аль ночью — если всплывъ, дискъ лунный свой глубокій
Лучъ матовымъ сребромъ разстелетъ надъ рѣкой!
Спитъ степь. Кой гдѣ склонясь надъ бездной одиноко
Стоятъ ракита, дубъ и ясень молодой;
А пѣсни соловьевъ Украинскихъ — любовь
И нѣгу въ душу льютъ, волнуя тихо кровь!

593.

Пороги миновавъ — вотъ Сѣчи Запорожской [321]
Пустынный островъ. Тутъ сбиралась въ старь она
Въ ватаги вольныя, грозой для Турокъ, жосткой
И Полякамъ..... Теперь — пустынная волна
Днѣпра широкаго, да степь далёкимъ лоскомъ
Травъ солнцемъ вызженныхъ лишь стелятся! Вѣчна
Есть тоже память здѣсь и о твоихъ ладьяхъ,
Могучій вождь Олегъ! на сихъ родныхъ волнахъ.

594.

Херсонъ близъ устья всталъ, съ могилой незабвенной [322].
Чья это статуя, взоръ вскинутъ къ небесамъ,
Стойтъ на площади соборной и надменно
На мечъ свой оперлась, столь памятный врагамъ?
Чей это гробъ среди собора, съ запыленной
Да громкой надписью, и чьимъ онъ тутъ костямъ
Пріютъ послѣдній далъ — чтобъ славы гулъ пустой
Еще разительнѣй доказывать собой?

595.

«Великолѣпный Князь Тавриды!» Своенравный
Умъ, воля сильная и счастья образецъ,
Тутъ спитъ въ гробницѣ сей, скучая долей славной
И сбросивши съ себя свой княжескій вѣнецъ!
О! вѣрно онъ постигъ — что рокъ для нихъ издавна,
Какъ Прометеевъ вранъ преданья: что ни льстецъ
Свѣтъ, ни хваленій гулъ, не въ силахъ ужъ собой
Утѣшить—коль позналъ: «что жизнь, лишь сонъ пустой!»

596.

Здѣсь — покореніе Очакова, возникшій
Въ степяхъ сихъ новый міръ и къ Византіи путь,
И Ягеллоновъ тронъ, и головой поникшій
Чернецъ, блестящій князь, и жаждавшій уснуть
Сномъ смерти человѣкъ усталый, столь обыкшій
Стремглавъ жить..... это всё, здѣсь есть чтобъ ужаснуть!
Вотъ сей Протей лежитъ — Потемкинъ! Счастью братъ,
Который жилъ какъ царь, а умеръ какъ солдатъ!

597.

И заслужилъ онъ пѣснь Державина! Такія
Вѣдь души понимать лишь можетъ впрямь поэтъ,
Въ комъ тоже помыслы — чудесные, живые,
Что мигъ, то міръ творятъ, дивнѣй какого нѣтъ!
Какими жъ страстными мечтами онъ святые
Минуты озарилъ сей смерти — что полетъ
Дала могучему къ разгадкѣ той страны,
Куда мы всѣ идти судьбой обречены?

598.

О «море русское!» Ты со временъ Олега [323],
Всѣ дани славъ нести намъ было суждено
И отъ родныхъ бреговъ до Византіи брега
Всё намъ желаніе съ волной несло одно!
Всё Византія цѣль—съ набѣга до набѣга,
Съ войны до новыхъ войнъ! Всё было намъ дано
Тутъ жить одной мечтой, какъ будто бы орелъ
Московскій вновь гнѣздо родимое нашелъ!

599.

О «море русское!» По истинѣ родное
Ты намъ наслѣдіе....Оставимъ за собой
Пустынный Аккерманъ и Кинбурнъ (золотое
Начало поприща Суворова), травой
Поросшій уже днесь Очаковъ (громовое
Событіе тѣхъ лѣтъ, о коихъ намъ живой
Разсказъ недавно былъ еще, отъ стариковъ
Съ «Очаковскимъ крестомъ»); пріютъ для моряковъ

600.

Севастопольскихъ и верфь Николаевъ (бѣдный
Останокъ нашего величья, на волнахъ
Родимыхъ искони; но можетъ быть побѣдный
Начатокъ новыхъ славъ, въ недальнихъ ужъ годахъ)!
Пождёмъ....Въ борьбѣ у насъ упорной и наслѣдной
Съ сосѣдней Турціей, на этихъ берегахъ —
Вѣдь не послѣднее рокъ слово намъ сказалъ
И дверь грядущаго онъ намъ не затворялъ....

601.

Въ Бендерахъ есть для насъ еще воспоминанье
(Окромѣ Панина и русскаго штыка):
Здѣсь Карлъ грызъ цѣпь свою, правдиво воздаянье
Его безумію! Ужель ему легка̀
Казалась будущность, когда въ часы мечтанья
О прошломъ — видѣлъ онъ, что можетъ на вѣка̀
Утратилъ Швеціи значенье и собой
Всё счастье погубилъ страны своей родной? [324]

602.

Нѣтъ! Онъ и здѣсь еще въ какомъ-то ослѣпленьи
Жилъ, какъ Наполеонъ на Сантъ-Эленѣ; сталъ
Привязчивъ, мелоченъ, своимъ сопротивленьемъ
Впрямь Донъ-Кихотовскимъ величье унижалъ;
Но для такихъ людей—уроки тщетны, мнѣнье
Свое превыше имъ разсудка! Не позналъ
Слѣпецъ онъ, что Господь для своихъ цѣлей шлётъ
Ихъ....а не нуженъ — вдругъ съ лица земли сметётъ!

603.

Одесса, баловень торговли, передъ нами
Открылась обступивъ заливъ и съ лона водъ
Возстала бѣлыми громадами, садами
И шумныхъ улицъ сихъ движеньемъ; пароходъ,
Корабль купеческій, каюкъ морской, рядами
Тѣснятся къ пристани, съ которой виденъ всходъ
На тѣнистый бульваръ; гдѣ въ статуѣ сей живъ
Намъ Герцогъ Ришельё, который посвятивъ

604.

Себя въ изгнаніи служенію Россіи [325]
(Во дни бурь Франціи) старался оправдать
Честь ему сдѣлану, развить здѣсь молодыя
И свѣжи силы странъ ему врученныхъ; дать
Преуспѣянію ходъ для Новороссіи
И просвѣщеніемъ умы обогащать;
Здѣсь создалъ онъ Лицей (что въ Университетъ
Преобразованъ днесь) своихъ трудовъ въ завѣтъ.

605.

А ты — о мученикъ! Чьи мощи сладко нынѣ,
Для бѣдной Греціи заступникомъ лежатъ
Здѣсь; чей прекрасный духъ (изъ родственной святыни
Византіи) встаетъ Эллинамъ, впрямь трисвятъ
Залогъ грядущаго; чья смерть, для насъ отнынѣ
Надежда....Помолись блаженному! Какъ кладъ
Для Руси — здѣсь теперь истерзанныхъ мощей
Сихъ, спудъ хранится до грядущихъ лучшихъ дней! [326]

606.

Вотъ этотъ Патріархъ Григорій, другъ народа,
Звѣзда Эллиновъ—въ мигъ борьбы великой той,
Запечатлѣвшій мысль о чести и свободѣ
Отчизны, казнію какъ пастырь и герой!
Вотъ — сей повѣшенный какъ тать! Но онъ изъ рода
Въ родъ смертью просіялъ, какъ вѣчною зарей
Спасенія! Склонись предъ мученикомъ, дать
Своимъ ходатайствомъ онъ можетъ благодать!

607.

Скажи здѣсь тоже миръ вождямъ тѣмъ незабвеннымъ,
Борцамъ за Греціи свободу! И тебѣ
Несчастный Рига, пѣснь котораго священный
Завѣтъ отечеству въ грядущаго судьбѣ!
И Ипсиланти, чья мысль сердцемъ вдохновенна
Великимъ — славный путь казала сей рабѣ
Четыреста годовъ, чей мечъ былъ обнаженъ
Впервые за народъ и....Австріей сломленъ!

608.

Миръ тоже и тебѣ, о Байронъ! Бардъ великій
Умѣвшій Греціи скорбь сладко выражать [327]
Въ прекрасныхъ пѣсняхъ тѣхъ, въ которыхъ уже дикій,
Но полный красоты край, могъ намъ возставать
Въ изящныхъ образахъ; Тиртея вспомнивъ клики
Одушевленные, хотѣлъ онъ сочетать
Съ вѣнкомъ пѣвца — вѣнокъ стратига; а собой
Самоотверженно пожертвовалъ, герой!

609.

Миръ всѣмъ имъ! Сладкій миръ симъ мученикамъ чести,
Которые въ тѣ дни умѣли умирать
За дѣло истинно святое кровной мѣсти
Врагамъ креста! Миръ всѣмъ—гдѣ бъ ни было лежать
Имъ суждено теперь! Отъ Патріарха вмѣстѣ
Погибшаго съ своимъ народомъ, чтобы встать
Звѣздой спасенія и до Сульота тамъ
Явившаго собой такой примѣръ вѣкамъ!

610.

А гдѣ жъ нашъ Златоустъ—безстрашно смерть встрѣчавшій
Здѣсь, въ мигъ когда враги Одессу разрушать
Явились и потомъ Севастополю давшій
Самоотвѣрженья залогъ? Кто восторгать
Своимъ глаголомъ могъ? Кто крестъ Христа пріявши
На рамена, умѣлъ нести легко? Кто дать
Такую высоту духовную, рѣчамъ
Своимъ возмогъ?Гдѣ жъ онъ,столь присный всѣмъ сердцамъ?

611.

Миръ Инокентію! Здѣсь свято почиваетъ
Въ Одессѣ этой онъ, великій пастырь сей [328],
Архіерей вполнѣ достойный! Утѣшаетъ
И за предѣлами земными, тѣхъ рѣчей
Сладкоглаголивыхъ завѣтомъ; ободряетъ
И изъ могилы, всѣхъ, кто жизненныхъ путей
Вкусивши горечи—захочетъ поискать
Въ его словахъ, какъ духъ упадшій подкрѣплять!

612.

Прощай богатая Одесса! Быстро волны
Кормой разрѣзавши, нашъ пароходъ бѣжитъ
Въ даль синюю и въ часъ полночи сладко полны
Мечтаній, мы сидимъ на палубѣ; блеститъ
Лучъ мѣсяца въ волнахъ, судà какъ будто чёлны
На безпредѣльи водъ мелкаютъ; сладко спитъ
Всё—море, и земля, и небо...Предъ тобой
Тогда, прошедшее встаетъ въ сей часъ ночной!

613.

Припомнишь Данте ты и пѣсни вдохновенной
Объ сладкомъ часѣ симъ вспомянешь далый звукъ,
И колокола звонъ, встающій съ отдаленныхъп
Бреговъ, какъ будто бы «прощай!» намъ молвитъ другъ!
И «Ave Maria» взносимое въ смиренной
Молитвѣ моряка къ Владычицѣ, а вкругъ
Такая тишина! Межъ тѣмъ какъ надъ главой,
Лампадкой звѣздочка затеплилась златой!

614

Какъ сладостно тогда глядѣть на этѣ волны
Могучія, что здѣсь всё бьются объ оплотъ
Скалы сей — съ коей ликъ Ифигеніи, полный
Тоски по родинѣ передо мной встаётъ!
Тутъ нѣкогда она сидѣла—тщетно чёлна
Искавши взорами, аль паруса, несётъ
Который вѣсточку изъ Греціи родной....
Гдѣ жъ избавленіе, для плѣнницы младой?

615.

Давно уже я стихъ прекрасный Еврипида
Забылъ! Но память есть о древности, она
Какъ будто лѣтъ моихъ младенческихъ эгида
Встаетъ мнѣ вновь моей мечтою создана!
О море! Гдѣ же та Эллада, что Атрида
Вела на Илліонъ? Гдѣ новаго дана
Дня, вѣщая заря теперь ей? Кто пойдетъ
Опять на Азію, за бѣдный сей народъ?

616.

Вотъ Тендра, Ахиллесъ здѣсь нѣкогда сражался [329].
А тѣнь Гомерова героя—какъ она
Здѣсь кстати, между тѣхъ героевъ коихъ рвался
Духъ къ славѣ на брегахъ сихъ! Дивная жена
И тѣ вожди ея, въ которыхъ прославлялся
Ея великій вѣкъ: Потемкинъ, что отъ сна
Новороссію вдругъ воздвигнулъ, великанъ
Суворовъ — памятникъ равно здѣсь всѣмъ имъ данъ!

617.

Всё это мудрости, ума Екатерины
Плоды высокіе — которая нашла
Край этотъ дикою, безлюдною пустыней,
А царство новое здѣсь Ру́си создала;
Теперь ужъ рѣшена задача — что руины
Севастопо́ля, намъ не всё сказали!....Мгла
Грядущаго теперь разсѣялась—святой
Достигнемъ цѣли мы, въ той Греціи родной!

618.

Да! Тутъ теперь стоя́тъ громадныя стихіи
Двухъ царствъ и двухъ началъ на этихъ берегахъ;
Готовыя рѣшить конецъ концовъ, былые
Вопросы — столько разъ ужъ по́дняты въ бояхъ!
Здѣсь Азія лицемъ къ Европѣ (вѣковыя
Исходы двухъ міровъ—враждебныхъ въ всѣхъ судьбахъ
Исторіи) опять ждутъ выстрѣла, рѣшить
Чтобъ, какъ Гамлетъ «кому быть надо, иль не быть!»

619.

Привѣтъ тебѣ нашъ Крымъ, преддверіе Востока!
Страна, которую Мицкевичь воспѣвалъ [330],
Гдѣ Пери Пушкина — Зарема черноока [331]
Пѣвцомъ возсоздана; гдѣ отъ громадныхъ скалъ
До зелены́хъ долинъ, раскинулась широ́ка
Растительность вездѣ; гдѣ снѣговой возсталъ
Титанъ сей, Чатыръ-Дагъ, надъ Крымомъ алтарёмъ
Молитвеннымъ, своимъ алмазистымъ челомъ!

620.

Здѣсь — всё Востокъ! И путь обсаженный древами,
И роскошный фонтанъ, журчащій въ тишинѣ,
Съ Корана надписью надъ свѣтлыми струями
Съ привѣтнымъ ковшикомъ, съ прохладою на днѣ;
И Караванъ-Серай, гдѣ праздными толпами
Сидятъ Татары, а предъ ними на огнѣ
Кипитъ ихъ котелокъ: да съ минарета стонъ
Молитвенъ вдругъ возсталъ средь ночи, какъ сквозь сонъ

621.

Дорога въ сихъ горахъ, извилистой тропою
Пользущая, Мирза на пылкомъ бѣгунцѣ;
И роскошь сихъ ночей восточныхъ, золотою
Парчей звѣздъ сводъ небесъ окутавшихъ; въ концѣ
Долины аялетъ, съ мечетью и луною
На минаретѣ; тамъ, на симъ крутомъ кресцѣ
Зеленыхъ горъ — какъ стражъ забытый, вѣковой,
Развалина съ щитомъ Генуи предъ тобой!

622.

Вотъ Перекопь. Здѣсь намъ двѣ родственныя тѣни
Встаютъ. Графъ Минихъ вождь и ссыльный столь великъ
Во дни несчастія, да Долгоруковъ звенья
Послѣднія Орды разбившій въ славный мигъ
Борьбы, которою казало Провидѣнье
Намъ путь къ Византіи..... Миръ имъ! Здѣсь пріобыкъ
Въ Крыму симъ, русскаго солдата ты встрѣчать
И знаешь какъ умѣлъ за Русь онъ умирать! [332]

623.

Зайдемъ въ прелестную Байдарскую долину,
Сей южный нашъ эдемъ, а вотъ Бахчисарай,
Гдѣ манитъ насъ дворецъ роскошною руиной
Своей и Хановъ былъ земной волшебный рай!
Громады сихъ огивъ, аркъ легкихъ, залъ—пустыней
Давно ужъ сдѣлались..... Гдѣ Ханъ? Не ожидай!
На этомъ кладбищѣ, подъ мраморной чалмой,
Лежитъ Менгли-Гирей, окончивъ путь замной!

624.

Войдемъ! Надъ самыми дворцовыми вратами,
Стихъ изъ Корана: «Богъ единъ есть» какъ завѣтъ
Пророка предстаетъ. Кіоски съ ихъ садами,
Дивана зала, сонъ фонтановъ, въ коихъ нѣтъ
Уже воды, гаремъ..... Гдѣ жъ — кто отсѣль громами
Мѣталъ въ старинну Русь, отсюда грозный слѣдъ
Пожара и меча да плѣна пролагалъ
По Ру́си и отцовъ безжалостно терзалъ? [333]

625.

Прошло всё это! Днесь дворецъ Менгли-Гирея
Давно пустъ, кипарисъ на кладбищѣ шумитъ
Одинъ лишь, а вокругъ тѣхъ Хановъ мавзолеи,
Да мѣсяцъ всё это печально серебритъ!
Вотъ и «фонтанъ слезъ»; но гдѣ гурія, яснѣе
Дня чей былъ взоръ? Гдѣ та Зарема, чье живитъ
Поэтъ лилейное чело съ его тройной
Короною косы надъ юной головой?

626.

Какъ счастливъ тотъ — чей стихъ въ потомствѣ оставляетъ
Столь лучезарный слѣдъ, что цѣлые вѣка̀
Проходятъ не затмивъ его; чьи оживаютъ
Намъ образы всегда; кто намъ издалека̀
Могилы съ вѣчностью, звучитъ еще — сливая
Себя, съ живущими; чья лира, хоть слегка,
Какъ звукъ Эоловой цѣвницы золотой,
Приноситъ пѣснь душѣ и мысли всей собой!

627.

А́лупка, южная красавица! Какою
Роскошной прелестью наполненъ этотъ долъ,
Тутъ рощи и дворцы нависли надъ морскою
Пучиной, а въ садахъ миртъ съ лавромъ переплёлъ
Зелену сѣнь вѣтвей; тутъ мирною порою
Вѣчерней, соловей затрелитъ, а взошёлъ
Надъ моремъ мѣсяцъ, чтобъ всё сладко озарять
И тѣни длинныя на во́ды вызывать!

628.

Здѣсь вспомянуть должно́ намъ Князя Воронцова,
Какъ Герцогъ Ришелье — оставилъ по себѣ
Онъ память добрую; трудился дѣломъ, словомъ,
За этотъ край; въ своей блистательной судьбѣ
Лишь видѣлъ средство, чтобъ дѣятельностью новой
День каждый проявлять; а въ ратной ли борьбѣ,
Въ гражданскихъ ль подвигахъ, собою украшать
Свое призваніе и славой лишь «сіять!» [334]

629.

Вотъ истый идеалъ правителя! Не даромъ
Державинъ выставилъ «Вельможи» образецъ,
Въ бесмертной одѣ, всѣмъ знакомой. Чистымъ жаромъ
Любви къ отечеству проникнутъ, для сердецъ
Маякъ, гонимымъ щитъ, прибѣжище и старымъ
И сирымъ, для своихъ подвластныхъ впрямь отецъ,
Стражъ безкорыстія, по чувству «другъ людей»
Такимъ быть долженъ онъ, въ теченьи славныхъ дней!

630.

И памятникъ тебѣ, какъ Ришелье, поставилъ
Народъ твой за твои заслуги Воронцовъ!
А вотъ Ливадія, гдѣ Граціямъ оставилъ
Искусства геній, рай пріюта въ сихъ садовъ
Впрямь восхитительныхъ густыхъ тѣняхъ и ставилъ
Алтарь изяществу! Вдоль этихъ береговъ
Сады и виллы всё виднѣются, плѣнять
Пловца, природой сей роскошной чаровать! [335]

631.

Вотъ Каффа — Генуи забытая твердыня [336],
Одно изъ звеньевъ тѣхъ, которыми она
Съ Венеціей тогда опутала гордыню
Престола Цезарей кичливости полна̀;
Но Симферо́поль (днесь, въ замѣну той пустыни
Бахчисарайской, здѣсь возставшій) какъ отъ сна
Изнѣженнаго насъ пробудитъ, когда вдругъ
За нимъ откроются: залива полукругъ

632.

И Севастополя развалины святыя,
Теперь безмолвныя, поросшія травой;
А около твердынь сихъ, кладбища родныя
И кладбища враговъ — въ миръ общій подъ землёй!
О! преклонись сперва..... Тутъ — истинно живыя
Начала̀, коими Москва въ тотъ роковой
Двѣнадцатый нашъ годъ прославилась, за Русь
Отдавшись въ жертву..... Да! склоняюсь и молюсь!

633.

Вспомянемъ прежъ всего вождей тѣхъ славныхъ флотовъ,
Предъ коими Востокъ недавно трепеталъ:
Спиридовъ, Чичаговъ, Орловъ-Чесменскій-то-то
Пиръ, былъ ихъ кораблямъ въ ту пору; задавалъ
Какого страху видъ эскадръ сихъ, здѣсь оплотомъ
Стоявшихъ родинѣ, грозой врагамъ! Бывалъ
Какъ радостенъ возвратъ имъ, славнымъ морякамъ
Тогдашнимъ — громъ побѣдъ посившимъ по морямъ!

634.

Вспомянемъ тоже здѣсь Козарскаго [337], младаго
Героя и того, кто славно заключилъ
Синопомъ лѣтопись сихъ флотовъ, дорогаго
Для сердца русскаго Нахимова! Почилъ
Здѣсь тоже Лазаревъ. Синопа намъ другаго
Боецъ—Наварина; здѣсь долго флоту былъ
Вождемъ — Грейгъ, адмиралъ искусный; наконецъ [338]
Здѣсь всё, что видимъ мы, есть ихъ трудовъ вѣнецъ!

635.

Миръ имъ, всѣмъ миръ святой! Россія, слава Богу,
Умѣла быть всегда признательна! Забыть —
Ни крови, ни трудовъ, которые дорогу
Прокладывали здѣсь грядущему; служить
Отечеству, какъ здѣсь умѣли; долю строгу
И скорбну, какъ во дни осады, выносить
Могли — во вѣкъ вѣковъ, конечно не должна;
А жизнь ихъ, по̀ сердцу ей кровна да родна!

636.

Какъ нѣкогда пѣвецъ двѣнадцатаго го́да,
Жуковскій, на́ полѣ святомъ Бородина —
Въ кругу соратниковъ, за Русь и за свободу
Ея — такъ сладко пѣлъ (межъ тѣмъ какъ тишина
На мѣстѣ битвы той была уже, природа
Окуталась ночнымъ спокойствіемъ ужъ сна,
А кое гдѣ огни пылали близъ шатровъ
И выплыла луна изъ сизыхъ облаковъ) [336];

637.

Такъ мы теперь придемъ — надъ сей окровавленной
Развалиной твоей, Севастополь! мечтать
И тѣни всѣхъ, кто палъ, столь сердцу драгоцѣнны,
Въ сей часъ полуночи душою вызывать!
Сказать имъ, падшимъ «миръ»! за долгъ столь трисвященно
Здѣсь выполненъ..... хвалой, оставшимся воздать,
И какъ Жуковскаго пѣснь, въ пѣснѣ золотой
Сей — памятникъ воздвичь осадѣ вѣковой!

638.

И скажемъ прежде всѣхъ «миръ!» Князю Горчакову [340],
Который здѣсь что мигъ — жизнь въ жертву приносилъ
Самоотверженно отечеству, готовый
Лечь тутъ костьми (и здѣсь въ послѣдствіи почилъ)! [341]
Вождь въ дни опасности, въ дни мирные по слову
Царя совѣта мужъ — на поприщахъ явилъ
Разнообразныхъ сихъ, усердіе равно
Свое онъ, жить ему въ потомствѣ суждено!

639.

Потомъ Нахимову «миръ!» скажемъ, незабвенной
Сей тѣни, древняго героя образцу;
Онъ палъ на сихъ валахъ, омывъ своей священной
И теплой кровью мать–сыру́–землю; концу
Своихъ дней, истинно величіе въ безцѣнный
Примѣръ придавши намъ! Къ сей славѣ, какъ борьцу
За родину, еще онъ славу приложилъ,
Что чувствами всегда впрямь «человѣкомъ» былъ!

640.

Что безкорыстенъ былъ какъ Аристидъ, безстрашенъ
Какъ Леонидъ, всегда мудрецъ какъ Фокіонъ,
Какъ Деціи не отвергъ кровавой этой чаши,
А родину любилъ какъ Гракхъ и Сципіонъ!
Онъ въ скромности своей, покрытый славой, краше
Еще казался тѣмъ — что быстро вознесёнъ
Побѣдой громкой на народный пьедесталъ,
Остался тѣмъ чѣмъ былъ и умеръ какъ желалъ!

641.

«Миръ» и Корнилову съ Истоминымъ! [342] Младая
Дѣятельность ихъ здѣсь конецъ себѣ нашла
И шли они впередъ, отчизну защищая
Не думая о томъ, что будетъ завтра!.... Мгла
Временъ, не затемнитъ ихъ подвига! Спасая
Россію, честь ея и славу — коль дала
Имъ смерть вѣнецъ земной, то тамъ, на небесахъ
Вѣнецъ ждалъ ихъ другой за жертву въ сихъ бояхъ!

642.

И скажемъ Реаду, любившему Россію
«Миръ!» Вождь сѣдой, онъ палъ исполненъ долгихъ дней.
Примѣръ свой завѣщавъ потомкамъ, въ боевыя
Готовящимъ себя опасности. А съ ней.
Сей славной тѣнью «миръ!» и Веймарну, родныя
Котораго въ рядахъ войскъ нашихъ и до сей
Минуты кровь свою умѣли проливать,
Самоотверженно за край нашъ умирать! [343]

643.

А ты — мой падшій другъ, отважный Тимофѣевъ;
Товарищъ юныхъ дней — ты тоже здѣсь нашёлъ
Свой славный смертный часъ! И ты — что такъ владѣя
Палитрой, обѣщалъ въ безсмертный ореолъ
Художника облечь младое имя — сѣя
Смерть посреди враговъ, и ты уже пришёлъ....
Но «миръ» Зацѣпину! Онъ многое собой
Намъ далъ бы въ будущемъ, прекрасною душой! [344]

644.

И тоже «миръ» тебѣ Воейковъ [345], незабвенный
И пылкій юноша! И всѣмъ — что тутъ лежатъ
Подъ спудомъ сей земли, въ завѣтъ для насъ безцѣнный
А славной смертью такъ потомству говорятъ!
Мы не забудемъ васъ! Вы — намъ маякъ священный,
Не выродился въ васъ духъ предковъ — другъ и братъ
Вамъ каждый, сердце чье способно понимать,
Что значитъ наша Русь и какъ ее спасать!

645.

Миръ всѣмъ! Не можетъ быть, чтобъ жизнь ихъ дорогая —
Отъ генерала до солдата, отдана̀
Съ такою вѣрой здѣсь въ грядущее — вставая
Предъ Бога жертвою, была не отмщена̀!
Не можетъ быть, что мы въ себѣ соединяя
Теперь примѣры всѣхъ кому была дана
Такая доля — отъ нашествій Поляковъ,
Французовъ, Шведовъ и до нынѣшнихъ годовъ,

646.

Когда опять себя въ осадѣ показали
Сей безпримѣрной, какъ за Русь у насъ стоя́тъ
Самоотверженно — еще не постояли
За цѣль, которая души и сѐрдца кладъ!
О Боже! разрѣши намъ мѣсть сію, чтобъ знали
Враги и недруги коварные — какъ святъ
Намъ каждый вздохъ сиротъ и бѣдныхъ вдовъ, какой
Мы цѣнимъ кровь сію высокою цѣной!

647.

Не плачьте! Счастливъ тотъ, кто средь именъ сихъ славныхъ
Подросшимъ дѣтямъ могъ теперь ужъ указать
На добляго отца, на брата, въ сихъ недавнихъ
Бояхъ погибшаго. А если горевать
По нынѣ, матери съ отцомъ дано; коль въ равныхъ
Страданьяхъ съ ними, есть еще вдовъ слезы..... Дать
Имъ утѣшеніе возможно — что святой
Долгъ выполненъ тогда, въ борьбѣ той вѣковой!

648.

Сей кубокъ за живыхъ! Ихъ знаетъ вся Россія,
Съ Севастопольскою медалью вѣковой
На славной ленточкѣ Георгіевской — святые
Обломки славъ они и грозной битвы той!
Хоть многіе изъ нихъ, склонили ужъ сѣдыя
Иль юны головы и въ гробъ свой боевой
Легли въ теченіи сихъ десяти годовъ,
Страдавши можетъ быть отъ ранъ и отъ трудовъ

649.

Неимовѣрной той осады знаменитой,
Сагунтъ и Саррагоссъ напомнившей собой,
Святой пожаръ Москвы, а стойкою защитой
Найденой отъ врага восторженной хвалой,
Но кубокъ сей и имъ! Тогда они — покрыты
Блестящей славою всѣ вышли, чтобъ живой
На нашихъ улицахъ и нашихъ площадяхъ
Примѣръ намъ показать и вырѣзать въ сердцахъ!

650.

И прежде всѣхъ — тебѣ, потомокъ благородный
Сподвижника Петра Великаго въ бояхъ,
Отважный Меньщиковъ, честь съ славой за природный
Духъ предка твоего! И Сакену, въ рядахъ
Враговъ столь памятну; и Лидерсу, съ столь сродной
Ему отвагой; и Тотлебену, въ мысляхъ
Котораго — враги искали тщетно нить,
По коей можно бы имъ русскихъ сокрушить! [346]

651.

И вихрю этихъ битвъ, отважному Хрулёву,
Который налеталъ, какъ грозный ураганъ
На полчища враговъ; Липранди, жизнь готову
Въ мигъ каждый отдавать; Квицинскому, изъ ранъ
Своихъ составившу себѣ вѣнокъ лавровый;
И тоже Коцебу, которому былъ данъ
Завидный жребій вновь переступить Дунай—
Всѣмъ имъ теперь, хвалой и славою воздай! [347]

652.

А не забудь среди сподвижниковъ сей сѣчи
И Іоанникія монаха, что съ крестомъ
Въ рукѣ держалъ полкамъ одушевленны рѣчи
Да пѣлъ молитвы подъ пуль съ ядрами дождёмъ!
Панфилова, чья грудь прикрыла такъ далече
Отъ всѣхъ своихъ, а такъ ужъ близко предъ врагомъ —
Ту переправу, въ день послѣдній роковой [348],
Когда еще мы разъ вступили въ смертный бой!

653.

И Новосильскаго, Синопскаго героя,
И Собашинскато, и Павлова, полки
Водившихъ столько разъ безстрашно въ сѣчу боя;
И Зарина, и тѣхъ, которымъ великй
Хвалы за мужество: Орловъ-Денисовъ, стóитъ
Который такъ отца; и тотъ, кому вѣнки
Привычны были тутъ лавровые, герой
Гомера, Бирилёвъ, налётъ во тмѣ ночной! [349]

654.

И Тетеревниковъ, и Бѣлевцовъ съ полками
Отбившіе не разъ врага отъ сихъ валовъ;
Нѣмчиновъ, Бѣльгардъ и Гордѣевъ, памя́тями
Отважныхъ дѣлъ своихъ живущи. Огарёвъ
Безстрашный, Гагманъ и Тимашевъ съ именами,
Которыхъ слава есть съ хвалой; Проскуряковъ,
Кишинскій и младой Васильчиковъ, герой,
Напомнившій отца—всѣмъ имъ, привѣтъ родной! [350]

655.

И Завалишину, честь съ славой (въ сей великой
Народной пѣснѣ) намъ должно теперь сказать:
Съ дружиной моряковъ бросался онъ при кликѣ
«Ура!» на вражій станъ, какъ вихремъ всё смѣтать! [351]
Какіе подвиги! Какіе славны лики
Сихъ русскихъ по душѣ и чести! Какъ воздать
Должно усердно намъ за сей кровавый трудъ,
Которымъ здѣсь они въ Исторіи живутъ!

656.

А ополченія дружины благородны—
Съ крестомъ на ихъ челѣ, пришедшіе тогда
Во рвахъ сихъ умирать за вѣру и свободу,
Ужели памяти имъ нѣтъ здѣсь навсегда?
Сколь многихъ отъ сохи, изъ добраго народа
Среды смиренной той вдругъ взятыхъ—здѣсь чреда
Застигла смертная и рядъ нѣмыхъ могилъ
Готовился имъ здѣсь вдали отъ всѣхъ кто милъ!

657.

Вотъ эти кла̀дбища, обильна жертва грозной
Осады! Всё на нихъ теперь безмолвно, спятъ
Противники до дня пришествія; хоть розно,
Да равно сладокъ сонъ и миръ уже хранятъ!
Здѣсь, средь товарищей, князь Горчаковъ—не розно
Хотѣвшій съ ними быть—лёгъ! Пусть они лежатъ
Всѣ съ славой! Каждый долгъ свой выполнилъ святой
И всѣмъ имъ «вѣчный миръ!» съ любовью и хвалой!

658.

Сей кубокъ арміямъ! Красѣ и чести нашей,
Вотъ тысячу годовъ наслѣдовавшимъ духъ
Великихъ предковъ, и что вѣкъ пройдетъ, то краше
Встающимъ радовать всё: сердце, взоръ и слухъ!
Съ дружинъ Владиміра, здѣсь въ Херсонисѣ, давшихъ
Тогда ужъ опытъ вправъ блестящій тѣхъ услугъ,
Которые они способны оказать,
До Севастополя—какъ честь имъ не воздать?

659.

Сей кубокъ флотамъ тѣмъ—которые съ державной
Руки Великаго пошли на всѣхъ моряхъ
Свой флагъ Андреевскій казать съ отвагой славной
И битвы грозныя вписали въ двухъ вѣкахъ!
За Чесму, Наваринъ, Синопъ и Гангеудъ—давни
Иль близки имена въ исторіи—въ сердцахъ
Они всегда живутъ; а за ихъ подвигъ здѣсь,
На сихъ валахъ—всегда сочувствіе и пѣснь!

660.

Сей кубокъ за тебя — извѣчный нашъ молитель
Предъ Господомъ щедротъ, у нашихъ алтарей:
Священникъ среди паствъ, а инокъ (скромный житель
Обители) вы всѣ, всегда за всѣхъ людей!
Въ годину бѣдствія, вы всѣ — и сей Святитель
Во блескѣ сана, и смиренный іерей
(Въ затерянной среди приполюсныхъ снѣговъ,
Убогой церковькѣ) на подвигъ всякъ готовъ!

661.

Сей кубокъ за тебя дворянство! Родовое,
Исконное для насъ наслѣдіе! За твой
Самоотверженный порывъ, за всё живое
Стремленіе твое полезну быть; за бой,
Въ которомъ ты всегда изъ первыхъ; за святое
Призваніе твое въ грядущемъ, за судьбой
Тебѣ даруемый теперь широкій путь:
Народа нашего всѣ силы развернуть!

662.

Сей кубокъ за тебя купечество, мошною
Не поскупилось ты и не скупишься въ вѣкъ
Когда отечество взываетъ! Родовою
Любовью обнялъ ты, Русь, русскій человѣкъ!
По вѣрѣ и душѣ; по чувствамъ, съ золотою
Той теплотой души́—которая какъ рекъ
Христосъ, дающая даръ щедръ одной рукой,
Другой не вѣдаетъ Евангельскъ подвигъ свой!

663.

Сей кубокъ и за васъ, крестьяне да мѣщане!
Сословія чья грудь покрыла Русь щитомъ,
Которые «налогъ великій кро́ви» въ дани
Всегда несутъ странѣ и стойки предъ врагомъ!
Да будетъ ваша жизнь облегчена, въ призваньи
Грядущаго; да бытъ вашъ трудный, при святомъ
Содѣйствіи людей передовыхъ, развить
Себя такъ можетъ, чтобъ вамъ бремя облегчить!

664.

Сей кубокъ наконецъ—за славную Россію
И за Царя ея! Которыхъ раздѣлять
Не можемъ сердцемъ мы и мыслью; какъ живыя
Символы прошлаго, а въ будущемъ печать
Единства, прочности, развитія, святыя
Начала, коими скрѣпленъ союзъ, чтобъ дать
Въ тысячелѣтіи второмъ — теперь благой
Исходъ всему, что днесь мы видимъ предъ собой!

665.

«Миръ» еще разъ вождямъ и ихъ дружинамъ славнымъ,
Сложившимъ здѣсь, за Русь и ея честь, животъ!
А «многи лѣта» тѣмъ, что вышли изъ недавнихъ
Сихъ битвъ и живы днесь! Повѣрьте — что придётъ
Часъ возрожденія: и флотовъ здѣсь державныхъ,
И Севасто́поля твердыни; что пройдётъ
Вновь по́ морю раскатъ умолкшихъ батарей
Его....а Цареградъ, падетъ къ ногамъ ей ей!

666.

Молитесь только! Всё молитесь! Приходите
Сюда молиться, здѣсь — въ обители родной,
Святымъ Владиміромъ звучащей, и взгляните
На мѣстность. Херсонисъ тутъ былъ, туманной мглой
Одѣтый десяти столѣтій! Углубите
Себя въ прошедшее, возставьте предъ собой
Событія, мечты сихъ тысячи годовъ [352],
Стремленья ихъ....и вамъ отвѣтъ всегда готовъ!

667.

И вы поймете — что неотразима сила
Есть въ ходѣ и дѣлахъ Исторіи Царей
Съ народомъ ихъ, на сей Руси́; что вѣрно ми́ла
Цѣль сердцу ихъ была въ теченьи столькихъ дней!
Что не могло же быть — чтобъ всѣ и до могилы
Отъ люльки ихъ, Цари и нація, въ своей
Завѣтной думѣ всё стремившіеся здѣсь
Стать твердою ногой — ошиблись! Жизнь тутъ есть!

668.

Помолимся еще, въ обители священной —
Здѣсь воздвигаемой, среди развалинъ двухъ
Осадъ и двухъ эпохъ столь разныхъ въ всёмъ (съ смиренныхъ
Началъ Россіи и до дня сего); а духъ
Которыхъ всё одинъ, всё та же непремѣнна
Цѣль: «Утвердится здѣсь! Къ Востоку жадный слухъ
И взоръ простерши, всё народъ свой подвигать
Въ обѣтованный край и міръ намъ новый дать!»

669.

Прощай Севастополь, развалина родная
Душѣ! И жди доколь опять мы не придёмъ
Въ тебя—твой славный флагъ, надъ этимъ развивая
Заливомъ съ радостью и съ полнымъ торжествомъ!
Раскинемъ жъ парусъ и отъ брега отплывая
Сего, пошлемъ ему хотя еще въ одномъ
Прощальномъ взглядѣ нашъ сердечнѣйшій привѣтъ
Любви и гордости, за годъ столь славныхъ бѣдъ!

670.

Вотъ древній Танаисъ, лазуревой волною
Въ степяхъ раскинутый и тотъ Овидіополь
Въ честь бѣднаго пѣвца такъ названъ, золотою
Цѣвницей тщетно здѣсь взывавшаго: «позволь
О Августъ! разъ еще взглянуть на Римъ, душою
Въ отчизнѣ отдохнуть, изъ этихъ горькихъ доль
Далёкой ссылки и тьмы варварской—опять
Италію мою, хоть день мнѣ повидать!» [353]

671.

Для Бессарабіи вѣкъ новый наступаетъ
И уже Кишиневъ нельзя теперь узнать,
Такъ время всё у насъ, что годъ, преображаетъ:
Въ обычаяхъ, мысля́хъ, торговлѣ, чтобы дать
Всему ходъ и́наковъ! Румынія сближаетъ
Себя съ Европой и тѣснѣй сплотившись, стать
Всхотѣла на брегахъ Дуная образцомъ,
Для угнетенныхъ странъ дунайскихъ, маякомъ!

672.

А ты — могучій другъ Россіи, неизмѣнный
И старый другъ Славянъ! Какъ сладостно съ тобой
Встрѣчаться о Дунай! съ дорóгой драгоцѣнной,
Бѣгущей на Востокъ широкою волной!
И вспомнить прошлаго наслѣдье, освященно
Вѣками; всѣ дѣлà въ Исторіи родной
Съ тобой связуемы, съ любовью воскрешать
И тѣни милыя наитно вызывать!

673.

Тутъ — съ Святослава всѣ! И прадѣдъ Петръ Великій.
И правнукъ Николай въ ладьѣ съ рулемъ въ рукѣ [354]
Державной — чтобъ внести въ край этотъ полудикій
Обильны семѣна грядущаго! Къ рѣкѣ
Сей, всё сошлось въ мечтахъ: торжественные клики
Побѣдъ, стонъ раненныхъ, громъ пушекъ, вдалекѣ
Валы Силистріи, штыкъ старыхъ гренадеръ
И знамя взнесено въ огнѣ на кавальеръ!

674.

И бѣгство Визирей, и лагерь ихъ (восточный
Базаръ съ богатствами прекрасной ихъ земли),
Кулевчи и Кагулъ — гдѣ дважды часъ урочный
Казалось ужъ пробилъ Стамбулу! Всѣ пришли —
И славы, и дѣлà забыты — какъ нарочно
Тревожить, оживлять былое! Всѣ, что шли
Сюда и здѣсь легли за Русь ихъ, головой,
На «крестномъ» симъ пути къ Византіи родной;

675.

Фошканы, Туркутай, изборозденны славой;
Желѣзный Измаилъ, Суворовъ великанъ,
Старикъ Кутузовъ, Графъ Каменскій величавый
И юный вождь, кому былъ гробъ такъ рано данъ;
Прозоровскій, орелъ Багратіонъ, державы
Честь Панинъ, Минихъ и Потемкинъ (сей титанъ
Востоку по плечу); а Рымникъ, Ларга, дать
Гдѣ надо столько имъ хвалы и вспоминать;

676.

И наконецъ — въ дали туманной, образъ милый,
Героя-образца встающаго надъ симъ
Дунаемъ памятью впрямь русской, мыслью силы
И духомъ истинно народнымъ да живымъ —
Великій Святославъ, чьи помыслы такъ были
Далёко-видящи! Ты всѣмъ мечтамъ святымъ
Вотъ тысячи годовъ, впрямь отзвукъ дорогой —
Указываетъ онъ, всё, путь сей вѣковой!

677.

Да! Ты Дунай и былъ, и будешь намъ священенъ!
Отъ Святослава и до Александра дней
Ты всё для насъ завѣтъ извѣчно непремѣненъ,
Душа Славянскихъ думъ и мѣта ихъ Царей!
Ты всё для насъ въ мечтахъ народныхъ неотмѣненъ
Отъ мысли, слить съ тобой Славянщину тѣснѣй;
Какъ быть по истиннѣ, когда нибудь она,
По вѣрѣ и своей народности, должна!

678.

Прощай старикъ Дунай, свидѣтель нашей славы
И нашихъ доблестей! Вернемся мы опять
«Живъ Богъ, жива душа!» къ брегамъ твоимъ, державы
Всемірной довершить призваніе и дать
Осуществленіе мечтѣ той величавой,
Что сердцу русскому всегдашня благодать:
Когда мы снова крестъ въ Святой Софіи храмъ
Внесемъ съ «осанна!» и отмстимъ ея врагамъ!

679.

Взойдемъ на пароходъ и отъ жерла Дуная
Громаду водъ своихъ вливающаго въ сей
Понтъ древности сѣдой, Крымъ быстро огибая
Путемъ Язона вновь помчимся. Сихъ морей,
Съ миѳическихъ временъ дорога зеленая
Извѣчно бурною и пѣнистой своей
Волною подъ кормой народовъ всѣхъ шумитъ,
Съ дней нашихъ восходя въ глубь міра до Атридъ.

680.

Вотъ и Тмутаракань, гдѣ всё звучитъ Мстиславомъ
Великимъ; Керчь, гдѣ царь Понтиды Митридатъ [355]
Оставилъ вѣчный слѣдъ могущества и славы,
Въ борьбѣ отчаянной съ Римля́нами. Кипятъ
Валы лазуревы, брегъ низкій весь отавой
Поросъ; кой гдѣ огни, вокругъ которыхъ спятъ
Безпечно козаки; а лодочка, травой
Опутана, слегка качаема волной.

681.

Тутъ громкій нѣкогда Азовъ. теперь смиренный
Посадъ, валовъ его давно слѣда ужъ нѣтъ;
Лишь память о Петрѣ Великомъ, незабвенна
Вездѣ, гдѣ пролагалъ онъ свой могучій слѣдъ,
Еще жива досель преданіемъ; но стѣны
И башни крѣпкія, видавшія побѣдъ
Кличь юныхъ войскъ Петра Великаго, давно
Всё это временемъ всесильнымъ снесено́!

682.

А вотъ и Таганрогъ, столь памятный кончиной
«Благословеннаго» и съ статуей его [356]
На площади. Бердянскъ, Эйскъ, быстро надъ пучиной
Азовскихъ волнъ что день растущіе. Всего
Прибрежья этого видъ радуетъ; не руи́ны
Встрѣчаешь какъ въ Крыму тутъ, сердца твоего
Не опечалятъ ихъ безмолвіе....живой,
Напротивъ, здѣсь весь бытъ, приморскій и рѣчной.

683.

Здѣсь милый «тихій Донъ!» Поднимемся теченьемъ
Его. Что шагъ—видна̀ станица надъ водой,
Раскинулась она бревенчатымъ селеньемъ
И церковь древняя у рощи зелено́й;
Сады душистые, съ игривымъ сплетеньемъ
Сихъ виноградниковъ; поля́, съ сей золотой
Волною жатвъ; вдали—обширные луга̀,
Упершіе себя въ родные берега̀ —

684.

Впрямь милъ ихъ «тихій Донъ!» Новочеркаскъ виднѣетъ
Надъ свѣтлою волной. Зайдемъ въ его соборъ,
Гдѣ и Донецъ, и другъ Донцовъ благоговѣетъ
Предъ скромною плитой, къ себѣ влекущей взоръ:
Тутъ послѣ столькихъ битвъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ яснѣетъ
Великій образъ сей! Оставившій укоръ
Одинъ лишь по себѣ, что слишкомъ мало жилъ!
Склонись! Графъ Платовъ тутъ, вихрь-вождь теперь почилъ!

685.

«Миръ» сладкій Платову за подвиги прекрасны
Въ тѣхъ битвахъ вѣковыхъ, за исто-славну жизнь! [357]
Дѣянія его, всегда надъ духомъ властны
И оживляющи примѣромъ; въ немъ слились
Съ отвагою Донца, стремленье ежечасно
За Русь всѣмъ жертвовать! Склонись и помолись
Надъ благородными костьми его, покой
Скажи ему за дни тревоги боевой!

686.

Ура Донцамъ! Они, у Святой Руси, нынѣ
Передовая рать! Гдѣ только путь къ врагамъ
Придется указать лицомъ къ лицу—дружина
Ихъ впереди, а съ ней побѣда уже тамъ!
Прямые витязи безъ страха, гдѣ пучина
Кипитъ горячихъ битвъ, разятъ они! Полкамъ
Несчастной Франціи, доселѣ ихъ налётъ
Остался памятенъ, какъ памятенъ тотъ годъ!

687.

Слухъ чуткій, быстрый взоръ, отвага безпредѣльна,
Вся гибкость ловкаго наѣздника, весь пылъ
Солдата храбраго и съ этимъ нераздѣльно
Любовь къ отечеству — вотъ чѣмъ всегда онъ былъ
Донецъ! Вотъ что для нихъ, путь искони удѣльный!
Съ Азова древняго, гдѣ духъ ихъ проявилъ
Себя впервой — до днесь, ихъ пика страхъ врагамъ!
Съ ихъ появленіемъ, летитъ побѣда къ намъ!

688.

Но Черноморцы тожъ не робкіе ребята,
Не въ праздной лѣности на граняхъ сихъ живутъ;
Раскинувшись у сихъ предгорій столь богатыхъ,
Они свою Кубань родную стерегутъ;
Здѣсь горцевъ Рубиконъ! Бывало крѣпко сжаты
Стальнымъ удавомъ симъ, они еще рванутъ
Порою цѣпь свою....но нынѣ это сонъ
Минувшій и Кавказъ ихъ нами покорёнъ!

689.

И на Кубань пятой, и на Кавказъ пятою
Русь наступила—чтобъ край этотъ оживить
Цивилизаціей и христіанствомъ, съ тою
Энергіей труда и воли, съ коей быть
Иначе не могло. Бывало тутъ порою
Ночной, предательски Чеченецъ переплыть
Рѣку завѣтную тихонько подползётъ
И въ камышахъ свою добычу стережётъ;

690.

А мигъ — и Линія огнями засверкаетъ!
Отвсюду козаки-наѣздники летятъ
И дикихъ хищниковъ ватагу окружаютъ,
Картечью рвутъ ряды ихъ, рубятъ и тѣснятъ!
Но погляди тогда на горца! Умираетъ
Онъ, дикой воли сынъ, охотно; сынъ и братъ,
Отецъ и дѣти—всѣ, лицомъ къ лицу съ врагомъ,
Кинжалъ въ зубахъ, на штыкъ полезли.. .и живьёмъ

691.

Насаживаетъ ихъ штыкъ русскій! Бой ужасенъ
И нѣтъ спасенія безумцамъ въ роковой
Часъ смерти! Какъ тогда онъ истинно прекрасенъ,
Запѣвши смертну пѣснь въ сей сѣчѣ боевой!
Вы думаете, что подобный бытъ несчастенъ?
Не вѣрьте! Шестьдесятъ лѣтъ битвы ни одной
Не отложили здѣсь души отъ тѣхъ началъ,
Въ которыхъ горецъ жизнь извѣчно залагалъ!

692.

Что въ просвѣщеніи имъ, безъ златой свободы
Родныхъ ущелій, горъ, потоковъ и лѣсовъ,
Гармонирующихъ всей прелестью природы
Сей—грозно-роскошной, съ ихъ бытомъ, съ ихъ отцовъ
Преданьями? Одно лишь можетъ здѣсь народы
Сіи къ намъ привязать — святая вѣра! Кровъ
Ея спасительный лишь властенъ умирить
Духъ гордыхъ сихъ племенъ и будущность скрѣпить.

693.

И такъ, честь «Обществу», которое задачей
Себѣ поставило на симъ Кавказѣ днесь:
«Крестъ мира и любви» понявши, что иначе
Борьба безплодна и тщетны́ усилья здѣсь [358];
На христіанствѣ бытъ основанный, а паче
На кротости началъ владычества....и весь
Сей чудный край, алмазъ Россіи, ужъ опять
Не призоветъ штыка законъ ему писать!

694.

Перешагнемъ теперь сей Рубиконъ Кавказа!
Вотъ Ста̀вропольъ, гдѣ длань могучую привыкъ
Издавна поднимать властитель....«гикъ!» и съ разу
Картечь летитъ въ отвѣтъ, да наклонился штыкъ!
Отсель предгорія холмятъ разнообразно
Уступы лѣстницы гигантской, но приникъ
Теперь—сѣдой Кавказъ, на коимъ Прометей
Прикованъ нѣкогда былъ въ жертву за людей!

695.

А вотъ и Пятигорскъ съ цѣлебными ключами [359]
У сей подошвы горъ могучихъ, да вдали
Бештау, какъ титанъ увѣнчанный снѣгами,
На коихъ облака̀ громадны налегли.
Что за чудесный видъ! Какъ сладостно мысля́ми
Съ молитвой встрѣтимся здѣсь тёплой, отъ земли
Встающей предъ Тебя, о Боже! съ сихъ гольцовъ,
Гдѣ жертвенникъ тебѣ, какъ будто бы готовъ!

696.

Пойдемъ въ нагорный путь. Онъ смѣло развиваетъ
Змеины кóльца, въ даль взносится, бѣжитъ
И скоро за собой предѣлы оставляетъ
Растительности. Здѣсь всё и́звѣчно молчитъ!
Снѣгъ хрупкій узкую дорогу замѣтаетъ,
Громада голыхъ скалъ надъ путникомъ виситъ
Отягощенная снѣгами, смерть собой
Скрывая въ грозныхъ сихъ обвалахъ надъ тобой!

697.

Лишь беркутъ иногда широкими крылами
Какъ бы повисъ въ выси небесной, облакà
Внизу скопляются густыми полосами,
Да скачетъ бѣшено по камнямъ тамъ рѣкà.
А вотъ «Крестовая гора!» Гдѣ раменами
Своими крестъ простеръ (еще издалекà
Виднѣя предъ тобой) надъ гранью двухъ міровъ,
Сѣнь столь спасительну въ теченіи вѣковъ!

698.

Здѣсь — перевалъ! Отсель ты въ Грузіи, блаженный
Край коего теперь коснулся золотой
Лучъ мира; а за нимъ въ слѣдъ дастся и безцѣнный
Ей кладъ наукъ, искусствъ; да жизни не такой,
Какую нѣкогда во дни нашествій, плѣна,
Золъ отъ гражданскихъ и военныхъ смутъ, порой
Нерѣдкою она видала....Днесь развить
Богатства ей дано природны, мирно жить

699.

Пройдемъ Душетскія развалины. Какою
Вамъ роскошью тогда покажется сей долъ,
Когда оглянитесь и грозны за собою
Гольцы увидите! Вотъ Эльборусъ, престолъ 360
Гигантскій, выше горъ вознесся снѣговою
Туманной головой; а далѣе пошёлъ
Какъ бы амфитеатръ уступовъ зелены́хъ,
Покрытый полосой лѣсовъ тутъ вѣковыхъ!

700.

Разсыпалась Кура гремучими волнами,
Мчитъ по каменьямъ межъ нависшихъ дикихъ скалъ,
Съ которыхъ виноградъ ползущими сѣтями
Повисъ и тополь тѣнь на во́ды набросалъ;
Чинарь зеленая раскинулась вѣтвями
Широкими, въ листкахъ лучъ солнца заигралъ,
Сквозь чащь сверкая ихъ; а испещрёнъ вокругъ
Цвѣтами чудными душисто-мягкій лугъ;

701.

Въ ущельѣ въѣдишь ли? Нависли надъ тобою
Громады скалъ, тропа едва коню даётъ
Ступить; ручей журчитъ серебряной струёю
По камушкамъ; съ скалы какъ стражникъ возстаётъ
Развалина какой-то башни, съ вѣковою
Легендою о дняхъ Тамары; индѣ сводъ
Пещеры тёмной, весь ползущихъ обвито́й
Растеній зеленью, зіяетъ; иль святой

702.

Храмъ виденъ на горѣ, давно заброшенъ нынѣ
И какъ свидѣтель тутъ оставшійся нѣмой
Того — что нѣкогда въ сей роскошной пустынѣ
Крестъ былъ спасенія воздвигнутъ надъ страной.
И точно! Нѣкогда пришла Святая Нина
Сюда и, водрузивъ сей крестъ, была златой
Лучъ вѣры, Грузіи ниспосланный свѣтить
И въ души благодать Евангельску излить!

703.

А между тѣмъ, нельзя глядѣть безъ восхищенья,
На роскошныхъ картинъ сихъ чудны красоты!
Святая тишина въ ущельи, упоянья
Душистости сихъ травъ нагорныхъ и цвѣты —
Которыхъ ѳиміамъ небесный испаренья;
И свѣжесть рѣчекъ, что какъ серны съ высоты
Утеса прыгаютъ въ долину, а росой
Алмазной обдаютъ — всё прелесть предъ тобой!

704.

Вотъ надъ стремительной гремучею Курою,
Тифлисъ, увѣнчанный горами, предстоитъ
И свѣтлой маковкой «Сіона» золотою
Намъ цѣлью путника молитвенно живитъ;
Войдемъ же въ сей соборъ, гдѣ жертвой дорогою
За Русь свою, теперь князь Циціяновъ спитъ [361]:
Вождь — коего вся жизнь была посвящена,
Чтобы намъ Грузія была закрѣплена.

705.

Миръ Циціянову! Миръ жертвѣ благородной!
Измѣной лишь его, не смертью боевой
Сломить могли.... но онъ души своей свободной
Оставилъ здѣсь завѣтъ, до нынѣ всё живой;
Твердъ, прямодушенъ, чистъ, любовію народной
Теперь покрытый, спитъ онъ здѣсь....И былъ одной
Изъ свѣтлыхъ личностей, которыми Кавказъ
Гордиться можетъ! Жилъ и умеръ онъ за насъ!

706.

Да! Благородное грузинское дворянство,
Отъ братій русскихъ не отстало — въ той любви
Къ Россіи, въ томъ всегда и всюду постоянствѣ,
Которыя у насъ врожденныя въ кровй;
Всё испытавъ во дни несчастій: и тиранство,
И рабства горечь, плѣнъ—хоть просто не живи
Въ тѣ смутны времена! Оно теперь рукой
Здѣсь правой и щитомъ своей странѣ родной.

707.

А въ благодарность за свободу и спасенье,
Оно вождей такихъ намъ нѣкогда дало
Какъ Циціяновъ и Багратіонъ, изъ тлѣнья
Досель встающихъ столь для памяти свѣтло?
Петра Великаго отважны помышленья
Одинъ здѣсь развивалъ, съ другимъ во гробъ легло
Воспоминаніе о битвѣ вѣковой
Бородина, когда онъ жертвовалъ собой.

708.

Еще разъ миръ тебѣ, впрямь мученику чести!
Хотя ты жертвой палъ въ часъ смерти роковой,
Но на стѣнахъ Баку́ штыками правой мести
Начертана тебѣ надгробная съ лихвой!
А гдѣ жъ, другой — какъ онъ, убитый? Но изъ лести
Пожившій въ обществѣ, но строгою душой
Ему умѣвшій мысль правдивую бросать
И разсмѣшая — такъ жестоко поучать?

709.

Среди угрюмыхъ скалъ, обитель освященна
Вѣками, а тропа чуть вьётся по скаламъ
И всё горитъ звѣздой крестъ ярко позлащенный
Въ завѣтъ той вѣчности, что вѣчно свѣтитъ намъ....
О приходи сюда, въ сей храмъ, гдѣ этѣ бренны
Останки почіютъ! Скажи тому — что тамъ,
Въ странѣ надзвѣздной, днесь душой своей живётъ:
Что помнитъ трудъ его, признательный народъ;

710.

Что не поэтъ лишь въ нёмъ (еще душевной силы
Впрямь не развившій), но и честный гражданинъ
Живъ есть! Что смерть пріявъ за Русь, онъ за могилой
Всё для отечества любимый, милый сынъ!
Миръ Грибоѣдову! Когда вокругъ вопили
Убійцы, онъ тогда безъ страха (хоть одинъ,
Народомъ окруженъ) встрѣчалъ ихъ и умѣлъ
Пасть чистъ за Русь свою, всё такъ же гордъ и смѣлъ! [362]

711.

А какъ поэтъ — ему безсмертіе! Душою
Прозорливой, онъ зло провидѣлъ, что точить
Всевластно насъ досель и жалкою стезёю
Примѣровъ съ Запада умѣетъ волочить;
Онъ въ «Горе отъ ума» не выходкой пустою
Остался памятенъ; а тѣмъ, что обратить
Умѣлъ взоръ общества на язву, коей гной
Доселѣ дѣйствуетъ губительно собой!

712.

И скоро ли поймутъ, что тѣ лишь силы живы,
Которыхъ кладъ сокрытъ въ народѣ; что не тамъ,
Въ Европѣ, намъ теперь готовятся правдивы
Пути грядущаго, а въ Ру́си; что гробамъ
Отцовъ мы нанесемъ срамъ, если будемъ лживо
И вяло дѣйствовать; что время нынѣ намъ
«Прогресъ» не на словахъ лишь смутно проявлять
Душѣ и мысли.... но на дѣлѣ показать!

713.

Нѣтъ! Всѣ мы, въ комъ еще есть духъ животворящій —
Всѣ встанемъ: чтобъ душой и мыслью заклеймить
То направленіе, симумъ сердцепалящій,
Которымъ нашъ народъ возможно погубить!
Законность прежъ всего, порядокъ, скромность (слаще
Для коей тотъ кусокъ, что честью лишь добыть
Возможно) умный трудъ, да служба не съ лихвой
А съ правдой—вотъ такъ жизнь! Вотъ Ру́си путь земной!

714.

Но это низкое къ наживѣ устремленье,
Но рабство подлое съ свободой на устахъ,
Но это раннее всѣхъ чувствъ живыхъ растленье
Развратомъ тѣла и мысле́й; но лёдъ въ сердцахъ
Сей молодежи, что должна бы въ украшенье
Странѣ теперь возстать; распущенность въ умахъ,
Которые еще не укрѣпились въ томъ,
Чего они хотятъ на поприщѣ земномъ....

715.

Ужели вы могли вообразить, что сто́итъ
Лишь мудрые вамъ дать законы, правый судъ,
Свободу личную сословьямъ — то удвоитъ
Всё это, счастіе Россіи? Что пойдутъ
Съ порядками теперь вводимыми, усвоятъ
Себѣ благія ихъ послѣдствія — и трудъ,
И миръ съ законностью, и честность безъ того,
Неприложили чтобъ вы рвенья своего?

716.

Законы пишутся за тѣмъ—чтобъ исполняли
Ихъ, а прогресъ тогда живителенъ, когда
Онъ въ силахъ общество развить. чтобы пріяли
Начала добрыя его мы навсегда....
Но мотовство дворянъ, которые узнали
Лишь худшее изъ всѣхъ золъ Запада—бѣда
Есть въ этомъ не для нихъ лишь только, а въ народъ
Ихъ развращеніе гангрену вѣдь внесётъ!

717.

И всё, что намъ теперь даруется великимъ,
Предусмотрѣніемъ Царя, не въ прокъ оно
Пойдётъ—коль вы своихъ понятій, нравовъ дикихъ,
Не бросите! Кругомъ взгляните: гдѣ дано
На Западѣ такъ жить, какъ вы? Гдѣ могутъ клики
Невѣждъ влiять еще въ Европѣ? Суждено
Гдѣ видѣть тамъ, досель, въ «передовыхъ людяхъ»
Такой сумбуръ въ житьѣ-бытьѣ, да и въ мысля́хъ?

718.

Есть исключенія конечно....Но ихъ мало,
А общность же дворянъ куда какъ не красна̀!
Внѣ жъ ихъ—гдѣ есть у насъ сословіе, съ началомъ
По лучше? Нѣтъ его! Купцы, мѣщане, дна
Поддонки—мужики, тьма суща, какъ попало
Житьё! Гдѣ люди тѣ, которыхъ бы сильна
Была такъ вѣра и такъ благороденъ трудъ,
Чтобы съ народа снять привычекъ рабскихъ спудъ?

719.

Вспомянемъ здѣсь теперь и тѣхъ вождей народныхъ,
Кто добылъ намъ Кавказъ войною да умомъ:
Ермоловъ—сильный умъ, тактически природный,
Что видимъ днесь, тогда намѣтившій штыкомъ;
И Котляревскій—бичъ Чеченцовъ, самородный
Талантъ военный; Князь Паскевичъ, здѣсь орломъ
Какъ и вездѣ потомъ пари́вшій! Воронцовъ
И Князь Барятинскій—всѣмъ кликъ «ура!» готовъ!

720.

Отечество имъ всѣмъ признательно! Пожали
Плоды теперь мы всѣхъ сихъ доблестныхъ трудовъ
И къ цѣли ужъ пришли—Кавказъ покоренъ, пали
Къ стопамъ Царя сихъ горъ твердыни, отъ основъ
И до вершинъ! Вездѣ владычимъ мы, попрали
Шамиля, мюридизмъ [363] и нынѣ—гдѣ штыковъ
Кровавый слѣдъ прошелъ, гражданственность пришла
Край этотъ обновить. Всѣмъ слава, за дѣла̀!

721.

И отъ Тифлиса есть, какъ отъ Севастополя,
Теперь широкій путь къ Византіи—мечёмъ
Проложенъ....чтобъ, когда захочетъ мощна воля
Народа, повести въ путь этотъ столь знакомъ!
Здѣсь—будто Бріарей, простерши руки въ поле,
Русь грозная стойтъ, готовая штыкомъ
Опять на грохоты Босфорскихъ батарей
Отвѣтить за тебя Византія ей ей!

722.

Какъ живописенъ видъ отряда, если въ го́ры
Бывало онъ идётъ и сѣткою стальной
Штыковъ покроетъ скалъ вершины, передъ взоромъ
Сверкая будто бы алмазной чешуёй
Дракона по скаламъ....Чу! выстрѣлъ—а напоромъ
Штыка отброшенъ врагъ и тщетно за скалой
Въ завалахъ онъ залёгъ отстаивать аулъ
Родной! Отрядъ завалъ уже перешагнулъ,

723.

Аулъ пылаетъ, всё бросается къ мечети,
Мулла-фанатикъ въ ней засѣлъ на смерть, поётъ
Свою прощальну пѣснь....Неустрашимы дѣти
Сихъ дикихъ горъ, вѣдь Русь пощады не даётъ!
Вѣдь времена̀ пришли послѣднія, въ завѣтѣ
Пророка нѣтъ уже спасенья! Изъ тѣнётъ
Стальныхъ вамъ вырваться нельзя теперь—пробилъ
Кавказу роковой часъ, волю погубилъ!

724.

За шагомъ шагъ, Кавказъ смирился! Многи годы
Кипѣла битва. Но отдать дань надо имъ,
Симъ храбрымъ племенамъ, впрямь стоившимъ свободы,
Любившимъ родину съ порывомъ столь живымъ;
Дай Богъ, чтобы вѣры лучъ проникъ въ сердца̀ народовъ
Кавказскихъ и своимъ наитіемъ святымъ
Ихъ умирилъ; чтобъ лучъ науки золотой
Проникъ въ умы племенъ сихъ, съ вѣрою живой!

725.

Чтобы гражданственность, въ сей колыбели міра,
Въ которой лучшій типъ былъ человѣку данъ
Изъ всѣхъ народовъ—плодъ дала богатый. Сиры
Теперь Кавказскія ущелья, но вѣдь званъ
На пиръ сей роскошной природы (какъ порфирой
Одѣвшей этотъ край) другой народъ—вѣнчанъ
Такою славою за шестьдесятъ годовъ,
Имъ проведенныхъ здѣсь средь славныхъ сихъ трудовъ!

726.

Чрезъ Коды, Чубухлы, пройдемте къ Эривани,
Гдѣ сей соборъ встаетъ злаченой головой,
А русскій крестъ блеститъ на этой дальней грани
Персидской—какъ и надъ Амурскою волной!
Амуръ и Персія! Ужели нѣтъ призванья
Всемірнаго тебѣ, Святая Русь? Какой
Еще перстъ Божій есть яснѣй сего—чтобъ знать,
Что Го́спода на насъ извѣчна благодать?

627.

Что жъ будетъ въ мигъ, когда грядущее откроетъ
Намъ двери въ новый міръ и чистый, славный путь
Укажетъ полнаго развитія, закроетъ
Тѣ язвы, коими насъ можно упрекнуть?
Когда могилу онъ конечную изроетъ
Врагамъ, развяжетъ насъ съ прошедшимъ; мощну грудь
оссіи вдвинетъ въ сей Востокъ, гдѣ намъ такой
высокій жребій данъ Исторіей родной?....

728.

Трудитесь же! Чтобы вамъ волю Провидѣнья
Возможно сдѣлалось исполнить, возвышать
Что вѣкъ—отечество и чисты приношенья
Мыслѐй да чувстъ ему всечастно отдавать!
Историкъ и пѣвецъ, возстаньте! Поученья
Свои раскройте намъ, великую печать
Предназначенія кажите въ той далй,
Къ которой взоръ теперь съ надеждой мы взнесли!

729.

Да! мысль могучая и впрямь живое слово,
Всегда всевластны вамъ безсмертіе здѣсь дать
И трудъ вашъ родственный—у очага роднаго
Россіи, будетъ всякъ съ молитвой вспоминать!
Какъ сладко же мечтать, когда въ тиши ночнаго
Спокойствія придёшь служенье совершать
Отечеству—а стихъ ложится за стихомъ,
Воспѣть Святую Русь въ наитіи родномъ—

730.

Какъ сладостно и я, въ часъ сей ночной мечтаю:
Что можетъ на Руси не пропадетъ мой трудъ,
Что можетъ быть въ толпѣ сочувствіе встрѣчая
Меня на языкѣ родномъ мнѣ назовутъ;
Что грозную судьбу терпѣньемъ побѣждая,
Сниму я съ дней своихъ свинцовый давній спудъ
И что признательность потомства надо мной,
Взойдетъ прекрасною и чистою звѣздой!

731.

Вотъ и Эчьмеадзинъ. Преклонимся съ смиреньемъ
Предъ этой древностью, отъ Ноевыхъ временъ
Принесшей вѣтвь свою въ наитное спасенье
И водрузившей крестъ средь жившихъ здѣсь племенъ;
Тутъ Святой Нины тѣнь встаетъ въ преображеньи
Той славы неземной, предъ коей весь нашъ тлѣнъ
Величья будто дымъ развѣянъ; Царь Царей,
Тигранъ, здѣсь нѣкогда почилъ исполненъ дней [364].

732.

Прочти, что Моисей Хоренскій повѣствуетъ
Объ сей Арменіи, гдѣ Цезарь воевалъ
И Римляне свой слѣдъ оставили въ златую
И славну лѣтопись побѣдъ ихъ. Нынѣ всталъ
Другой орёлъ и столь жъ державный, вѣковую
Страницу здѣсь вписать какъ Римъ; завоевалъ
И онъ сіи мѣста, гдѣ легіоновъ путь
Проложенъ былъ мечёмъ, чтобъ славно помянуть!

733.

Войдемъ въ Эчьмеадзинъ, вратами Тиридата!
Единороднаго престолу поклонясь,
Взведемъ свой взоръ къ тому двухглавью Арарата,
Что тамъ, горѐ, блеститъ какъ бы уединясь!
Здѣсь мыслью теплою, въ часъ этотъ столь богатый
Воспоминаньями, взнесемся: «чтобъ молясь—
И намъ, какъ Пою, далъ Богъ вѣтвью зеленóй
Обѣтованный міръ грядущаго живой!

734.

«Чтобъ въ «нравственномъ теперь потопѣ» чистой силы
Душѝ, мыслѐй, сердецъ....Россія, какъ ковчегъ
Всплыла тѣхъ древнихъ дней, какъ голубица мила
Надъ бѣздною земной простерла въ дали бѣгъ!
Чтобы желанну вѣтвь спасенія открыла
Въ обѣтованіе для міра! Чтобы брегъ
Нашла страны, гдѣ бъ міръ мятежный могъ пристать
И вѣрой съ разумомъ себя преображать!

735.

«Чтобъ принесла, чрезъ Русь, опять благословенья
Для чоловѣчества и истинный прогресъ
Народамъ; а всё то, что нынѣ въ помышленьяхъ
Есть честнаго, взялó законный перевѣсъ!
Чтобъ крестъ Евангельскій, освободясь отъ бренья
Ученій ложныхъ—могъ отнынѣ до небесъ
Намъ лѣствицею быть Іакова, всходить
Доступной къ Богу, чтобъ въ дань сердце возносить!

736.

«Чтобъ семи тысячъ лѣтъ сонъ снялъ свои оковы!
О Боже! Гдѣ же намъ достойнѣе молить
Тебя, какъ не въ виду́ горы, съ которой слово
Ты жизненно изрёкъ....да будемъ снова жить!
И если тщимся мы всѣмъ сердцемъ, да готовы
Предстать передъ Тебя всечасно можемъ—слить
Ужели намъ нельзя съ горою сей святой
Мысль о спасеніи, указанну Тобой?

737.

«Нѣтъ! Жаждемъ мы тебя, о край обѣтованный!
Святая будущность тебя мы сладко ждёмъ
И вѣтвь спасенія, въ тотъ тайный да желанный
Міръ, съ чистотой души и помысла внесёмъ!
Но если же тѣхъ дней грядущаго мечтанныхъ,
Какъ Моисею намъ не увидать....стихомъ
Симъ, мыслью сей, мы всё жъ всѣмъ сердцемъ призывать
Его вставали днесь и лучши дни казать!»

738.

«Ex pontum indignatus Araxes» такъ Виргилій
Намъ бурное твое теченье описалъ [365]
Араксъ стремительный, съ такою буйной силой
Катящій въ Каспій въ слѣдъ за валомъ синій валъ.
Взгляните — какъ своей сапфиробыстрой жилой
Далёко врѣзался онъ въ море и вбѣжалъ
Въ него какъ гренадеръ въ проломъ твоей стѣны
О крѣпкій Ахалцыхъ, въ день памятной войны!

739.

А ты—старикъ, своей сердитою волною
Бѣгущій берега̀ рвать, Каспій вѣковой!
Вотъ я къ тебѣ пришёлъ съ тревожною душою
И съ мыслью бурною, мой пѣстунъ дорогой!
Раскинемъ паруса̀! Пусть нашъ корабль стрѣлою
Помчится по валамъ — въ которыхъ есть родной
Мнѣ отзвукъ: ибо я съ младенчества привыкъ
Льнуть жаднымъ слухомъ къ нимъ, въ наитій сладій мигъ !

740.

Помчалъ корабль! Дербентъ съ «желѣзными вратами»
Всталъ съ лона этѣхъ волнъ, полнъ памятью Петра [366]
Великаго; онъ здѣсь, могучими стопами,
Оставилъ славный слѣдъ! Теперь—пришла пора
Осуществить его мысль, генія вѣками
Прославленнаго; кѣмъ — что кажется вчера
Еще несбыточнымъ являлось, изъ мыслей
Его изшедши....намъ дается всё яснѣй!

741.

Мужъ удивительный, титанъ вездѣ присущій!
Прозрѣлъ онъ на вѣка̀ и всё къ чѣму склонялъ
Мысль, во всёмъ будущность являлъ какъ будто сущу
И каждый шагъ страны въ грядущемъ—указалъ!
Досель еще, не всё разгадано въ кипучемъ
Волканѣ этого ума....который далъ
За двѣсти лѣтъ намёкъ на Индію, на тотъ
Ключъ къ ней въ Бухаріи, Хивѣ, Кокандѣ—сводъ

742.

Прозорливыхъ и впрямь пророческихъ мышленій,
Лишь нынѣ понятый и приводимый тамъ
Изъ глубины степей Киргизскихъ въ исполненье!
Онъ зналъ — что Англія всегда преграды намъ
Готова ставить какъ помѣхи къ усиленью
Морскаго нашего могущества....громамъ
Севастопольскихъ битвъ дается здѣсь отвѣтъ —
Пусть помнитъ Албіонъ и знаетъ цѣлый свѣтъ!

743.

Нашъ штыкъ на сихъ путяхъ, Соединенныхъ-Штатовъ
Руль на моря́хъ....вотъ въ чёмъ таится пригово́ръ
Величью Англіи, столь завистью богатой,
А силой въ сущности столь бѣдной! Быстрый взоръ
Петра Великаго, проникши въ сей чреватый
Событьями вопросъ — еще съ тѣхъ давнихъ поръ
На Средней Азіи намъ мѣту указалъ,
Міродержавье тутъ для насъ подготовлялъ!

744.

Вотъ Баку — нѣкогда могучая твердыня,
Тутъ Циціяновъ палъ за Русь и дорогóй
Оставилъ намъ завѣтъ души своей святыни,
Да много добрыхъ чувствъ унёсъ въ свой склепъ земной;
Еще разъ «миръ» сему вождю! Край этотъ нынѣ
Нашъ онъ вполнѣ; Кавказъ раздавленъ подъ пятой
Богатыря, а кровь всѣхъ жертвъ намъ дорогихъ
Отомщена теперь и въ счастье для живыхъ!

745.

Тутъ вѣчные огни на берегу пылаютъ [367]
И Гебры мысль свою сошлись боготворить
Въ огнѣ таинственномъ, въ которомъ почитаютъ
Они начало то, чѣмъ міръ дано живить;
О! пусть ихъ вѣруютъ. Когда они склоняютъ
Чело передъ огнемъ пылающимъ, молить
Ихъ сердце взносится Тебя, огонь живой
Небесной истинны, Духъ вѣчный и благой!

746.

Изчезъ Сальянъ въ волнахъ [368], а вдалекѣ предъ нами
Чуть видимой чертой песчаный берегъ всталъ
И вскорѣ — синими, знакомыми водами,
На встрѣчу со Святой Руси явился валъ!
Сторукій богатырь, забросанный песками,
Усталый отъ трудовъ, лежитъ тутъ и скончалъ
Свой дальній путь....Привѣтъ тебѣ, о нашъ родной
Кормилецъ, Волга! Вновь, мы свидились съ тобой!

747.

Отъ Твери ты чрезъ всю Святую Русь прох одишь
И каждою волной народу хлѣбъ даешь,
Благословленія на вольный путь низводишь
И жилой становой отечества течёшь,
Привѣтъ тебѣ, всегда прекрасная! Заходишь
Ли в бурю вóлнами-горами, иль стаёшь
Зеркальной гладью въ часъ покоя и съ тобо й
Князь-мѣсяцъ шепчется, сребря тебя собой!

748.

А вотъ и Астрахань всплываетъ передъ нами! [369]
Ея старинный Кремль съ соборомъ возстаётъ,
Привѣтъ мой и тебѣ! Съ младенческими днями
Въ воспоминаніяхъ связуема....Не тотъ
Увы я, что тогда баюкался волнами
Родимой Волги, жизнь сломила....Не идётъ
Рѣка назадъ! Такъ дней теченье намъ златыхъ
Лѣтъ юности отдать не можетъ трисвятыхъ!

749.

Пойдемъ, въ соборъ и тамъ помолимся смиренно,
Гдѣ нѣкогда купель крещенья приняла
Меня: «О Ты—что здѣсь далъ жизнь мнѣ въ дрогацѣнный
Залогъ труда за край родимый; чья вела
Рука меня въ путяхъ тернистыхъ, чтобъ священный
Долгъ могъ я выполнить; кто нѣкогда отъ зла
Къ добру привёлъ меня, чтобъ могъ уразумѣть
Свое призваніе и Русь мою воспѣть! [370]

750.

«Да будетъ эта пѣснь — животворящимъ словомъ
Народу русскому, завѣтомъ прежнихъ славъ
И доблестей его — всегда, что стихъ, готовымъ
Согрѣть мысль любящу отчизну! Да возставъ
Въ нерукотворную и крѣпкую основу
Чувствъ русскихъ — мысль моя свершаетъ величавъ
Путь свой въ грядущемъ, и что дальше, то собой
Напоминать меня встаетъ странѣ родной!

751.

«Да въ пѣснѣ сей — не лесть, не мысль хитросплетенна,
А правда честная и сильная даётъ
Жизнь чувству, коему должно же быть священно
Всё русское: алтарь, держава и народъ!
Прими Святая Русь—сей помыслъ вдохновенный,
Какъ лучшее звѣно съ народностью; какъ плодъ
Молитвы за страну, которой сей живой
Я «Памятникъ» воздвигъ, всѣмъ сердцемъ и душей!»

КНИГА ШЕСТАЯ.

752.

О Ты! Котораго мы силимся мысля́ми
Постичь, изобразить, на бѣдный нашъ языкъ
Перевести, обнять и слиться съ нимъ сердцами,
О Духъ единый, жизнь вселенной! Каждый мигъ
Тобой намъ данныхъ дней, ущедренный дарами
Твоими, онъ Тебѣ! Онъ чувствомъ пріобыкъ
Тебя́ Отецъ міровъ, въ дарахъ Твоихъ слѣдить
И теплыя мольбы за нихъ къ Тебѣ взносить!

753.

Ты человѣчество, по благости безгранной,
Конечно не винишь—когда оно въ символъ
Облекши мысль свою, стремить къ Тебѣ желанный
Надежду, вздохъ, слезу, молитву и глаголъ!
Изъ края въ край небесъ—для всѣхъ Ты цѣль избранна,
Ихъ думъ.... Блаженъ же тотъ, кто здѣсь Тебя нашелъ
Путемъ Евангельскимъ; но не отверженъ тотъ,
Кто сердцемъ чистымъ мысль о Богѣ создаётъ!

754.

Пройдёмъ чрезъ Рынь-Пески [371]. Какое впечатлѣнье
На душу путника, ихъ производитъ видъ!
Здѣсь безконечнаго святое проявленье
Своей безгранностью всю душу шевелитъ,
Степь жаркая давно почила, въ протяженьи
Небесъ ни облачка, лишь звѣздочка блеститъ,
Какъ одинокаго страдальца надъ тобой
Взоръ.... ты стоишь теперь предъ Богомъ и собой!

755.

Степь, море, небо—вотъ три грозные символа
Бездонной вѣчности! Вотъ гдѣ намъ говоритъ
Господь, всегда Своимъ живительнымъ глаголомъ,
Который нашу мысль и чувства шевелитъ!
Какъ счастливъ, кто умѣлъ предъ Вѣчнаго престоломъ
Дань сердца возносить! Кому всегда открытъ
Великой книги сей смыслъ тайный, но живой,
Кто можетъ прочитать цѣль жизни въ ней земной!

756.

Тутъ кости верблюдовъ разбросаны бѣлѣютъ,
Кибитка Калмыка у озера стоитъ
И длинный караванъ въ дали степной виднѣетъ,
А стая журавлей на теплый югъ летитъ;
Какая духота! Орелъ высоко рѣетъ
Надъ нами и Уралъ раскинувшись струитъ
Волну лѣнивую среди своихъ песковъ,
Да Гурьевъ-городокъ возсталъ у береговъ.

757.

А тамъ, за Гурьевымъ—Киргизская степь вольно
Простерлась будто бы зеленый оазисъ
И небо съ зеленью весеннею привольно,
Тѣнями нѣжными въ окраинѣ, слились;
То дикихъ лошадей табунъ самодовольно
По вѣтру размѣтавъ хвосты летитъ, зажглись
То огоньки кой гдѣ въ аулахъ.... и потомъ
Уснуло сладко всё подъ мѣсяца лучёмъ!

758.

Иль въ челнокѣ своемъ припавши, закидаетъ
Казакъ Уральскій сѣть, а теплая волна
Легонько, будто мать, челнокъ его качаетъ;
Вблизи станица спитъ къ рѣкѣ наклонена
И церковь древняя крестомъ симъ осѣняетъ
Рѣку. А вотъ Уральскъ богатый, не одна
Страница коего припомнитъ роковой
Годъ Пугачевщины надъ этою страной! [372]

759.

Миръ тѣмъ—которые тогда запечатлѣли
Своею кровью и мученьями, въ тѣ дни,
Исконню вѣрность! Долгъ исполнить свой умѣли,
Какъ честный гражданинъ всецѣло вѣдь они!
Когда мятежныя толпы вкругъ нихъ ревѣли
Съ неистовствомъ: «Царю и царству измѣни!»
Какъ древній Римлянинъ, бросали имъ въ отвѣтъ
Достойные сыны Россіи твердо: нѣтъ!

760.

Нѣтъ! Не изъ мятежей могла Россія волю
Извлечь тогда и днесь возможетъ извлекать;
Разумнаго добра совсѣмъ иная доля,
Не ножъ и головня его намъ могутъ дать!
Да будетъ-жъ стыдно тѣмъ, которые мирволя
Инстинктамъ и страстямъ преступнымъ, лишь молчать
Умѣютъ въ наши дни, иль льстиво предъ толпой
Заблудшейся—въ позоръ склоняться головой!

761.

Да будетъ имъ въ урокъ та Франція, съ которой
Они берутъ себѣ примѣръ въ столь многомъ! Дать
Что революціи могли ей? Два позора
Нашествія враговъ, бичъ деспотизма жать
Всевластный всё и всѣхъ, да грозные укоры
Свободы, коей щитъ умѣли потерять
Они среди своихъ гражданскихъ смутъ! Ужель
И для Россіи есть безславна эта цѣль?

762

Кто нашу молодежь впрямь любитъ, ей желая
Добра—тотъ въ этотъ мигъ, когда она съ слѣпымъ
Стремленіемъ бѣжитъ..... куда? сама не зная
Сего, не будетъ льстить мечтамъ ея пустымъ!
Не стыдно ль намъ—когда предъ очью погибая,
Она всѣмъ жертвуетъ..... молчать и смѣло имъ
Не указать на ложь пути, на коимъ есть:
Лишь гибель—не успѣхъ, безславье—а не честь!

763.

Пройдемъ черезъ Узень къ Саратову, который
На Волгѣ житница Россіи, и теперь,
Что годъ, то всё быстрѣй предъ восхищеннымъ взоромъ
Трудъ развиваетъ свой. Здѣсь—истинная дверь
Для быта новаго, хозяйственны опоры
Грядущаго для насъ! На симъ лишь мы, повѣрь
Людъ сельскій, можемъ всё чѣмъ дальше развивать,
Осмыслить жизнь ихъ и разумно просвѣщать.

764.

Здѣсь — да въ Самарѣ сей, богатой и торговой,
Гдѣ пристань шумная всегда трудомъ кипитъ:
Неисчерпаемый залогъ богатствъ, готовый
Озолотить! Взгляни — на колонистовъ бытъ,
На выходцевъ изъ той Германіи, гдѣ слово
Науки, сельское хозяйство всё живитъ —
Вотъ вамъ, помѣщики! примѣръ вполнѣ благой,
Прививка коего — кладъ чисто-золотой!

765.

У колонистовъ здѣсь, всѣ тѣ жъ условья быта:
Земля, вода и даже воздухъ. Отчего жъ
Лѣнь русская, въ свою апатію забита
Какъ въ нору, не стряхнетъ сна? Вѣрно отъ того,
Что тутъ нужна землѣ достаточно развита
И умственность; что лучъ науки изъ всего
Здѣсь извлекаетъ свѣтъ; что однимъ словомъ — тутъ
Союзъ труда съ умомъ всегда во всёмъ найдутъ!

766.

А мы кричимъ: «что насъ до корня раззорили,
Что вольный трудъ тяжёлъ и непривыченъ намъ!»
Какъ быть! Теперь — когда съ холопствомъ порѣшили,
Пора жъ намъ поумнѣй сидѣть по деревнямъ!
Побарствовали мы довольно, потравили
Лисицъ и русаковъ достаточно, правамъ
Своимъ достаточный давали мы просторъ.....
Пора и отвратить отъ прежнихъ оргій взоръ!

767.

Пора дворянству встать въ «передовые люди»
Народа и вести его не на словахъ,
А духомъ вольности свои разширивъ груди
И свѣточью наукъ всё разсвѣтивъ въ умахъ,
Быть всѣмъ сословіямъ примѣромъ! Вѣкъ насъ нудитъ,
Опережаютъ насъ идеи на путяхъ
Прогреса..... горе тѣмъ, кто хочетъ отставать
И грозъ не думаетъ грядущихъ отвращать!

768.

А вотъ Симбирскъ вдали, надъ Волгою картинной,
Изъ пепла возстаетъ..... Здѣсь — страшный вамъ урокъ!
Очнитесь!.... Неужель допустите изъ тины
Вы всплыть страстямъ? Ужель завиденъ вамъ тотъ рокъ,
Который Францію вёлъ къ гибели? Руины
Сихъ сбгорѣлыхъ массъ церквей, домовъ — пророкъ
Онѣ, безумцы! вамъ, коль ставите вы жизнь
Лишь въ блескѣ, роскоши и чванствѣ.... Устрашись

769.

И помни всѣ тебѣ ужъ видимы примѣры:
Окраинъ Западныхъ и Польши мятежи,
Пожары грозные, измѣны, казни... Мѣры,
Аль ты не понялъ симъ событіямъ, скажи?
Аль думаешь — что всё вѣдь это эфемерно,
Пройдетъ и сгладится.... Нѣтъ! полно! Подвяжи
Покрѣпче чресла какъ Израильскій народъ,
Ибо духъ зла въ борьбу съ тобою возстаётъ!

770.

Во всеоружіи крамолы заговоровъ,
Работъ подземныхъ тѣхъ — которыя ведутъ
Вѣрнѣе къ гибели чѣмъ бунтъ открытый.... Взоры
И грудь, и руку, всё — готовь же.... гибель тутъ!
Возстань за свой народъ, сними съ себя укоры
Бездѣйствія! Лишь тѣ теперь себя спасутъ,
Кто жизни нынѣшней призваніе понять
Умѣетъ и народъ свой зорко охранять!

771.

Злы люди.... но мила природа, украшаетъ
Она развалины Симбирска всё собой,
Какъ это было встарь, и чудны открываетъ
Съ горы картины намъ за Волгою родной!
Какъ сладостно — когда взоръ вмѣстѣ обнимаетъ:
Рѣку, луга̀ за ней, сей островокъ лѣсной,
Да деревушки, что съ ихъ церковькой пришли
Усѣсться у рѣки, да тёмный лѣсъ вдали!

772.

И когда это всё, полуночной порою,
Подернется луны таинственнымъ лучёмъ,
Да Волга матовой сверкаетъ бѣлизною;
Рыбачьи огоньки на берегу́ рѣчномъ
Мелькаютъ; а въ садахъ, сокрытый зелено̀ю
Чащею яблони, въ безмолвіи ночномъ,
Затрелитъ соловей другъ этой тишины —
Чтобъ вызывать твои, давно-былаго сны!

773.

А эта ночь, цвѣтовъ, садовъ блаугоуханья
И свѣжесть сквозь окно пахнувшая, и сонъ
Рѣки да го́рода, и пѣснь какъ бы стѣнанья
Души съ чащѣ лѣсной, и отдаленный звонъ
Часовъ — въ сихъ колокола протяжныхъ замираньяхъ
Напоминающій часъ смерти, приближёнъ
Всё, что ударъ въ сію мѣдь.... наконецъ мыслѐй
Напоръ, какъ волнъ морскихъ на ска̀лы, всё сильнѣй....

774.

О! никогда въ своихъ суетныхъ треволненьяхъ
Не можетъ дать намъ міръ такихъ святыхъ часовъ,
Такого сильнаго и трезваго мышленья,
Такъ сбросить тяжесть съ насъ своихъ земныхъ оковъ!
О! никогда Господь такимъ преображеньемъ
Не посѣтитъ нашъ духъ и даже самыхъ сновъ
Осуществить не дастъ — какъ въ мигъ великій сей,
Когда возносишься ты всей душой своей!

775.

Вспомянемъ здѣсь того, кого она вспоила
Мать-Волга наша; кто въ Россіи не забылъ
Призванья своего, того, зачѣмъ вскормила
Она его, и жизнь ей славно посвятилъ;
Здѣсь — въ бронзѣ оживлёнъ онъ этой, образъ милый [373]
И родственный для всѣхъ, кто въ немъ душевно чтилъ
Не только зоркаго Историка, а духъ
Гражданской доблести, умѣвшій «мыслить въ слухъ!»

776.

«Миръ» Каразминъ тебѣ, о гражданинъ великій,
Какъ въ Невской Лаврѣ мы уже сказали «миръ!»
Въ бытописаніи, Россіи полудикой
Изобразилъ ты жизнь впрямь честно! Ни порфиръ
Не ослѣпилъ тебя блескъ, ни пристрастны клики
Толпы не увлекли. И не одинъ кумиръ
Тобою былъ разбитъ. Тацитовымъ рѣзцомъ
И мыслью ты не разъ клеймилъ ихъ какъ клеймомъ!

777.

Вотъ Пенза и Тамбовъ, гдѣ почвы черноземной
Кладъ и хозяйству есть всѣ данныя, чтобъ быть
Разумно ведену; гдѣ рѣки, лугъ поёмный,
Лѣса̀ — всё можетъ намъ доходъ усотерить!
И здѣсь мы, какъ въ степяхъ Саратовскихъ, наёмный
Трудъ выдвинувъ впередъ съ наукой — можемъ жить
Не хуже Англіи съ Германіей.....ума
Лишь нуженъ намъ запасъ, сознайтесь-ка, эхъ-ма!

778.

И такъ — досугъ ли намъ, скажите, покидая
Поля́ родныя, кровъ домашній, обивать
Поро́ги Франціи, Италіи — зѣвая
На всѣ тамъ чудеса? Досугъ ли забывать
Хозяйство и народъ, всему предпочитая
Парижъ, Берлинъ, Туринъ? Досугъ ли извергать
Себя изъ общества на родинѣ, когда
Всѣ силы нужны намъ.....теперь иль никогда?

779.

Позоръ на тѣхъ — кто такъ упалъ уже душою,
Что разъ махнувъ рукой на всё, совсѣмъ ужъ сталъ
Космополитомъ и отечества судьбою
На грошъ не дорожитъ! Позоръ на тѣхъ — кто далъ
Себѣ «плевать въ глаза» по праву!....Роковою
Застигнутый грозой; что жъ будетъ съ нимъ, коль здалъ
Онъ «имя русскаго» и «русску честь» въ архивъ,
Такъ очерствѣвъ душой и такъ себялюбивъ?

780.

Въ Задонскѣ, преклонись предъ этими мощами
Святаго Тихона, заступника страны;
Опять виднѣетъ Донъ съ обширными лугами
Его, гдѣ пажитей богатство внѣ цѣны:
Воронежъ надъ рѣкой Воронежей, слѣдами
Петра Великаго намъ памятенъ....Какъ сны,
На этомъ островкѣ, дни дивнаго встаютъ
И всѣ труды его, всѣ замыслы даютъ [374]

781.

Намъ оцѣнить вполнѣ! Здѣсь ясно видны цѣли
Его, влекущія прозорливый сей умъ
Къ морямъ на двухъ концахъ Россіи! Здѣсь-то зрѣли
Весенніе плоды его отважныхъ думъ!
Сей садъ и домикъ въ немъ, верфь эта — колыбели
Морскаго нашего могущества; а шумъ
Волнъ сихъ двухъ рѣкъ досель твердитъ намъ о дѣлахъ
Петра Великаго, столь памятныхъ въ вѣкахъ!

782.

Въ соборѣ этомъ — что такою благостыней
Въ дни наши озарёнъ, тотъ богомолецъ спитъ
Петра Великаго, что нынѣ здѣсь святыней
Чудесъ своихъ странѣ ходатаемъ стоитъ
Предъ Господомъ щедротъ; Святитель, что пустыней
Умѣлъ содѣлать міръ душѣ своей! Хранитъ
Епископъ Митрофанъ сей древній градъ собой,
Пріявъ отъ Господа вѣнецъ за путь земной! [375]

783.

Какъ Бахтинъ для Орла, такъ здѣсь Чертковъ намъ рвенья
Оставилъ своего примѣръ и завѣщалъ
Въ Кадетскомъ корпусѣ нетлѣнну память, мнѣнье
Высокое о томъ, кто жизни понималъ
Значенье истинно! Не роскошь изъ имѣнья —
Мужъ чести и добра, не алчность, извлекалъ;
Но въ даль прозорливо глядѣлъ за свой народъ
И родина ему хвалою воздаётъ!

784.

А за Воронежемъ, Курскъ — тоже богомолья [376]
Цѣль въ этой Коренной пустынѣ, гдѣ стоитъ
Икона Знаменья и ярмарки раздолье
Бываетъ каждый годъ. Какъ весело кипитъ
Вокругъ обители тогда народъ, въ привольи
Дня лѣтняго, волной нарядною пестритъ
Окрестности! Вездѣ шумъ, говоръ распашнóй
Народныхъ праздниковъ, столь русскимъ дорогòй!

785.

Вотъ здѣсь-то понимать простой народъ намъ надо,
Всё добродушіе, всю искренность его,
Нехитрой вѣры глубь, которая отрада
Ему въ быту̀ его тяжеломъ! Своего
Тутъ не примѣнишь ты заморскаго, ко складу
Понятій сихъ простыхъ — доколь изъ твоего
Ума не изойдетъ лучъ теплый и живой,
Сочувственъ имъ вполнѣ и родственъ съ ихъ душой!

785.

Намъ говорятъ: «народъ грубъ, дикъ и необтёсанъ»,
А кто же виноватъ, коль мы его досель
Держали всё въ потьмахъ? Коль былъ у насъ забросанъ
Онъ, путами во всѣхъ своихъ движеньяхъ? Цѣль
Коль отдалили мы развитья и набросанъ
Контуръ лишь былъ его? Когда и колыбель
Бояръ была у насъ всегда окружена
Понятій дикихъ тьмой, вся жизнь извращена?

787.

Пройдемъ Орелъ, какъ Курскъ не золотомъ могучій,
А хлѣбомъ — что вѣрнѣй! Но вотъ и поле битвъ
Великое! Гдѣ намъ какъ радугой изъ тучи
Явился нашъ Донской, подъ звукъ родныхъ молитвъ!
Вотъ и Непрядва въ Донъ вливается кипучій,
А у сліянья рѣкъ — поля́ златѣютъ жнитвъ
Богатствомъ! Вотъ село Рождественское, тамъ
За этой древнею дубравой, видно намъ! [377]

788.

А мѣстность ничего съ тѣхъ поръ не измѣнила
И даже ветхій дубъ, подъ коимъ отдыхалъ
Онъ — всё еще стоитъ, какъ будто бы почило
Благословенье тамъ, гдѣ кровь онъ проливалъ!
Придемъ Димитрію сказать здѣсь «миръ», гдѣ были
Такъ великі́ труды державнаго, гдѣ всталъ
На иго первый онъ и мощною рукой
Завѣсу разодралъ, подъ коей міръ иной!

789.

Какъ живо всё вокругъ! Вотъ Смолка [378] — что журчала
Имъ тоже въ славный день той битвы вѣковой
И тоже ихъ тогда усталыхъ напояла
Своею свѣжею и чистою струей!
Вотъ и дубрава, гдѣ засада выжидала
Минуты натиска и съ пылкою душой
Владиміръ Храбрый ждалъ, чтобъ битвѣ оборотъ
Придти дать новый и спасти собой народъ! [379]

790.

Такъ — всё, что видишь ты, освящено вѣками
И всё молитвами звучитъ досель борьцамъ
8 Сентября, возставшимъ здѣсь съ врагами
Помѣриться....доколь Богъ нѐ далъ силы намъ!
Здѣсь — первый шагъ къ тому значенью, что предъ нами
Теперь такъ развило́сь гигантски; а ордамъ
Завоевателей здѣсь первый былъ урокъ
Того — что за народъ возстанетъ скоро Богъ!

791.

«Миръ!» славному вождю и тѣмъ — что здѣсь вѣнчались
Своею кровію Ослябъ и Пересвѣтъ,
Князья и Витязи — всѣмъ, кои здѣсь встрѣчались
Лицомъ къ лицу съ врагомъ и дали новый свѣтъ!
Владиміръ «Храбрый», какъ тебя тогда назвàли
Соотичи, тебѣ «миръ!» тоже, въ дни побѣдъ
Онъ брату былъ рукой и грудью! «Миръ» святой
За этотъ подвигъ всѣмъ, въ той битвѣ вѣковой!

792.

Теперь здѣсь «Памятникъ» на этомъ полѣ брани
Возсталъ, да помнятъ всѣ какъ дорогà намъ кровь
Погибшихъ за страну и вѣру, да мечтаньемъ
Всё воскрешаетъ ихъ народная любовь;
Свободу, будущность, единство, обладанье
Полміромъ — всё это, что нынѣ на готовь
Встрѣчаетъ Русь во дни развитія.....душой
Рвались они тогда дать, съ волей золотой!

793.

«Миръ!» славному вождю, въ день этотъ вѣчной славы,
Святому Сергію молитва! Онъ воздвигъ
Ихъ за Святую Русь и помыслъ величавый
Внушилъ, изъ кельи имъ готовилъ этотъ мигъ.
«Миръ!» Озерову, ихъ пѣвцу, здѣсь тожъ по праву
Сказать должнò; онъ духъ великій ихъ постигъ
И въ роковые дни нашествія другой
Орды воспламенялъ народъ великій свой [380].

794.

А ты — котораго Богъ далъ намъ въ день священный
8 Сентября, въ предзнаменье чудесъ
Твоихъ грядущихъ дней и въ чаяньи безцѣнной
Надежды крестъ взнести въ Византіи.....очесъ
Россіи красота младая, драгоцѣнный
Залогъ развитія отечества, съ небесъ
Намъ Богомъ посланный въ сей день Архистратигъ,
Чей жребій на землѣ готовился великъ.....

795.

Увы! Его ужъ нѣтъ.....Давно ль еще Россія
Видала юнаго державнаго птенца
Орлинаго, среди народа и живыя
Привѣтствовала въ нёмъ начатки, всѣ въ Отца,
Уже душой его прекрасной развитыя?
Давно ль обозрѣвалъ онъ Русь свою съ конца
Въ конецъ, отъ Балтики до Каспія, къ судьбѣ
Готовясь славной той? Давно ль?....И «се — не бе!»

796.

Молитесь же за духъ, который такъ нежданно
Воззвалъ Господь къ себѣ; за сердце, доброта
Котораго была такъ явна! Всё желанно
Для насъ, въ Царѣ, имѣлъ въ задаткахъ онъ. Свята
Да будетъ память намъ его всегда! Вѣнчанна
Да будетъ тѣнь его, вся миръ и чистота
Земная въ краткій вѣкъ — тѣмъ ореоломъ, въ чёмъ
Награда лучшая Царямъ въ пути мірскомъ!

797.

Но мы надѣемся — что духъ его прекрасный,
Весь перешёлъ въ того, кто близъ престола сталъ
Теперь Наслѣдникомъ Отца и въ часъ опасный
Какъ Невскій явитъ намъ стратига идеалъ!
Что мечъ въ его рукѣ, Византіи несчастной
Цѣпь разобьётъ и что — коль много Богъ отъялъ
Внезапно такъ у насъ, за то и много въ нёмъ
Залоговъ далъ теперь! Мы вѣруемъ и ждёмъ.....

798.

Нашъ русскій Бирмингамъ, въ сей Тулѣ. Надъ Упою,
Кремль древній и соборъ съ злаченою главой;
Громада фабрикъ, съ ихъ щетиною стальною
Оружья, вдалекѣ виднѣетъ за рѣкой;
Свободные теперь работники, рукою
Уже свободною — Туляне, золотой
Свой промыселъ взялись вольнѣе развивать,
А могутъ въ будущемъ и Англію догнать.

799.

Пусть только помнятъ — что не красотой издѣлья
Въ одной лишь внѣшности, а прочностью (въ чемъ есть
Всегда авторитетъ) достигнуть можно цѣли
И что лишь въ этомъ впрямь для фабриканта честь!
Нашъ «хазовый конецъ», въ которомъ загрубѣли
Всѣ наши торгаши (хотя постыдна лесть
Товаръ нашъ хвàлитъ), онъ достаточно собой
Стыда надѣлалъ намъ! Пора на путь иной!

800.

Пусть будетъ дорого, да по присловью мило!
Что прокуватомъ—скажи! Чтобъ въ скачь, хоть бы на мигъ?
Не даромъ говорятъ: «что дешево, то гнило!»
Въ обманѣ вѣдь барышъ не очень-то великъ!
Хотите ль знать, за чѣмъ насъ Англія стѣснила
Въ торговлѣ? Оттого, что каждый тамъ привыкъ
Трудиться честно и разумно....Дорогóй
Кладъ—совѣсть! Возвратитъ расходы всѣ, съ лихвóй!

801.

Вотъ древняя Рязань, гдѣ нѣкогда Татары
Оставили слѣды нашествія такой
Ужасной памятью убійства да пожара
И уровнемъ прошли потопа надъ страной!
Громада тёмная собора, нынѣ дара
Лишь одного вѣковъ минувшихъ—въ часъ ночной
Виднѣетъ....Тяжкій сводъ тогда печально спитъ,
А мысль недремлюща въ умѣ твоемъ кипитъ!

802.

Преклонимся предъ сей Ѳедотьевской иконой [382],
Предъ коей столько слезъ въ дни бѣдствія лилось
И свыкшейся давно съ скорбящихъ тяжкимъ стономъ!
Какъ всё прошедшее, въ душѣ отозвалось!
Здѣсь бѣдные князья Рязанскіе, съ ихъ трономъ
Столь шаткимъ, съ кровью ихъ, которой пролилось
Вѣдь столько подъ врага и сродниковъ рукой,
Да князь Олегъ—позоръ своей страны родной,

803.

Всѣ — возстаютъ они для памяти! Касимовъ
Старинный миновавъ, столь памятенъ ордой
И призракомъ «царя» ея при Грозномъ (зримый
Останокъ прошлаго могущества, судьбой
Развѣяннаго и въ послѣдствіи крушима
Россіи вспрянувшей, желѣзною рукой) [383],
Вотъ и Владиміръ нашъ на Клязьмѣ предстоитъ
Градъ Боголюбскаго, и древность оживитъ.

804.

Пойдемъ, поклонимся съ сердечнымъ умиленьемъ
Костямъ убитаго Георгія — впервой
Познавшаго и плѣнъ, и всё уничиженье
Несчастной Ру́си въ день той Сити роковой!
«Миръ» имъ! Они тогда, въ семъ первомъ пораженьи —
По крайней мѣрѣ смерть сыскали, золотой
Вѣнецъ страданія за родину нашли
И съ честью на̀ полѣ, какъ русскіе легли!

805.

А стѣны ветхія и сей соборъ священный [384]
Свидѣтель столькаго, и сей останокъ «Вратъ
Златыхъ» Византіи наслѣдье драгоцѣнно,
Гдѣ камни будто бы о прошломъ говорятъ —
Тутъ всё Святая Русь! Здѣсь каждая нетлѣнна
Дска образа, мощей святыня, каждый градъ
(Что въ полѣ, будто бы смоковница стоитъ
Писанья) милы намъ, всё сердце шевелитъ!

806.

Спасо-Евфимьевска обитель дорогая
Для сердца русскаго, гдѣ Князь Пожарскій спитъ [385],
Окончивъ славный путь, и гдѣ ему Святая
Русь «Памятникъ» теперь воздвигла — предстоитъ
Въ симъ древнимъ Суздалѣ, который родовая
Былъ отчина князей Владимірскихъ. Здѣсь бытъ
Россіи въ первый разъ, опослѣ роковой
Татарщины, вздохнулъ свободнѣе душой.

807.

Войдемъ же въ сей соборъ обители старинной,
Чтобъ передъ прахомъ симъ священнымъ помолясь
Стратига — предъ очьми развить тотъ свитокъ длинный
Бѣдъ, отъ которыхъ онъ избавилъ Русь! Склонясь
Надъ мавзолеемъ симъ изящнымъ и картиннымъ,
Достойнымъ добляго, и сердцемъ умилясь
Воскликнемъ «миръ!» ему за каждый день земной,
За трудъ кровавый, жизнь отмѣчену судьбой!

808.

Да! посылаетъ Богъ такихъ людей великихъ
И безкорыстныхъ, чтобъ духъ ими поддержать;
Когда въ вѣкъ низости, продажности и кликовъ
Измѣны — всё это насъ можетъ ослаблять!
Чистъ сердцемъ, чувствами любви обиленъ, дикій
Напоръ страстей поправъ — дано имъ поднимать
Народы и вести какъ Нàвинъ въ міръ иной,
Гдѣ ждутъ насъ послѣ бурь—миръ, счастье, вѣкъ златой!

809.

Такъ совершилъ и онъ великое призванье
Свое и статую за подвигъ заслужилъ
Передъ Кремлемъ, что спасъ мечемъ отъ поруганья
Поляковъ....Вспомнимъ же однако, что онъ былъ
Гонимъ въ послѣдствіи; что низкія терзанья
Интригъ и клеветы презрѣнной выносилъ;
Но это вѣдь удѣлъ величія! Въ какой
Странѣ за геній ты гонимъ вѣдь не былъ свой?

810.

И извлечемъ себѣ еще мы здѣсь уроки
У гроба этого....Отъ Польши отстоялъ
Онъ грудью Русь свою, отбросивши далёко
Врага исконнаго — и намъ свой завѣщалъ
Мечъ съ духомъ истинно-гражданскимъ и высокимъ,
Съ прозорливостью той, съ какою проницалъ
Онъ въ нашу будущность....А намъ ли нашихъ дней
Событья не даютъ прозрѣть теперь ей ей?

811.

Вокругъ Владиміра — что шагъ, воспоминанья!
Переяславль съ его зеркальнымъ озеркомъ,
Гдѣ «Памятникъ» Петру Великому, призванье
Котораго — вездѣ жить сердцемъ и умомъ!
Тутъ подвергалъ себя впервые испытанью
Въ морскомъ искусствѣ онъ, шагнувъ отсель потомъ
На волны Балтики, чтобъ Шведовъ побѣждать
И путь наслѣдникамъ на мо̀рѣ указать!

811.

Вотъ Шуя, городокъ фабричности, богатый,
Трудолюбивый край — себя онъ разовьётъ;
Да Вязники, отколь торговецъ бородатый
Съ коробкой и божбой въ даль русскую бредётъ;
По истиннѣ желать намъ надо, чтобъ рогатый
Ихъ складъ ума — теперь являющій лишь сбродъ
Понятій дикихъ и пороковъ съ жалкой тьмой
Невѣжества, изчезъ предъ нынѣшней зарёй....

813.

Чтобъ не торгашество исполнено обмана,
Въ подрывъ купечеству цвѣтуще; не станокъ
Фабричный, истинна разврата вѣчна рана,
Съ которой къ кабаку путь близокъ и легокъ;
Чтобы не жалкій лоскъ теперь народу данный,
Цивилизаціи мужицкой пестрый клокъ,
На населенія здѣсь дѣйствовали той
Распущенностью ихъ, что видимъ предъ собой!

814.

Но чтобъ съ фабричностью, коли она привѝта
И съ ихъ коробочной торговлей, жизнь начàлъ
Впрямь русскихъ не была насильственно убита,
А что бъ духъ вѣры ихъ съ порядкомъ наставлялъ!
На что жъ промышленность, когда съ ней неразвѝта
И честность о́бъ руку? Когда, что шагъ, скоплялъ
Богатство онъ свое обманомъ да божбой
И надувательствомъ широкимъ день-деньской?

815.

Римъ былъ силёнъ сохой, доколѣ благородны
Патриціи поля́ цѣнили выше благъ
Тѣльца златаго; ихъ влеченія свободны,
Давали стойкость имъ и ни почёмъ былъ врагъ;
Когда жъ духъ роскоши и нѣги всѣ народны
Начáла подточилъ — буйнъ, голоденъ и нагъ
Явился сей народъ: а деспотизмъ толпой
Взнесённый, всё согнулъ желѣзною рукой!

816.

Не въ чванномъ мотовствѣ, не въ роковомъ блистаньи,
Не въ алчбѣ почестей, не въ внѣшности чиновъ,
Найдете вы себѣ «гранитно основанье»,
Безъ коего теперь дворянство жиже сновъ....
Не въ прошломъ правѣ вамъ грядущее призванье,
Нѣтъ! Возлюби народъ всѣмъ сердцемъ, будь готовъ
Жизнь посвятить ему, трудиться съ нимъ за миръ
И правду; безъ сего жъ, ты....глиняный кумиръ!

817.

Всѣ эти «жизненны вопросы», поднимаютъ
Которые теперь реформы, что въ расплохъ
Застигли насъ — они тебя вѣдь ожидаютъ
О русскій дворянинъ! Умомъ и чувствомъ могъ
Ты бъ дать имъ прочное развитіе, сзываютъ
Они сыновъ твоихъ, которыхъ щедро Богъ
Съ рожденья одарилъ и указалъ имъ путь....
Ужель довѣріе ты можешь обмануть?

818.

Судъ честный, земское хозяйство, управленье
Полиціей — вездѣ ты долженъ предстоять
Въ челѣ сословій и духъ разума, общенья
Любвеобильнаго да правды показать!
Лихва ль заѣла насъ? Ты — ей уничтоженье!
Заѣлъ ль насъ произволъ? Ты — долженъ охранять!
Тьма ль на селѣ у насъ, застой ли въ городахъ?
Подвигни, просвѣтли, будь намъ вездѣ въ вождяхъ.....

819.

За то — хвала и честь немногимъ, кто душою
Весь отдался теперь народу, чтобъ свѣтить
Ему въ путяхъ его тяжелыхъ; всѣмъ собою
Пожертвовалъ, чтобы ихъ «бѣдныхъ» просвѣтлить!
Да будетъ честный трудъ сей оцѣнёнъ святою
Оцѣнкою любви народной! Ублажить
Да онъ научитъ васъ, которые могли
Такъ долгъ свой выполнить и твердо къ цѣли шли!

820.

Пройдемъ на Волгу [386]. Тутъ, опять что шагъ, предъ нами
Святая Русь, ея средина, всѣхъ путей
Торговыхъ узелъ и рычагъ ихъ; предъ очами,
Что городъ — то опять всталъ цѣлый міръ тѣней!
Въ симъ Угличѣ, Святый Царевичъ подъ ножами
Убіицъ палъ. Досель — его намъ теремъ, дней
Тѣхъ грозну лѣтопись встаетъ напоминать
И всѣ подробности убійства воскрешать! [387]

821.

Здѣсь кровь закланнаго младенца Годунову
Карой предъ Господомъ дымилась — чтобъ вопить
О мщеніи; доколь подмывъ собой основу
Престола, рушило его, чтобъ вразумить
Потомство! Чтобы дать изъ бурь и смутъ намъ нову
Жизнь, прегрѣшенія народа искупить
И кроткой радугой поставить надъ страной
Домъ, давшій намъ Петра Великаго собой!

822.

А вотъ и Рыбинскъ, гдѣ получше и дѣльнѣе
Всѣхъ розсыпей земли Сибирской — благодать
Торговли истинно народной намъ виднѣетъ
И честнаго труда прекрасная печать.
Здѣсь сердце Руси! Мысль предъ нимъ благоговѣя,
Возноситъ тёплыя молитвы, чтобъ давать
Всегда благоволилъ Богъ жатву намъ, въ святой
Его союзъ съ трудомъ сохи для насъ родной,

823.

И въ чёмъ для насъ всегда его благословенья,
Ручательство за миръ съ порядкомъ, за прямой
Путь въ жизни націи, развитье драгоцѣнно
Всѣхъ свѣжихъ силъ ея! Не безземелья вой
И не пролетаріятъ желательны. Безцѣнны
Не фабрикъ вѣдь для насъ богатства, нѣтъ! А въ той
Кладъ силѣ, что одна всевла̀стна сохранить
Народа нравственность и всё собой живить!

824.

Старинный Ярославль пришолъ сѣсть къ этѣмъ во́лнамъ,
Лицей Демидова тутъ памятью звучитъ [388]
Ему. Здѣсь каждый шагъ сочувственъ, всюду полонъ
Народности, здѣсь Русь исконная сидитъ!
Село ли людное, храмъ божій, утлы челны,
Скользящи по рѣкѣ; иль судно, что бѣжитъ,
Раскинувъ паруса̀: нагорный берегъ сей,
Увѣнчанный лѣсовъ короной, видъ полей,

825.

Аль ранній благовѣстъ съ высокихъ колоколенъ,
Аль пѣсни бурлака надъ спящею рѣкой,
Когда князь – мѣсяцъ всплылъ и сладкой нѣги полонъ
Сидишь ты на кормѣ, а мило предъ тобой
Развертываются картины этѣ въ вольной
Ихъ сельской красотѣ — всё это надъ душой
Такъ властвуетъ! Всё такъ понятно ей — что ты,
Исполненъ радостной, сердечной теплоты,

826.

Воскликнешь: «о я люблю весь міръ, всѣ люди братья
Мнѣ, понимаю я свой вѣкъ и путь земной:
Но прежъ всего приму я въ теплыя объятья
Свою Святую Русь, народъ великій свой!
Отъ колыбельныхъ дней и въ счастьи, и въ несчастьи—
Храмъ дѣдовскій, поля́ родныя, дорого́й
Напѣвъ мнѣ пѣсенъ сихъ, икона родова,
Всё это мнѣ милѣй! Тутъ Русь моя жива!»

827.

Войдёмъ теперь въ соборъ Успенскій, предъ мощами [389]
Святыхъ Князей страны склониться; здѣсь родной
Духъ ихъ блюдетъ свою Святую Русь. Предъ нами,
Что шагъ тутъ, лѣтопись! По истиннѣ живой
Палладіумъ для насъ, завѣщаны вѣками
Святыни этѣ всѣ—въ Россіи предъ тобой,
Встающія вездѣ собой напоминать
Трудъ предковъ и любовь къ отчизнѣ укрѣплять!

828.

Макарьевъ на Унжѣ, издревле тожъ мощами [390]
Сіяетъ какъ прямымъ защитникомъ роднымъ;
А Волга-мать вездѣ являетъ предъ очами
Обители съ крестомъ ихъ издали златымъ,
Сверкающимъ какъ бы маякъ пловцу. Предъ нами
Вотъ древній монастырь Ипатьевскій, съ драгимъ
Воспоминаніемъ событія того,
Что было радугой для вѣка своего! [391]

829.

Здѣсь, въ этой Костромѣ, Господь явилъ впервые
Намъ свою милость въ симъ избраньи послѣ дней
Тяжелыхъ, въ коихъ лишь порывы трисвятые
Народа—Русь спасли средь бури мятежей!
Здѣсь юный Михаилъ, какъ будто золотые
Лучи всходящаго свѣтила—надъ своей
Несчастной родиной впервые заблисталъ,
Отселѣ на престолъ онъ съ вѣрою вступалъ!

830.

Въ сихъ кельяхъ нѣкогда хранило Провидѣнье
Залогъ грядущаго. Проникнемъ въ нихъ и здѣсь
Взнесемъ за этотъ Домъ Романовыхъ моленья
Души впрямь любящей и впрямь народну пѣснь!
Да! Слава тѣмъ, чья мысль въ прозорливомъ стремленьи
Умѣла намъ избратъ Царя, на исту честь
Ихъ родинѣ; кто могъ всѣ распри завершить
Такъ безкорыстно и миръ Руси подарить!

831.

И Михаилу честь! Уврачевалъ онъ раны
Отечества, вѣкъ смутъ собою закрывалъ
И твердою рукой (когда пришолъ желанный,
На царство славное) кормило власти взялъ!
Здѣсь, въ сей обители, отколѣ онъ избранный
Царь шелъ въ свою Москву родную и являлъ
Самоотверженья примѣръ — намъ воздавать
Должно́ ему за жизнь и подвигъ вспоминать!

832.

Припомнимъ тоже, что отсель (до Михаила)
Спаситель Михаилъ другой, за Русь возсталъ
Съ хоругвью націи въ рукѣ народу милой
И здѣсь спасеніе его приготовлялъ.
«Миръ» Князю Скопину! Хотя его забыли
Потомки, но онъ долгъ свой славно исполнялъ,
И если бы не смерть внезапная, то спасъ
Онъ царство-бъ! «Миръ» ему, что жертвой былъ за насъ!

833.

А ты смиренный мужъ, виновникъ нашей славы
И царства русскаго великій гражданинъ,
Сусанинъ! Ты умѣлъ спасти свою державу
И умеръ за Царя какъ Ру́си вѣрный сынъ!
«Миръ» сладкій и тебѣ! Ты здѣсь стойшь по праву,
На этой площади «Сусанинской». Починъ
Ты далъ грядущему, пожертвовавъ собой
За всѣхъ, и Русь тебя почтила мужъ благой! [292]

834.

Да! Его подвигъ былъ достоенъ воздаянья,
Такимъ какъ онъ — нельзя за гробомъ умирать;
Ихъ жизнь — наслѣдіе потомства, ихъ призванье —
И послѣ смерти жить, примѣромъ поучать!
И вотъ пришёлъ онъ здѣсь, мужикъ, въ воспоминанье
Величія души на площади стоять,
Колѣно преклонивъ передъ своимъ Царемъ,
Котораго онъ спасъ по русски — животомъ!

835.

Въ симъ Карачаровѣ надъ свѣтлою Окою [393]
Нашъ Илья-Муромецъ — сей сказочный герой
Легендъ народныхъ — жилъ и родился; собою
Напоминая міръ эпохи древней той,
Которая досель здѣсь слышится, мечтою
Осуществляема что шагъ — когда порой
Плетешься по пескамъ, въ сихъ Муромскихъ лѣсахъ,
Усталый путникъ ты.... Вотъ на семи дубахъ

836.

Разсѣлся «Соловей-разбойникъ» и «избушка
На курьихъ ножкахъ» намъ мерещится, сидитъ
Въ ней «Ега-баба», насъ пугавшая старушка
Во дни младенчества! Сидитъ, да всё ворчитъ,
«Не русскій духъ» она не жалуетъ.... Подружка
Тѣхъ золотыхъ часовъ — когда бывало спитъ
Весь домъ, а подъ шумокъ ея веретена
Течетъ рѣчь плавная (какъ будто бы волна).

837.

Старухи-няни и мы жадно ловимъ эти
Разсказы о сѣдой волшебной старинѣ —
Гдѣ ты? Да гдѣ и мы, довѣрчивыя дѣти?
Всё это вспоминать приходится во снѣ!
А мило вспомнить. Жизнь разбила наши клѣти
Волшебныя! Но всё жъ, міръ сказокъ, въ тишинѣ
Лѣсовъ надвинутыхъ на путь-дорогу — онъ
Встаетъ намъ, въ ореолъ дней дѣтства облечёнъ!

838.

И въ самомъ дѣлѣ, есть для мысли обаянье
Въ сихъ Муромскихъ лѣсахъ. Какая тишина!
Сосна угрюмая склонилась надъ разстаньемъ
У перекрестка двухъ дорогъ, окаймлена
Даль тёмнымъ лѣсомъ, боръ спитъ сладко и молчанье
Лишь колокольчикомъ нарушено, отъ сна
Чтобы отдѣлаться ямщикъ мой молодой
Пѣснь заунывную затянетъ въ мглѣ ночной.

839.

А лошади едва-едва передвигаютъ
Усталы ноги, лѣсъ подъ пѣсню эту спитъ,
Луна украдкою проглянетъ, застилая
Дорогу длинными тѣнями, прозвѣнитъ
Порой колоколецъ сильнѣй и замираетъ....
Но что тогда съ тобой? Что сердцу говоритъ?
Уже ли эта ночь и лѣсъ, да пѣснь, пришли
Съ душой сродниться всѣмъ, что въ прошлаго дали́?

840.

Да — въ этотъ мигъ растутъ со дна души мечтанья,
Знакомы образы прошедшаго встаютъ
И въ задушевныя тебѣ воспоминанья
Сіе прошедшее такъ сладко облекутъ!
Вся жизнь какъ свитокъ вдругъ развитая, страданья,
Утраты присныхъ, міръ борьбы — вдругъ оживутъ
И кажется тебѣ — что вновь переживалъ
Ты прожитое, вновь такимъ какъ прежде сталъ!

841.

Вотъ отчего для насъ понятно то давленье,
Которое на мысль властны́ производить:
Ночь, тёмный лѣсъ, рѣка большая, протяженье
Горъ и степей — всё, гдѣ просторъ есть мысль развить!
Иль безконечнаго святое проявленье
Въ симъ тайномъ голосѣ души? Иль надо быть
Душѣ хотя на мигъ свободной отъ земной
И ветхой храмины.... скажи мнѣ, Боже мой?

842.

Въ старинномъ Муромскомъ соборѣ, поклоненье
Сихъ Муромскихъ Князей мощамъ мы совершимъ [394].
А вотъ и Лысково, гдѣ шумное движенье
На хлѣбной пристани. Весь этотъ край живимъ,
Торговлей хлѣбомъ, здѣсь намъ ясно разумѣнье
Того — о чёмъ досель такъ много мы кричимъ
Безъ толку! Да — кажись давно пришла пора
Хозяйство праотцевъ согнать бы со двора!

843.

Пора бы сельскій трудъ на истинныхъ началахъ
Науки намъ вездѣ въ Россіи водворять;
А то скажите: что за плугъ, что за орало
Впрямь Триптоломово? Ей-ей ни дать, ни взять
Тожъ самое, что намъ Славяне завѣщали
За тысячу годовъ? И если бы начать
Отъ Пскова до границъ Китая свой обзоръ
Хозяйства сельскаго—измучишь просто взоръ!

844.

Нѣтъ спору, Русь сильна̀, расширила предѣлы
Свои такъ какъ и Петръ Великій помышлять
Не смѣлъ.... Но лучъ наукъ, чѣмъ націи всецѣло
Полезны міру — онъ не могъ еще обнять
Народа. Даже то сословіе, что зрѣло
Кажись ужъ было для прогреса — достигать
Куда какъ далекó Европы вѣдь ему
По просвѣщенію и даже по уму!

845.

Реформы безъ «людей», въ прямь благородномъ слóва
Значеніи, плоды не скоро принесутъ;
Вотъ почему должнó дворянству на готовѣ
Быть, честно выполнить всѣмъ предстоящій трудъ.
Въ полиціи, судѣ, собраньи земства, снова
Перероди́ться всѣмъ должнó! Когда вдохнутъ
Въ себя жизнь нову всѣ, съ развитіемъ ума
Да съ свѣточью наукъ — пойдётъ Русь въ даль сама!

846.

Но при сліяніи Оки и Волги, жилы
Впрямь становой у насъ — та ярмарка кипитъ,
Изъ коей каждый годъ всѣ жизненныя силы
Торговля черпаетъ свои здѣсь. Что за видъ
Прекрасный! На горѣ Кремль древній, гдѣ почила
Звѣзда спасенія отечества, лежитъ
Гдѣ Козьма Мининъ — тотъ великій гражданинъ,
Что проявилъ себя какъ лучшій Ру́си сынъ!

847.

Такъ поспѣшимъ сперва въ соборъ Преображенья,
Чтобъ поклониться въ немъ безсмертному въ вѣкахъ,
Вотъ гробъ Спасителя и знамя ополченья
Нижегородскаго пріосѣнило прахъ
Его, среди Князей! Какія впечатлѣнья!
Какъ сладостно тогда создать себѣ въ мечтахъ
Великій образъ сей и жизнь припоминать
Столь полную добра, чтобъ сердце укрѣплять! [395]

848.

Да будетъ сладкій миръ надъ Минина могилой,
Да будетъ миръ его почившимъ здѣсь костямъ!
Онъ пожилъ за страну родную, дикой силѣ
Онъ не далъ угнетать, а всталъ спасеньемъ намъ!
Когда другіе — жизнь продажную влачили
Изъ стана въ станъ враговъ, онъ указалъ сынамъ
Отечества, какъ Русь имъ надобно спасать....
Мясникъ воззвалъ къ князьямъ, могъ долгъ имъ указать!

849.

Взберемся нà стѣны Кремля и сихъ священныхъ
Событій обелискъ почтимъ! Ряды судовъ
У пристани стоя́тъ такъ плотно, что стѣсненныхъ
Водъ ими не видать отъ самыхъ береговъ;
Вездѣ лежатъ тюки товаровъ, взгроможденныхъ
Горами, слышенъ гулъ ста тысячъ голосовъ;
А ярмарочный дворъ съ соборомъ на мысу́
Стои́тъ среди сихъ мачтъ, какъ будто бы въ лѣсу́!

850.

Какая жизнь и что за пестрое движенье!
Однако взглянимте, что первенствуетъ тамъ
Въ громадѣ лавокъ сихъ, лобазовъ; что значенье
Даетъ мильонамъ симъ, жизнь этимъ всѣмъ рублямъ?
Что? Матушка-земля, ея произведенья:
Хлѣбъ, кожи, сало, ленъ, шерсть—всё что нужно намъ
Усовершенствовать, въ чемъ нужно намъ догнать
Европу, чтобъ барышъ изъ почвы извлекать!

851.

Вотъ золотое дно Россіи и прямое
Ей назначеніе, въ которомъ Богъ давать
Пространство съ временемъ всхотѣлъ, чтобы святое
Свое призваніе могла она понять!
Хлѣбъ, скотъ — двѣ жизненны суть силы, вѣковое
Наслѣдіе отцовъ, что должно приращать
Потомкамъ ихъ за тѣмъ, что тутъ лишь впрямь родной
Исходъ для жизни намъ, завѣщанный судьбой!

852.

И безъ того у насъ зава́лены товаромъ
Всѣ рынки! Не пора ль всё это сократить
Въ благоразумные размѣры и не даромъ
Въ убытокъ явный столь себѣ, производить?
Смѣшонъ экономистъ, который съ дикимъ жаромъ
И съ узкимъ взглядомъ, вѣкъ свой думаетъ живить
Фабричностью страну такую, гдѣ живой
Ключъ къ разумѣнью есть въ сей почвѣ золотой!

853.

Лишь тамъ богаты — гдѣ на землю обращаютъ
Вниманье должное и сельскіе труды
Наукой да умомъ чѣмъ дальше развиваютъ,
А не плетутъ какъ мы сохою ерунды!
Лишь тамъ миръ царствуетъ — гдѣ массы обладаютъ
Землей кормилицей и честные плоды
Тотда изъ сей земли возмогутъ извлекать,
Куда пролетаріятъ безсиленъ проникать!

854.

Да будетъ же всегда Святая Русь землёю
Сохи и честнаго разумнаго труда,
Хозяйство сельское да будетъ ей прямою
И лучшей цѣлью дней земныхъ ея всегда!
Да воздержаніе, духъ простоты, собою
Поддержутъ нашъ народъ! Подобнаго плода
Должно лишь намъ искать въ развитіи своёмъ,
Тутъ счастье истинно и миръ мы обрѣтёмъ!

855.

Ниспустимся рѣкой. Нагорны Чебоксары,
Васильсурскъ и Свіяжскъ, гдѣ Святый Германъ спитъ [396]
Мелькнули. Тутъ вездѣ надъ Волгою, Татары
И русскіе живутъ смѣшавшись; позабытъ
Споръ этотъ вѣковой, вражды забыты стары
И ига прежняго невзгоды. Красенъ видъ
Сихъ селъ и деревень, то съ церковью родной,
То съ минаретомъ и серебряной луной;

856.

Какъ полнъ поэзіи путь зимнею порою
По скованой рѣкѣ! Вотъ мѣсяцъ надо мной
Снѣга̀ посеребрять всплываетъ, а грозою
Лѣсистыхъ скалъ вездѣ всталъ берегъ какъ стѣной;
На самой крутизнѣ село подъ пѣленою
Снѣговъ давно ужъ спитъ; лишь кое гдѣ порой,
Лучина изъ избы кидаетъ свѣтлый лучъ
И мѣсяцъ катится средь бѣлоснѣжныхъ тучъ;

857.

Морозъ трещитъ, на скрипъ полозьевъ отвѣчаютъ
Собаки на горѣ протяжнымъ лаемъ, въ слѣдъ
За ёлкой ёлка путь нарѣчный означаетъ,
Закуржевивши весь — лежишь и дремлешь! Бредъ
Какой-то съ полусномъ, доро̀га нагоняетъ
На мысли! Между тѣмъ — душѣ привольно, нѣтъ
Тоски, которая въ ночь лѣтнюю щемитъ
Такъ сердце средь ѣзды и думой тяготитъ!

858.

Вотъ вдалекѣ Казань за спящею рѣкою
Открылась съ симъ Кремлемъ на самой крутизнѣ,
Съ громадой го̀рода въ горѣ и подъ горою.
Казань прекрасная! Здѣсь — будто бы во снѣ,
2 Октября день вижу..... съ роковою
Минутой приступа. Когда вдругъ, въ тишинѣ
Всеобщей, возгласилъ діаконъ: «съ нами Богъ!»
И силой русской стертъ луны былъ гордый рогъ!

859.

Но прежде нежели мы достигнемъ до Казани,
Почтимъ сей «Памятникъ-костище!» Этотъ храмъ
Воздвигнутъ нà полѣ той незабвенной брани,
Которая исходъ трехвѣковымъ борьбамъ [397].
Войдемъ! Чтобъ тутъ взнести молитвы теплы дани
Надъ этѣми костьми, здѣсь легшими вѣкамъ
Завѣтомъ. Сладкій миръ вамъ дѣды и отцы,
За вѣру и за Русь священные борьцы!

860.

Здѣсь отмщены тогда всѣ наши униженья,
Съ тѣхъ Калки съ Ситей дней для Руси роковыхъ;
Разгромы Кіева, Владиміра, плѣненья,
Позоръ и казнь Князей, гордыня Хановъ сихъ;
Развитія страны, симъ игомъ замедленье;
Ибо не тѣмъ теперь мы были бъ въ міровыхъ
Судьбахъ, когда бы насъ тогда не задержалъ
Монгольскій періодъ и силъ не убивалъ!

861.

Войдемъ въ соборъ. Чтобы предъ ракою безцѣнной
Святаго Гурія, хранителя страны,
Молиться на мѣстахъ, гдѣ пожилъ онъ нетлѣнной
Той жизнью за народъ и гдѣ ему даны
Дары чудесъ, какъ лучъ для сердца драгоцѣнный
Въ спасеніе души! Здѣсь русскіе сыны
Припомнятъ жизнь его, когда онъ насаждалъ
Сей вертоградъ Христа и паству поучалъ [398].

862.

А въ симъ монастырѣ Дѣвичьемъ, предъ иконой
Заступницы склонясь, помолимся! Чтобъ былъ
Путь нашей мысли впрямь полезенъ, обороной
Чтобы народности себя онъ проявилъ;
Чтобъ «меньшихъ братій» вздохъ, нужды и тяжки стоны,
Мы къ сердцу принимать могли всегда; чтобъ жилъ
Въ насъ наконецъ—тотъ духъ впрямь русскій и родной,
Который есть союзъ Святая Русь съ тобой! [399]

863.

И гдѣ же лучше намъ такія пожеланья
Взносить ко Господу съ смиренною мольбой,
Какъ не въ тебѣ Казань—въ которой изваянье
Державина стоитъ учить народъ собой?
Гдѣ тотъ стоитъ пѣвецъ, котораго призванье
Всегда являло намъ по истиннѣ златой
И теплый лучъ любви къ отчизнѣ, за народъ
Умѣло говорить и памятью живётъ? [400]

864.

И Варсонофія епископа нетлѣннымъ
Мощамъ поклонимся въ обители святой [401];
Вотъ башня Арская и церковь, какъ священный
Завѣтъ осады намъ и славной битвы той;
Здѣсь знамя царское стояло и на стѣны
Сіяло образомъ Спасителя, рукой
Котораго Казань сокрушена была
И пала въ прахъ! Здѣсь рать на приступъ съ вѣрой шла [402].

865.

А близъ обители Святаго Кипріяна
И Іустины храмъ почтимте. Въ этотъ день
Казань, оплотъ Татаръ, взята и крестъ желанный
Labarum Греціи простеръ надъ нею сѣнь!
Здѣсь Іоаннъ тогда построилъ церковь, данью
Души возвышенной и чистой... ибо тѣнь
Зла, недовѣрія и гнѣва, надъ душой
Сей не простерлась... былъ еще онъ, Царь благой! [403]

866.

Вотъ башня древняя Сумбеки [404], тутъ скитаясь
Досель — тѣнь скорбная вамъ призракомъ встаётъ;
И поле Арское — гдѣ приступъ оживляясь
Предъ вами, памятью великою растётъ!
Ахъ, если бъ могъ понять Херасковъ — что скрываетъ
Въ себѣ поэзіи осада эта, сводъ
Трехвѣковой борьбы съ врагами — онъ воспѣть
Умѣлъ бы иначе и лучше въ даль прозрѣть! [405]

867.

За то — Державинъ былъ живая эпопея
Народа русскаго, умѣлъ переводить
Мысль вѣка своего въ стихъ звучный, въ даль свѣтлѣе
Провидѣть и свое призваніе свершить.
Миръ сладостный пѣвцу великому! Яснѣетъ
Чей славный образъ всё въ потомствѣ, кто учить
Съ улыбкою умѣлъ и мудро столь царей,
Кто кладъ намъ далъ такихъ возвышенныхъ мыслей!

868.

Пусть тѣ, какъ назвалъ ихъ онъ «чернь непросвѣщенна»
Заслуги отрицать стремятся вѣдь его,
Ихъ память канетъ въ гробъ съ ихъ жизнью позабвенна,
Но слава охранитъ любимца своего!
Толпа, ползущая, презрѣнна и растлѣнна
Душою мелкой да продажной! Для кого
Твой хриплый нуженъ вопль, кто будетъ дорожить
Пигмея мнѣніемъ и слухъ къ нему клонить?

869.

А проходя предъ нимъ — потомокъ просвѣщенный
Поклонится тому, кто въ бронзовыхъ чертахъ
Сихъ оживлёнъ возсталъ и памятью нетлѣнной
Заслугъ отечеству всё властвуетъ въ сердцахъ!
И скажетъ: «міръ тебѣ, пѣвецъ нашъ вдохновенный!
Ты мало жилъ, но путь твой вырѣзанъ въ мысляхъ
Потомства и народъ на каждый звукъ родной
Твой откликается доселѣ всей душой!»

870.

Вотъ и примѣръ! Предъ симъ разсадникомъ науки,
Въ которомъ юный умъ свой въ старь образовалъ
Державинъ — онъ возсталъ въ сей статуѣ, чтобъ внуки
И правнуки его почтили! Гдѣ пріялъ
Онъ съ жизнью первый лучъ мышленія; гдѣ руки
Младенчески впервой на лиру налагалъ,
Чтобъ звуки дивные для слуха извлекать,
Тамъ суждено ему въ сей бронзѣ предстоять!

871.

О Волга! Ты пѣвца великаго вспоила...
Державинъ! Что за жизнь и что за пѣснь была
Его златая пѣснь! По бархату катилась,
Какъ жемчугъ дорогой прекрасная; цвѣла
Цвѣтами радуги, алмазно проносилась,
Какъ горный водопадъ, журчала и текла
Прохладнымъ ручейкомъ; а всюду, всей собой
Была проникнута душевной теплотой!

872.

Пойдемъ вдоль озера Кабанскаго. Надъ нами,
Изъ рощи тёмной, крестъ привѣтливо блеститъ [496]
Съ нагорья; а вдали мечеть, съ ея рогами
Луны, изъ-за кустовъ бѣлѣетъ, путь бѣжитъ
Лѣсами, до бреговъ той Камы, что валами
Своими бурными безъ устали гремитъ;
А за Лапшевомъ, опять пойдетъ лѣсовъ
Дремучихъ полоса до грани двухъ міровъ.

873.

Привѣтствую тебя, мое уединенье!
Мой скромный домикъ, мой давно заглохшій садъ,
Тропинка вкругъ прудовъ зацвѣвшихъ, запустѣнья
Пріютъ теперь — но дней прекрасныхъ дѣтства кладъ,
Привѣтствую тебя! Давно уже забвенья
Печать на всёмъ легла здѣсь, комнаты стоятъ
Заброшены; паукъ ткётъ мирно по угламъ
Стѣнъ ткань свою... Лишь дубъ раскидистый вѣтвямъ

874.

Столѣтнимъ далъ просторъ, надъ домомъ наклоняясь:
Товарищъ давнихъ лѣтъ, аль ты меня узналъ
Въ усталомъ странникѣ, который отряхаетъ
Пыль съ ногъ своихъ теперь и въ тёмный уголъ склалъ
Котомку съ посохомъ? Ну, какъ-то поживаютъ
На родинѣ? Давно ее я не видалъ!..,
Но стонешь ты одинъ на этомъ пустырѣ,
Гдѣ рѣзвымъ отрокомъ игралъ я на дворѣ! [497]

875.

Какъ быть! Людская жизнь не дѣтская игрушка,
Не радости она иному въ даръ сулитъ;
Что было, то прошло! А гдѣ моя старушка,
Гдѣ няня добрая? Всё пусто и молчитъ!
Гдѣ дѣтскихъ игръ моихъ веселая подружка,
Сестра любимая? Гдѣ самъ я, чей виситъ
Портретъ въ сей залѣ? Кто могъ рѣзко измѣнить
Такъ всѣ черты мои, могъ волосъ убѣлить?

876.

Да! я могу сказать съ поэтомъ, въ этой встрѣчѣ
Съ нѣмымъ свидѣтелемъ моихъ весеннихъ дней:
«Однихъ давно ужъ нѣтъ, а тѣ уже далече!»
Но грустно жъ мертвецомъ быть средь живыхъ людей
И опытомъ сознать какъ наша скоротечна
Жизнь! Кажется давно ль? А только міръ тѣней
Остался выводомъ изъ сорока сихъ лѣтъ
Утекшихъ, да могилъ рядъ длинный — лишь отвѣтъ!

877.

Пройдёмъ Малмыжъ, Оханскъ и Вятку, гдѣ отваги
Исполнены — сыны Новгорода мечёмъ
Пріобрѣли сей край далёкій и ватаги
Свои оставили съ торговымъ ихъ умомъ.
Вотъ Пермь, преддверіе Сибири. Здѣсь овраги
Глубокіе, лѣса дремучіе, зубцомъ
Хребетъ, протянутый еще не близкихъ горъ,
Уже приковывать пришли невольно взоръ!

878.

Тутъ чаша руднаго богатства въ отдаленной
Біярміи. Стефанъ Великій просвѣтилъ [408]
Ее, а трудъ извлёкъ изъ этой драгоцѣнной
Для Руси области богатства, проложилъ
Отселѣ путь въ Сибирь, который намъ безцѣнный
Амурскій край теперь на вѣчно подарилъ;
Да раздвигаетъ все предѣлы наши къ тѣмъ
Странамъ, что въ будущемъ сулятъ собой эдемъ!

879.

Что за прекрасный видъ въ горахъ уединенныхъ [409]
Сихъ! Рѣчка свѣтлая, свергаясь съ скалъ, бѣжитъ
Дорогу пересѣчь; на скалы обнаженны
Рядъ скалъ нагроможденъ, въ разщелинахъ торчитъ
Угрюмый кедръ; въ падяхъ, цвѣтами испещренныхъ,
Ручей по камушкамъ чуть слышимо журчитъ;
Какъ воздухъ свѣжъ и чистъ, какая тишина,
Какъ умирительно здѣсь дѣйствуетъ она!

880.

Воистинну здѣсь міръ впрямь новый, свѣжій, сильный,
И еще ждущій рукъ съ провидящимъ умомъ,
Чтобъ въ сихъ пустыняхъ дать богатства плодъ обильный
И силу русскую усотерить во всёмъ!
Не даромъ намъ Господь въ своей любвеобильной
И щедрой благости, воздвигнулъ здѣсь съ мечемъ
И съ мыслью столь живой да свѣтлой, Ермака
Чтобъ дать развитію Россіи тутъ вѣка̀!

881.

Средь Губерлинскихъ горъ, вотъ колыбель Урала! [410]
Пещера тёмная лѣлѣетъ ключъ живой
И свѣтлый водъ его, надъ нимъ образовала
Кристалловъ чудный сводъ алмазною стѣной!
Приди дивиться здѣсь — взглянувъ на этѣ залы,
Которыя воздвигъ Строитель неземной
Какъ будто для того, чтобъ съ дѣломъ нашихъ рукъ
Сравнить свой царственный, божественный досугъ!

882.

Прощай сѣдой Рифей, грань двухъ міровъ священна!
Вотъ Екатеринбургъ, гдѣ всё трудомъ кипитъ
И въ нѣдрахъ этихъ горъ (лежащихъ драгоцѣннымъ
Намъ кладомъ) силою науки всё живитъ.
Здѣсь золото и мѣдь, платина и безцѣнный
Алмазъ, желѣзо, яшмъ громады — всё лежитъ
И ждетъ ума да рукъ, чтобъ край сей дорогòй
Развить и дать всему ходъ лучшій да иной.....

883.

Ибо сознаемся: мы далеко отстали
И здѣсь отъ Запада! Имѣя подъ рукой
Всѣ данныя богатствъ несчётныхъ, что мы дали
Россіи? Стыдъ сказать! Досель еще чужой
Товаръ желѣзный мы заморскій покупали,
Доселѣ не могли желѣзной колеёй
Связать Пермь (то есть ключъ тутъ Камско-Волжскихъ водъ)
Съ Иртышско-Обскою системой....гдѣ же плодъ?

884.

Лишь просвѣщенное купечество въ Ирбити
Недавно поняло всю важность сѣти сей,
Разшевелило умъ застойный нашъ, всѣ нити
Дало успѣха намъ, чтобъ думали живѣй!
Честь людямъ, взявшимся за это! Говорите
Спасибо имъ всегда за мысль сію, яснѣй
Которая себя съ годами разовьётъ
И благодарностью въ потомствѣ отзовётъ! [412]

885.

Здѣсь — та «Великая Біармія» пустыня,
Въ которой русскіе отважные сыны
Селились издревле, завѣтная сватыня
Преданій, няньчившихъ младенца Руси, сны;
Здѣсь — Строгановыхъ и Демидовыхъ донынѣ
Потомки, чтутъ труды ихъ предковъ; здѣсь — даны
Теперь всѣ средства, чтобъ трудъ вольный развивать,
Отъ заграничнаго успѣха не отстать.

886.

Миръ сладкій Ермаку, богатырю преданья,
Который такъ умѣлъ жизнь славно искупить
И силою души могучей, къ обладанью
Призвалъ Россію здѣсь, чтобъ новой жизнью жить!
Вотъ — чудится мнѣ онъ, когда въ ночномъ мечтаньи,
Опершись на руку кровавую — пробить
Онъ силился сихъ странъ мракъ грозный, вѣковой
И какъ Колумбъ искалъ міръ новый всей душой!

887.

Мечталъ: «что вотъ — за той таинственною далью,
Онъ царства цѣлыя Россіи подаритъ;
А съ дней кровавыхъ, съ думъ окованныхъ печалью,
Съ убитой совѣсти, спудъ сниметъ — оживитъ!»
И угадалъ! Теперь — гдѣ съ мѣткою пищалью
И съ бердышемъ онъ сталъ впервые — Русь стойтъ
Великая и путь державною рукой
Указываетъ намъ на Индъ тотъ золотой!

888.

Дорога въ даль бѣжитъ, обдвинута лѣсами,
Болоты вѣчнымъ мхомъ поросшіе встаютъ,
Верста старинная шатнулась надъ гатями
И длинные мосты бревенчаты идутъ;
Что за пирамида растётъ передъ глазами [413],
Съ щитомъ подъ мѣховой короной! Что же тутъ
За грань завѣтная?...Что это за пустырь
Печальный и куда ведетъ?...Вздрогни! «Сибирь!»

889.

А! вотъ онъ, дикій край, гдѣ льются горьки слёзы;
Громадная тюрьма для узниковъ, живьёмъ
Тутъ погребенныхъ; міръ, въ который наши грозы
Бросали тѣхъ, кто былъ отвергнутъ палачёмъ!
Вотъ Дантовъ «Адъ», гдѣ тѣ жъ свирѣпствуютъ морозы,
Гдѣ полюсъ сѣверный, загроможденный льдомъ,
Тѣ жъ казни кажетъ намъ, которыми Пѣвецъ
Италіи страшилъ насъ: вотъ онъ — наконецъ!

890.

Преклонимъ же сперва колѣно передъ этой
Пирамидой, нѣмымъ свидѣтелемъ какъ шли
Здѣсь въ ссылку столькіе: отъ старины одѣтой
Легенды мглой, до дней вчерашнихъ.....Перешли
Ужъ многіе предѣлъ другой теперь, со свѣтомъ
Разстались навсегда въ могилѣ и вдали
Отъ родины, друзей, да присныхъ....Скажемъ миръ
Имъ, смертный часъ ихъ былъ полнъ горечи и сиръ!

891.

Помолимся, чтобъ Богъ за прежни заблужденья,
Быть можетъ иногда невольныя—простилъ
Ихъ тѣни скорбныя и въ мигъ переселенья
Въ міръ лучшій, съ родиной ихъ память примирилъ!
Помолимся, чтобъ Богъ тѣмъ — кто въ день ихъ крушенья
Къ нимъ сердцемъ близокъ былъ и нынѣ пережилъ
Ихъ — даровалъ душѣ скорбящей уповать
На вѣчну благость и по вѣрѣ....всѣмъ прощать!

892.

Помолимся теперь — чтобы на тѣхъ несчастныхъ,
Которые еще влачать здѣсь скорбну жизнь,
Лучъ благости земной сошёлъ въ глаголахъ властныхъ
И милости на нихъ отрадой излились!
Чтобъ сердце доброе въ порывахъ ежечасныхъ
Всегда готовое прощать....отозвались
Чтобъ въ нёмъ прощеніемъ: плачъ бѣдныхъ матерѐй,
Мольбы печальныхъ жёнъ, сиротство ихъ дѣтей!

893.

Но и помолимся — чтобъ наконецъ Россію
Избавилъ Богъ отъ жертвъ сихъ тяжкихъ и въ одно
Соединилъ для всѣхъ святое чувство, выю
Склонилъ предъ долгомъ какъ быть гражданамъ дано;
Чтобъ эру мятежей, возстаній, роковыя
Начàла чужды намъ, всё, что занесено
Извнѣ къ намъ было.....Онъ какъ тучи разогналъ
И радугу свою спасенія намъ далъ!

894.

Войдемъ въ сію Сибирь, край дикій, отчужденный
Отъ міра — съ сладкою надеждой на Того
Чье милосердіе безгранно, умиленной
Душою вѣруя въ лучъ благости Его!
Вотъ древняя Тюмень, торговлей оживленной
Цвѣтущая и гдѣ съ прихода своего
Завоеватели соорудили храмъ
Здѣсь первый въ сей странѣ, доселѣ живъ очамъ [414].

895.

Пройдемъ черезъ Туринскъ надъ быстрою Турою
Въ Пелымскій край, теперь забытый уголокъ
Сибири. Здѣсь Пелымъ старинный, надъ Тавдою
Стоитъ въ глуши лѣсной, печально-одинокъ.
Тутъ въ заточеніи Романовъ былъ, душою
Столь чистый и погибъ въ темницѣ. Гордо рокъ
Свой тутъ переносилъ Графъ Минихъ двацать лѣтъ;
Тутъ Герцогъ Биронъ жилъ въ превратностей завѣтъ! [415]

896.

Тутъ бѣдныхъ Угличанъ кладбище — Годунова
Жертвъ, лжесвидѣтельства не взявшихъ на себя [416]
Въ закланьи бѣднаго младенца, роковаго
Начала смутъ! Какъ всё разшевелитъ тебя
Въ пустынѣ этой въ мигъ мечтанія ночнаго:
Когда въ прошедшее взоръ грустно углубя́,
Встрѣчаешься ты здѣсь съ урокомъ симъ живымъ,
Суетности того, чѣмъ такъ мы дорожимъ!

897.

И что за милая, хоть дикая картина —
Когда на берегу́ Пелымки ты сидишь;
А тамъ, за сей рѣкой, стѣною исполиновъ
Тайга дремучая раскинулась! Глядишь —
И взоръ въ сію чащу́ зеленую пустыни
Безсиленъ проникать. Пустыня спитъ...Слѣдишь
Ты взоромъ плавное теченье этихъ водъ,
Межъ тѣмъ какъ мѣсяцъ всё сребромъ своимъ зальётъ!

898.

И переносишься вдругъ за сто лѣтъ мечтою
Въ острогъ, въ которомъ здѣсь Графъ Минихъ изнывалъ
И Фельдмаршала тѣнь встанетъ предъ тобою.....
Иль въ домикъ Герцога Курляндскаго. Стоялъ
Онъ на симъ мѣстѣ, гдѣ поросшія травою
Основы и досель видѣютъ бревенъ.... Ждалъ ль
Регентъ Имперій, чтобъ нѣкогда судьбой
Заброшенъ онъ сюда былъ въ ссылку?...Боже мой!

899.

Въ Сибири — каждый шагъ, Исторіи уроки!
Въ Березовѣ легли: Князь Меньщиковъ — другой
Фортуны баловень; Графъ Остерманъ — глубокій
Умъ, Долгоруковы, Головкинъ; а въ глухой
И страшной дàли, гдѣ Якутскъ встаетъ для ока
Изъ приполярныхъ льдовъ — блестящій, молодой
Племянникъ Гетмана Мазепы въ ссылкѣ жилъ:
Тамъ Войнаровскій дни печальные влачилъ! [417]

900.

Отсель, чѣмъ далѣе къ Тобольску, тѣмъ люднѣе:
Тоболъ раскинулся широкою волной,
Иртышъ (сей влажный склепъ богатыря) синѣетъ,
А наконецъ — Тобольскъ предсталъ надъ крутизной.
Кремль древній и соборъ Св. Софіи! Млѣетъ
Предъ ними мысль моя, когда я дорогóй
Завѣтъ Византіи встрѣчаю въ сихъ снѣгахъ,
На этихъ Иртыша далёкихъ берегахъ! [418]

901.

Раскинутъ на горѣ и частью подъ горою
Тобольскъ картиненъ. Вотъ и памятникъ тому [419],
Кто какъ Кортецъ пришелъ въ край этотъ и ногою
Здѣсь твердо сталъ, Сибирь на вѣчно своему
Народу далъ, себѣ жъ нетлѣнну жизнь — душою
И волей феноменъ! Но гдѣ жъ придти къ нему,
Прахъ славный сей почтить молитвой? Гдѣ стоитъ
Гробница Ермака? Онъ въ Иртышѣ лежитъ! [420]

902.

Онъ въ панцырѣ лежитъ, съ своимъ мечемъ могучимъ
У крѣпкаго бедра....Тамъ — витязь сладко спитъ
До дня пришествія, всё грозенъ будто туча,
Вѣнкомъ изъ травъ рѣчныхъ вкругъ шлема перевитъ!
Онъ знаетъ — что его вѣковъ потокъ кипучій
Не унесетъ съ собой дѣяній; что горитъ
Надъ именемъ его безсмертья лучъ живой,
И что почтутъ его̀ въ потомствѣ похвалой!

903.

А ты — которая теперь передо мною
Своей громадою старинной возстаёшь
И славнымъ именемъ Св. Софіи, съ тою
Св. Софіей мысль связуешь? Или тожъ
Здѣсь эхо, что и тамъ — въ Новгородѣ, собою
Какъ въ Кіевѣ тебя напомнило? Идёшь
Иль на Святой Руси, ты всюду по пятамъ
Паломника — казать даль будущаго намъ?

904.

Иль въ этомъ имени — съ Новгорода ль, съ роднаго ль
Намъ Кіева, съ садовъ ли Царскаго Села
И до Тобольска — всё значенья вѣковаго
Приводится искать, чтобъ цѣль яснѣй была?
О! Если «Божій гласъ, народа гласъ» инаго
Нельзя и разумѣть въ сей мысли, что взяла
Себѣ повсюду въ столь намъ милый образецъ
Святой Софіи храмъ, въ наитіе сердецъ!

905.

Помолимся предъ сей Заступницы Сибири
Иконой въ Абалакъ зашедши. Древній храмъ
Святой Софіи, намъ того напомнилъ — въ мирѣ,
Кто опочивъ здѣсь въ нёмъ: великъ былъ по дѣламъ
Смиренія, поста, молитвы; другъ былъ сиру,
Гонимому всегда щитъ; кто людскимъ сердцамъ
Оставилъ образецъ Евангельскій. Вотъ спитъ
Святитель Іоаннъ, молитвами покрытъ! [421]

906.

Минуемъ Тару, гдѣ такою красотою
Озеръ, луговъ и рощъ — природа насъ плѣнитъ
И всё, что видимъ мы, сродняетъ насъ съ страною
Хотя пустынной, но которой милъ такъ видъ!
Вотъ «золотое дно» Сибири! Здѣсь порою
Ты разлюбуешься, когда тебѣ открытъ
Предстанетъ дикій сей таинственный эдемъ,
Лишь ждущій рукъ, чтобъ быть обиленъ щедро всѣмъ.

907.

Когда проходишь ты отъ Тары и до грани
Иртышной линіи у Омска; предъ тобой
Повсюду щедрой сей природы видны дани,
Обилія богатствъ повсюду подъ рукой:
Въ лѣсу? Пушистый звѣрь и длиннороги лани,
Въ озерахъ и рѣкахъ? Тьмы рыбы дорогой,
Земля? Лишь ждетъ сохи, чтобъ полну жатву дать,
Луга? Для тучныхъ стадъ всегдашня благодать!

908.

Здѣсь даже и землѣ досель цѣны не знаютъ!
Паши, распахивай новь, только лишь трудись;
И всюду предъ тобой такихъ полей бываютъ
Пространства годныя, что хоть и недивись!
Вотъ Барабинская степь, мило развиваетъ
Даль цѣлую озеръ, рощъ, пашень. Тутъ слились
Всѣ — Ѳеокритовихъ идиллій красоты,
А очарованный стоишь предъ ними ты!

909.

Доколѣ можетъ взоръ обнять и простираться,
Зеленый океанъ сихъ роскошныхъ степей
Встаетъ отъ вѣтерка рябиться, колыхаться
И гонитъ, вьётъ, кружитъ, верхи своихъ зыбей!
То утокъ прилетитъ ватага полоскаться
Въ водахъ озёръ, то вдругъ дружина лебедей
На во́ды спящія зеркальныя слетитъ,
А грудью бѣлою ихъ струйки бороздитъ!

910.

А тихо вечерокъ нисходитъ на долину
И солнце огненнымъ, рубиновымъ лучёмъ
Окинетъ сихъ степей да спящихъ водъ картину
И канетъ въ облако прорѣзано огнёмъ!
Вотъ медленно, вдали, съ окраины пустыни
Степной встаетъ луна и матовымъ сребромъ
Ударитъ по водамъ, гдѣ въ тысячахъ лучей
Разсыплетъ каждый лучъ алмазисто-бѣлѣй!

911.

И индѣ церковька съ старинной колокольней,
Съ чешуйчатой главой да съ узенькимъ окномъ
Глядится въ озеро; а ратникъ своевольный,
Село раскинулось по взгорью; то ребромъ
Торчитъ избушка, то колодезь съ водопойной
Колодой въ улицу вчесался. Вотъ съ ведромъ
Крестьянка гонитъ скотъ, а цѣлый рой ребятъ
У церкви возится, вечерней волѣ радъ!

912.

Но наступаетъ ночь. Огни зажглись въ селеньи
И мѣсяцъ съ высоты какъ Оссіяновъ щитъ
Степь спящую сребритъ въ безмѣрномъ протяженьи
Ея, да въ озеро задумчиво глядитъ;
То конь въ дали заржотъ, иль донесется пѣнье
Уныло пастуха, аль въ травкѣ прокричитъ
Кузнечикъ.... и опять, одѣта мглой ночной,
Спитъ степь душистая полу́ночной порой!

913.

Пройдемъ и Колывань, гдѣ степи замираютъ,
А тёмные лѣса̀ приходятъ окаймить
Дорогу. Кедръ, сосна, угрюмо выступаютъ
И боръ дремучій — днёмъ, какъ ночью, всё молчитъ!
Лишь вѣтеръ изрѣдка по сучьямъ пробѣгаетъ
И въ это время боръ печально зашумитъ,
Да лань, испугана твоимъ колокольцомъ,
Стремглавъ перебѣжитъ дорогу предъ конёмъ.

914.

А есть часы.... Тогда внезапный вихрь приходитъ
Боръ этотъ потрясти въ основахъ какъ титанъ,
На тучу туча вдругъ громадная находитъ,
Сверкнула молнія, громъ грянулъ, великанъ
Бурь по́ лѣсу идётъ, лѣсъ ходенемъ заходитъ,
Кедръ гнется и трещитъ, а небо какъ волканъ
Разверзлось пламенемъ надъ нашей головой
И пала молнія на тёмный боръ стрѣлой!

915.

Бѣжитъ по сучьямъ, въ мигъ громадный обвиваетъ
Кедръ огненнымъ зміемъ, разстелится, охватъ
Гиганта будто столпъ Израиля пылаетъ!
Картина дивная! Ревъ бури и раскатъ
Ударовъ грома, кракъ деревьевъ, оглушаютъ!
Звѣрь мчится изъ лѣсу, птицъ стаи съ крикомъ мчатъ
Всѣ гады поползли.... а поломя волной
Кровавой стелется въ чащѣ сей вѣковой!

916.

Широкій дождь хлестнулъ мятежными водами
И скачетъ по землѣ изсохшей. Онъ зальётъ
Пожаръ. На утро же веселыми очами,
Проглянетъ солнышко и тучи разобьетъ.
Еще кой гдѣ сосна дымится передъ нами,
Но дождь ужъ взялъ свое и въ небѣ возстаётъ
Хоръ птичекъ, вьющихся надъ чащей вѣковой,
Какъ благодарственный гимнъ за сей миръ земной!

917.

И дивной свѣжестью земля благоухаетъ,
А воздухъ запахомъ живящимъ напоенъ;
Но что за мощная рѣка переливаетъ
Изъ зыби въ зыбь свою громаду синихъ волнъ?
Дремучій боръ рѣку отвсюду обступаетъ;
Всё тихо, изрѣдка рыбачій виденъ челнъ
Да рыбка выскочитъ изъ лона свѣтлыхъ водъ,
Играя и круги по зыби разведетъ.

918.

То Обь гигантская, Сибирская царица,
Изъ горъ душистаго Алтая путь себѣ
Проклавшая ко льдамъ приполюснымъ! Цѣвница
Державина нужна великая тебѣ,
Чтобы воспѣть тебя достойно! Какъ родиться
Младенцемъ въ ледникахъ дано ей, какъ судьбѣ
Ея открытъ былъ міръ сибирскій — становой
Чтобъ жилою его текла своей волной!

919.

Ахъ! какъ прелестна ты — когда въ полночь глухую
Изъ-за лѣсовъ твоихъ широкій мѣсяцъ всплывъ,
Матитъ сребромъ своимъ равнину голубую
Твоихъ зеркальныхъ водъ, зыбь ярко разсвѣтивъ!
Далекій берегъ, чуть провёлъ черту сѣдую
Свою и тёмный лѣсъ нахмурился склонивъ
Сводъ шепчущихъ вѣтвей..... а сладко надъ тобой
Тогда сидѣть, мечтать въ часъ этотъ дорогóй!

920.

Сидѣлъ здѣсь нѣкогда и Царь-Кучумъ [422], которымъ
Владычество Татаръ покончилось у насъ;
Въ Сибири родилось значеніе ихъ въ пору
Чингиса славнаго и здѣсь же — блескъ угасъ!
Изъ глубины степей Монгольскихъ, дико взоры
Въ даль устремивъ они рванулись, много разъ
Какъ Божій гнѣвъ прошли надъ нашею землей
И вотъ — опять пасутъ стадà въ глуши степной!

921.

Богатъ и шуменъ Томскъ. А въ право отъ дорóги,
Алтай раскинулся алмазистымъ гольцомъ
Съ растительностью столь роскошной, диво Бога,
Престолъ ему въ своемъ величіи земномъ!
Неисчерпаемыхъ сокровищъ было много,
И есть доселѣ тутъ. Отсель, что шагъ — пойдёмъ
Вплоть до Амура мы по золоту, такой
Пактола древняго раскинуту рѣкой!

922.

За Томскомъ — Красноярскъ, недавно вознесенный [423]
Изъ грязи золотомъ, но въ коимъ уже нѣтъ
Средствъ жить — коль óбъ руку съ нуждою угнетенной
Богачъ мильонами забрасываетъ свѣтъ!
Вотъ эти «розсыпи», откуда развращенный
Народъ бѣжитъ, чтобы всѣхъ мерзостей завѣтъ
По крàю разнести и шапкой золотой
Обильно черпать грязь презрѣнною рукой!

923.

Здѣсь льются сорокъ лѣтъ миѳически Пактолы,
Мильоны брошены на карты и вино,
А нѣтъ Гимназіи доселѣ! Тѣломъ голы
И духомъ нищи, тутъ ползутъ всѣ за одно!
И Университетъ — сей свѣтлый храмъ глагола
Науки, коему повсюду суждено
Быть мысли маякомъ — кто кинулъ здѣсь мильонъ
На то, чтобы воздвичь его? Ждётъ тщетно онъ!

924.

Минуя шумный Канскъ, еще притонъ «мѣщанскихъ
Затѣй полубоговъ» чрезъ Бирюсу шагнёмъ
И вотъ Нижнеудинскъ, съ свой грядой Саянскихъ
Горъ, коихъ гребни намъ алмазятся гольцомъ;
Тамъ мощный Енисей, прорвавъ оплотъ гигантскихъ
Гранитовъ, въ Океанъ направясь, съ каждымъ днёмъ
Перемѣняетъ видъ: то Минусинскій край
Лѣлѣетъ, гдѣ въ глуши сихъ горъ, сибирскій рай;

925.

Гдѣ тополь, наклонясь надъ свѣтлыми водами,
Благоуханья шлётъ далёко по волнамъ;
А степи сочныя, покрытыя цвѣтами,
Приволье для Татаръ и тучнымъ ихъ стадамъ;
Гдѣ юрта дикаря, какъ сопка, всё ночами
Дымится и курганъ таинственнымъ костямъ
Племенъ погибшихъ далъ извѣчный здѣсь пріютъ,
Да скалы слово рунъ завѣтныхъ стерегутъ;

926.

Потомъ онъ — Красноярскъ оставивъ за собою,
Далёкій Енисейскъ и Туруханскъ въ льдяной
Окутанъ саванъ — мчитъ какъ изъ лука стрѣлою
Къ льдамъ Полюса, смѣшать волну съ морской волной
Тамъ: гдѣ безжизненна природа и дугою
Злачёной сѣверно сіянье надъ морской
Пучиной широко раскинувшись горитъ,
А грохотъ льдовъ какъ громъ надъ моремъ всё гремитъ!

927.

Дѣятеленъ Иркутскъ, надъ быстрой Ангарою,
Тутъ пристань шумная торговлею кипитъ
И возстаетъ соборъ напутственной звѣздою
Въ путину дальную, что здѣсь намъ предстойтъ;
Въ нёмъ Шелеховъ лежитъ, отважною рукою
Намъ часть Америки добывшій, въ коей скрытъ
Съ пріобрѣтеніемъ Амура дорогóй
Кладъ процвѣтанія торговли съ сей страной.

928.

Пойдёмъ поклонимся съ душевнымъ умиленьемъ
Мощамъ Епископа хранителя сихъ странъ [424],
Который съ ревностью, достойной удивленья,
Жизнь отдалъ паствѣ здѣсь и освятилъ свой санъ;
Помолимся ему, чтобъ край сей просвѣщеньемъ
Обиленъ сдѣлался, чтобъ былъ въ вожди онъ данъ
Разумные тому Амуру, въ коимъ дверь
Широ́ко на Востокъ открыта намъ теперь!

929.

А ты — о чародѣй сихъ странъ «святое море!» [425]
Раскинутый своимъ безмѣрьемъ въ ложѣ скалъ,
То иногда пловцамъ привѣтный, то имъ горемъ
Грозящій, впрямь Протей бездонный! О Байкалъ,
Кто можетъ приходить къ тебѣ съ спокойнымъ взоромъ,
Когда увидитъ онъ твой берегъ въ броню скалъ
Закованъ и съ лѣсомъ сѣдою головой
Нависшей на валы́ размётаны горой?

930.

Святой Никола ждетъ [426]. Вотъ судно распускаетъ
Свой парусъ и вздрогнувъ пустилось по волнамъ,
Руль борозду огней фосфорныхъ оставляетъ,
А мѣсяцъ засверкалъ и мчится по водамъ;
Зыбь гребнемъ завила̀ валъ, вѣтеръ всё крѣпчаетъ,
Вдали Хамаръ-Дабанъ алмазистымъ гольцомъ
Пробилъ чрезъ облака̀ дорогу въ небосклонъ
И всталъ какъ Вѣчнаго несокрушимый тронъ! [427]

931.

А море развело вкругъ зыбь необозриму!
Ужъ Лиственичный мысъ сокрылся отъ очей,
Попутно мчимся мы и утро золотимо
Лучемъ зари встаётъ румянить верхъ зыбей!
О дивный мигъ! Едва краями диска, зримо
Привстало солнце — вдругъ мильонами лучей
Раззвѣздилось въ волнахъ и будто купиной
Огнистой сдѣлало всё море предъ тобой!

932.

Но за синѣющей съ восходомъ солнца далью,
Посольскій монастырь явился на горѣ [428]
Священнымъ маякомъ. Спускай же парусъ, сдали
Мы року путь морской! Брось якорь, въ серебрѣ
Песковъ пусть отдохнётъ! Пусть лодочка причалитъ
И на̀ берегъ свезётъ! Чу! благовѣстъ, порѣ
Обѣдни подалъ вѣсть и по морю бѣжитъ,
А въ свѣжемъ воздухѣ такъ весело гудитъ!

933.

И вотъ курганъ, съ крестомъ надъ падшими послами [439]
Миръ тѣмъ — что здѣсь нашли пріютъ себѣ земной,
Теперь они лежатъ въ Россіи, надъ костями
Ихъ колоколъ гудитъ молитвой имъ родной!
Брегъ низкій, порослью покрытый, надъ волнами
Раскинутъ далеко́; у пристани, толпой
Суда̀ тѣснятся и народъ вездѣ кипитъ;
Пѣснь, говоръ, смѣхъ и гулъ — всё по́ морю бѣжитъ.

934.

Пройдемъ Верхнеудинскъ надъ сей рѣкой картинной [430],
Лишь ждущей рукъ, чтобы ожить людскимъ трудомъ,
Вотъ Селенгинскъ теперь заброшенный, пустынный;
И Кяхта шумная, сидящая съ ключемъ
Торговли у воротъ Китая; и старинный
Сосѣдъ да другъ ее, Маймачень, гдѣ живьёмъ
Китайцевъ можете весь бытъ вы прослѣдить
И «по китайски» тутъ пожалуй даже жить! [431]

935.

Пройдемъ и гранью сей Китая, зелено́ю
Бурятской степью, гдѣ кочуютъ днесь Бурятъ
Потомокъ грозныхъ ордъ, подавленныхъ рукою
Могучей нынѣшней Россіи [432]. Вотъ стоятъ
Ихъ юрты бѣлыя у рѣчки, золотою
Струей журчащей здѣсь по камушкамъ, дымятъ
Какъ сопки; съ двухъ сторонъ, двѣ отрасли сихъ горъ
Байкальскихъ, какъ щитомъ закрыли круговзоръ.

936.

Здѣсь нѣкогда Князья всей Ру́си приходили
Склонять предъ Ханами главу свою; Ононъ
Пустынный, родина Чингиса....Но забыли
Давно Буряты, дни ихъ славы; погружонъ
Въ лѣнь апатическу народъ, въ которомъ были
Задатки грознаго могущества; какъ сонъ
Имъ — всё былое ихъ! И вновь пасётъ стада̀
Онъ мирно здѣсь, забывъ какъ міръ громилъ тогда!

937.

Вотъ Яблонный хребетъ, изъ коего исходитъ
Смиренно Лена, рѣкъ царица, устремясь
Въ Якутскій дикій край, гдѣ въ вѣчныхъ тундрахъ бродятъ
Гиперборейскіе народцы. Утомясь
Теченьемъ средь пустынь безжизненныхъ, выходитъ
Рѣка громадная туда, гдѣ раздѣлясь
На сѣть протоковъ, вдругъ всей массой бурныхъ водъ
Въ туманный Океанъ приполюсный впадётъ!

938.

Какая грозная, гигантская природа!
Лѣса̀ дремучіе, въ безграньи вѣковомъ,
Раскинулись и лишь сей дикій сынъ свободы,
Уда̀лый звѣровщикъ, царитъ съ винтовкой въ нёмъ,
На лыжахъ, по снѣгамъ чрезъ дебри, съ дѣтства сродный
Къ трудамъ и голоду, и холоду — въ своёмъ
Неограниченномъ безстрашіи идётъ
Недѣли по тайгамъ онъ и — не пропадётъ!

939.

Вбѣжимъ на лыжахъ въ лѣсъ. Окутаны снѣгами,
Тайги дремучія, глухія, мрачно спятъ;
Кедръ, лиственна, сосна, широкими вѣтвями
Раскинувшись сплелись и сводами стоя́тъ;
Какая тишина? Лишь изрѣдка громами
Ружейныхъ выстрѣловъ лѣсъ пробуждёнъ и мчатъ
Раскаты ихъ, аль Царь пустыни вѣковой
Медвѣдь испуститъ ревъ кой гдѣ въ чащѣ лѣсной;

940.

Иль легкій бурундукъ да бѣлка передъ вами
Качаются въ вѣтвяхъ и соболь прошипитъ,
Взбираясь на сосну, иль лось съ его рогами
Красивыми тропой чуть видной пробѣжитъ.
Пришла ли ночь? Огни пылаютъ, предъ кострами
Сидятъ звѣровщики, собака ихъ лежитъ,
Зарывши морду въ снѣгъ, и съ чаемъ котелокъ
Кипитъ, а сонъ потомъ здоровъ и такъ глубокъ!

941.

Или гигантскими, замерзшими волнами
Раскинется среди пустынь царица рѣкъ —
Обдвинута ея дремучими лѣсами —
Съ которой всюду слитъ туманный, низкій брегъ;
Заляжемъ въ нарту, пусть запряжены́ гуськами
Собаки насъ помчатъ. Оригинальный бѣгъ
Сей, наслажденіе своею новизной
И изумительной какъ вихрь быстротой!

942.

Тайга рѣдѣетъ. Вотъ надъ горной Энгадою
Чита, за ней Нерчинскъ — гдѣ Шилка буйно мчитъ;
А ужъ Нерчинскіе заводы предъ тобою,
Край казни и кары, гдѣ горъ такъ грозенъ видъ! [433]
Тутъ — шахта тёмная, изрытая слезою
Злодѣя позднею, отъ грохота дрожитъ
Тяжелыхъ молото́въ и можетъ....что ударъ,
То лягутъ на̀ сердце преступно сотни каръ!

943.

Но что за Нерчинскимъ заводомъ, сердце чуетъ
Въ дали туманной той? Аргунь, которой водъ
Сліянье съ Шилкою, у «Стрѣлки» образуетъ
Амуръ....Привѣтъ тебѣ, желанная! Исходъ
Нашъ на Востокъ! Какъ видъ твой красенъ и чаруетъ
Какъ онъ пловца, когда внезапно подойдётъ
Къ руслу широкому — громаду волнъ своихъ
Катящему среди пустынь сихъ вѣковыхъ!

944.

Войдемъ, перекрестясь, въ сіе русло! Предъ нами
Станицы начали мелькать на берегахъ
Привѣтливо среди нивъ и луговъ, съ крестами
Уже кой гдѣ церквей. То вдругъ — на всѣхъ парахъ
Промчался пароходъ, то бригъ подъ парусами
Скользитъ, то въ утленькихъ рыбачьихъ челнокахъ
Снуютъ; повсюду здѣсь жизнь русская нашла
Себѣ просторъ и бытъ свой быстро привила.

945.

А вотъ и Албазинъ, станица молодая
И уже съ церковью близъ мѣстъ, гдѣ древній валъ
Давно теперь поросъ лѣсами; но святая
Гдѣ память есть о тѣхъ, кто нѣкогда здѣсь палъ
Со славою за Русь! Прозрѣвши, что родная
Она, придетъ сюда опять—чтобъ снова всталъ
Здѣсь православья крестъ надъ этою рѣкой,
Свидѣтелемъ ихъ жертвъ за милый край родной! [434]

946.

И черезъ двѣсти лѣтъ сбылись ихъ ожиданья!
Вотъ Благовѣщенскъ и «Айгунъ» Китайскій [435], тутъ
Другъ противъ друга! Кто бъ могъ думать, что желанья
Россіи славно такъ исполнятся? Живутъ
Китайцы съ русскими на симъ Амурѣ, гранью
Завѣтной нѣкогда намъ бывшимъ, мирно; ждутъ
Тѣхъ вожделѣнныхъ дней, когда всѣхъ крестъ святой
И просвѣщеніе соединятъ собой!

947.

Съ Хабаровки, гдѣ водъ Усури масса входитъ
Въ раздолье бурное Амура, берегà
Его ужъ наши; а край этотъ, насъ приводитъ
Къ Кореѣ и почти къ Японіи! Снѣгà
Здѣсь мѐлки и зима легкà, здѣсь всё находитъ
Нашъ колонистъ: лѣсà роскошные, лугà
Травъ сочныхъ, почву верхъ богатства и плодовъ
Прекрасныхъ юга даръ среди густыхъ лѣсовъ!

948.

По истиннѣ жъ Амуръ съ Усури, драгоцѣнно
Пріобретѣніе для Ру́си и вѣнецъ
Завоеванія Сибири, довершенье
Попытки Ермака! Пришедши наконецъ
Къ великой цѣли той, къ которой поколѣнья
Стремились триста лѣтъ—мы можемъ дань сердецъ
Признательныхъ отдать всѣмъ: трудъ чей вѣковой,
Кровь, жертвы, дали намъ край этотъ золотой!

949.

А наконецъ — и вотъ онъ, Николаевскъ, главный
Портъ, гдѣ Андреевскій флагъ и́здали грозитъ
Странамъ подсолнечнымъ; а намъ орёлъ державный,
Путь Океаномъ сей, ужъ зорко сторожитъ! [436]
Съ сихъ грозныхъ батарей, готовъ онъ—откликъ славный,
На Севастопольскихъ громовъ гулъ! Здѣсь сокрытъ
Ключъ къ будущимъ судьбамъ Востока и ужъ твой
Предѣлъ, пока о Русь! А послѣ.... міръ иной!

950.

Склонись! И здѣсь теперь — предъ цѣлью вожделѣнной
Сей — Го́спода приди наитственно молить
За свой народный трудъ, такъ честно довершенный
И за Святую Русь, что надо такъ любить!
Здѣсь — обнаживъ чело, колѣнопреклоненный,
Смиренно я могу пѣснь эту заключить
И съ благодарною, впрямь русскою душой,
Духъ жизни и любви взнестись къ Тебѣ съ мольбой!

«Владыко! Если я, когда либо Тобою
Могъ призванъ быть идти сей славною стезёю
И за Святую Русъ наитственно молить;
А здѣсь, въ виду Твоихъ возвышенныхъ твореній
Всю силу чувствъ своихъ и тёплыхъ помышленій
Еще разъ, за нее молитвенно взносить;

«И если я позналъ — что ужъ настало время
Пріять великое и впрямь святое бремя,
Народу путь его правдиво указать
И указать ему грядущее желанно;
А землю новую, Тобой обѣтованну
Россіи, въ той дали мерцающей казать;

«И если я хотѣлъ — передъ нимъ его былое
Наитно воскресить, чтобъ онъ «свое родное»
Любилъ сильнѣе всѣхъ приманокъ не своихъ;
А вѣрилъ, что ему тогда упрочить славу
Лишь можно и создать великую державу —
Когда «въ себѣ» найдётъ духъ жизненъ, не въ чужихъ;

«И если я мечталъ — что можетъ быть со мною
Сольется мой народъ признательной душою
И мысль народную сихъ пѣсенъ онъ поймётъ;
А пробѣгая трудъ сей, памятовать будетъ,
Что въ нёмъ Святая Русь и можетъ не забудетъ
Меня, когда земля мой прахъ уже возьмётъ....

«Владыко! Призови его къ себѣ душою
И сердцемъ призови, чтобъ онъ своей прямою
Дорогой шолъ и могъ духъ жизненно развить;
Чтобъ вѣрилъ онъ въ Тебя и Церковь въ камень вѣры
Краеугольный клалъ, а чуждые примѣры
Отбросилъ и во всемъ умѣлъ тебя любить;

«Наставь его — чтобъ онъ Царя за трудъ священный
И тяжкій царствія, какъ перло драгоцѣнно
Лелѣелъ и хранилъ, чтобъ искренно любилъ;
Но чтобы въ сей любви искалъ, безъ уклоненья
Лишь честной истинны да совѣсти служенья
И духъ Твой въ симъ Царѣ трудящимся почтилъ!

«Уразуми его—чтобъ онъ народность свято
Хранилъ и развивалъ то чувство впрямь богато,
Которое «въ себѣ собой» лишь всё живитъ;
Что уважаетъ всѣ народы, но прямою
Здѣсь цѣлью ставитъ бытъ свой—жизнью родовою
Отцовъ завѣщанъ ей и лишь о нёмъ болитъ;

«Благослови его—тебѣ всегда молиться,
Любить Царя, страну. къ наукамъ устремиться,
Но на основахъ лишь народности живой;
А пусть и эта пѣснь—гдѣ тройственно начало
Ему дано теперь — пребудетъ какъ зерцало
Всѣхъ добрыхъ чувствъ его...Услышь насъ съ сей мольбой!

«Пѣснь кончена и звукъ послѣдній замираетъ!
Лампадка (давняя сопутница) бросаетъ
Послѣдній слабый лучъ, видѣнья унеслись;
Наитный Ангелъ думъ уста мои смыкаетъ
И золотую дверь прозрѣнья закрываетъ,
Пѣснь кончена и всѣ желанія сбылись!

«Но передъ этою живой и впрямь родною
Картиной Ру́си — я, съ поникшей головою,
Въ раздумьи тягостномъ невольно возстаю
И вопрошаю: «гдѣ твой путь, о трудъ высокій,
Въ которомъ вложенъ смыслъ столь родственно-глубокій,
Гдѣ мѣту я сыщу желанную твою?

«Тамъ—на Святой Ру́си—гдѣ этотъ православный
Народъ отечество любить умѣетъ, давній
Гдѣ Божій страхъ въ сердцахъ незыблимо живётъ,
Гдѣ наша старина сочувственна доселѣ,
Гдѣ славы русскія намъ до́роги....тамъ—къ цѣли
Народный трудъ сей, какъ по мысли всѣмъ, придётъ!

«Пѣснь кончена! Труды, благія помышленья,
Молитвы тёплыя, живыя единенья
Со всѣмъ народнымъ — всё днесь кончено и сонъ!
Благословенъ Господь! Который избираетъ
Насъ и къ служенію такому призываетъ,
Благословенъ — во всёмъ, всегда и всюду Онъ!»

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Соборъ Св. Апостоловъ Петра и Павла, въ Петербургской крѣпости, основанъ Петромъ Великим въ 1703 году сперва деревянный; но 30 мая 1712 г. заложенъ каменный и освященъ 28 Іюня 1733 г. уже при Аннѣ Іоанновнѣ. Колокольня его въ 57 саженъ вышины, первая во всей Россіи. Подъ шпилемъ часы съ курантами. Въ склепѣ сего собора лежатъ всѣ вѣнценосцы съ Петра Великаго до Николая I (1725—1855) кромѣ Петра II, лежащаго въ Москвѣ. Кромѣ сего, многіе изъ особъ Императорскаго Дома, а съ 1865 года, Государь Наслѣдникъ Цесаревичь Николай Александровичъ.
2. По тремъ стѣнамъ собора поставлено большое число знаменъ Турецкихъ, а гробница Петра Великаго осѣнена Турецкимъ флагомъ, взятымъ Графомъ Орловымъ Чесменскимъ въ Чесменской битвѣ. Кромѣ сего тутъ много знаменъ Прусскихъ, Польскихъ, орловъ Французскихъ и ключи Варшавы, взятые въ 1794 г. Суворовымъ.
3. Ботикъ, извѣстный подъ названіемъ «дѣда русскаго флота», хранится въ каменной палаткѣ подлѣ собора. Онъ найденъ Петромъ Великимъ въ 1691 г. въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ (гдѣ нынѣ Военная Богадѣльня) и подалъ ему первую мысль объ учрежденіи флота.
4. Александровская колонна, въ честь Императора Александра I Благословеннаго, сооружена по проекту архитектора Монферрана и освящена 30 Августа 1834 года.

5. Въ день 25 Декабря «Воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ».
6. Зимній дворецъ, сооруженъ по проекту знаменитаго архитектора Графа Растрелли. Начатъ въ 1741 г. при Елисаветѣ I, а оконченъ лишь въ 1764 г. при Екатеринѣ II. 17 Декабря 1837 г. онъ сгорѣлъ, но возобновленъ съ большимъ великолѣпіемъ и освященъ въ первый день Св. Пасхи 1839 г. Длина его 104 сажени, а ширина 80.
7. Военно-портретная галлерея лицъ, учавствовавшихъ въ генеральскихъ чинахъ въ походахъ 1812—1815 годовъ.
8. Конная статуя Петра Великаго, проектированная Фальконетомъ, стоитъ на скалѣ изъ финскаго гранита. Освящена 7 Августа 1782 года.
9. Правительствующій Сенатъ, учрежденъ 22 февраля 1711 г.
10. Святѣйшій Правительствующій Синодъ, учрежденъ 25 Января 1721 г.
11. Исакіевскій соборъ, основанъ Петромъ Великимъ въ память дня его рожденія (30 Мая) въ 1710 г. сперва деревянный. Въ 1727 г. Екатерина I соорудила вмѣсто его, небольшой каменный. Въ 1768 г. Екатерина II основала новый, великолѣпный изъ Сибирскаго и Финляндскаго мрамора, освященный въ 1801 г. при Александрѣ I. Потомъ, при Николаѣ I составленъ дополнительный проектъ (26 Іюня 1819 г. на мѣстѣ разобраннаго Екатерининскаго, положенъ первый камень новаго) и доконченъ архитекторомъ-Монферраномъ. Освященъ соборъ 30 Мая 1858 г.
12. Адмиралтейство, основано Петромъ Великимъ въ 1704 г. Сооружено въ нынѣшнемъ его видѣ при Александрѣ I.
13. Начатъ при Александрѣ I, оконченъ при Николаѣ I.
14. Памятникъ Николаю I, освященъ 25 Іюня 1859 г.
15. На шпицѣ башни Главнаго Адмиралтейства золотой корабль, подаренный Петру Великому городомъ Амстердамомъ.

16. Домикъ Петра Великаго, на Петербурской сторонѣ близъ крѣпости. Онъ былъ выстроенъ для Петра, почти съ самыхъ первыхъ дней основанія Петербурга и накрытъ теперь каменной палаткой.
17. Николаевскій постоянный желѣзный мостъ черезъ Неву, открытъ 21 Ноября 1850 г.
18. Образъ Нерукотвореннаго Спаса въ кіотѣ, тотъ самый, который находился съ Петромъ Великимъ во всѣхъ его походахъ и подъ Полтавой. Многіе болящіе притекаютъ къ нему съ молитвами о помощи.
19. Первоначально, Троицкій соборъ построенъ Петромъ Великимъ въ 1703 г. въ память основанія Петербурга въ Тройцынъ день. Въ послѣдствіи, уже при Елисаветѣ I, обновленъ и освященъ въ 1746 г. Но послѣ пожара 1756 г. перебранъ опять. Въ этомъ соборѣ Петръ Великій самъ пѣлъ на клиросѣ.
20. Троицкая площадь находится нынѣ между Петровской и Дворянской улицами, на Петербургской сторонѣ. Тутъ Петръ Великій любилъ справлять свои народные праздники и торжества «викторій», т. е. послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ.
21. «Ассамблеи», то есть увеселительныя собранія, въ которыя кромѣ дворянства приглашались купечество и иностранцы, учреждены Петромъ Великимъ съ цѣлью сблизить разные слои русскаго общества.
22. Нынѣшняя Биржа построена по проекту архитектора Гваринъи и освящена въ 1811 г.
23. I-й Кадетскій корпусъ, учрежденъ 12 Мая 1732 г.
24. Обелискъ «побѣдамъ Румянцева» воздвигнутъ ему Павломъ I въ 1799 г. и поставленъ первоначально на Царициномъ лугу. Но въ 1820 г. перенесенъ на нынѣшнее мѣсто противъ 1-го Кадетскаго Корпуса, потому что въ немъ воспитанъ Румянцевъ. Зданіе этого Корпуса замѣчательно тѣмъ, что было собственнымъ домомъ Генералиссимуса Князя Меньщикова.
25. Графъ Ангальтъ-Цербскій (двоюродный братъ Императрицы Екатерины II) былъ въ ея царствованіе Директоромъ 1-го Кадетскаго Корпуса и извѣ-

стенъ какъ лучшій и просвѣщеннѣйшій изъ педагоговъ тогдашней Европы.

26. Напримѣръ—подъ «именемъ muraille parlante» (говорящая стѣна) онъ въ Корпусномъ саду приказалъ сдѣлать на садовой каменной стѣнѣ надписи изъ изрѣченій знаменитыхъ историковъ, философовъ, поэтовъ; для того, чтобы кадеты, гуляя и играя въ саду, невольно прочитывали ихъ и чтобы такимъ образомъ это врѣзывалось имъ въ память.

27. Нынѣшнее преобразованіе Военно-Учебныхъ заведеній именно въ этомъ направленіи предпринято.

28. Академія Наукъ учреждена по мысли Петра Великаго и по проекту Лейбница въ 1718 г., но первое публичное ея засѣданіе происходило уже послѣ смерти Петра, а именно 27 Декабря 1725 г. Первымъ Президентомъ ея былъ Лейбъ-Медикъ Блюментростъ.

29. Музеи Академіи Наукъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Азіятскій, Египетскій, Минцъ-Кабинетъ, Анатомическій, Ботаническій, Минералогическій, Этнографическій и Зоологическій. Сверхъ сего состоятъ при Академіи: Библіотека, Обсерваторія, Лабораторія, Типографія и мастерская.

30. «Кабинетъ Петра Великаго» состоитъ изъ трехъ комнатъ, въ которыхъ хранится до 1588 вещей, ему принадлежавшихъ.

31. Петербургскій Университетъ основанъ въ 1819 году и помѣщается съ 1838 г., въ такъ называемомъ зданіи «XII коллегій», начатомъ еще при Петрѣ Великомъ въ 1724 г. для помѣщенія въ немъ присутственныхъ мѣстъ.

32. Академія Художествъ основана первоначально 6 Ноября 1757 г., а учреждена окончательно 4 Ноября 1764 г. Зданія ея начаты въ томъ же году, по проекту архитектора Кокорина. Академическая церковь окончена уже въ 1837 году.

33. Набережная противъ Академіи Художествъ украшена колоссальными Египетскими сфинксами, которые изсѣчены изъ крѣпчайшаго гранита слишкомъ за 2700 лѣтъ до Р. Х. въ честь Египет-

скаго Фараона (царя) Аменифа III и покрыты іероглифами. Они куплены извѣстнымъ путешественникомъ Норовымъ, въ бытность его въ Нубіи, а находились въ «стовратныхъ» Ѳивахъ.

34. Знаменитая картина академика Бруни «моленіе о чашѣ» находится въ академической церкви.

35. Картина геніальнаго Брюллова «послѣдній день Помпеи» куплена первоначально А. Н. Демидовымъ, который въ послѣдствіи подарилъ ее Академіи Художествъ.

36. Первое основаніе Морскому Кадетскому Корпусу положено Петромъ Великимъ въ 1709 г. подъ именемъ «Навигаціонной школы.» При Елисаветѣ I онъ учерждёнъ окончательно 15 Декабря 1752 г.

37. При осадѣ Севастополя, въ 1854—1855 годахъ.

38. Барельефъ мраморный, академика Витали, на боковомъ фронтонѣ Исакіевскаго собора (Ѳеодосій Великій, благословляемый Св. Исаакіемъ Далматскимъ), одно изъ изящнѣйшихъ произведеній современнаго рѣзца.

39. Станиславъ-Августъ Понятовскій «послѣдній» король польскій, умершій въ Петербургѣ 1 Февраля 1789 г.

40. Знаменитый французскій генералъ Моро, умершій отъ ранъ 2 Сентября 1813 года.

41. Казанскій соборъ заложенъ въ 1802 г. по проекту архитектора Воронихина, освященъ 15 Сентября 1811 года. Въ немъ множество трофеевъ 1812—1815 годовъ: 107 знаменъ и орловъ, Маршальскій жезлъ Даву и ключи Парижа, равно какъ и всѣхъ завоеванныхъ въ 1813 и 1814 годахъ крѣпостей и городовъ.

42. Кутузовъ покоится подъ сѣнью трофеевъ 1812—1815 годовъ, внутри Казанскаго собора. Надъ нимъ вдѣлана въ стѣнѣ мраморная доска, съ надписью.

43. Иконостасъ главнаго алтаря сдѣланъ изъ серебра, пожертвованнаго Войскомъ Донскимъ и отбитаго у Французовъ при бѣгствѣ ихъ изъ Россіи. Его было до 40 пудовъ. Въ 1830 г. прибавлено къ этому еще 60 пудовъ. Проектъ составилъ архитекторъ Тонъ.

44. Чудотворная Икона Казанской Божіей Матери, перенесена изъ Казани въ Москву въ 1579 г. при Іоаннѣ IV. Въ 1721 г. Петръ Великій перенесъ ее въ Петербургъ.
45. Чудотворная Икона Смоленской Божіей Матери, именуемая «Одигитріей», т. е. «Путеводительницей», находящаяся донынѣ въ Смоленскѣ. Она сопуствовала арміи, съ самаго взятія Смоленска Французами и до изгнанія ихъ изъ Россіи.
46. Надъ западными вратами главнаго алтаря.
47. Колоссальныя бронзовыя изображенія, украшающія главный порталъ. Кромѣ ихъ, тутъ еще Архангелы: Михаилъ и Гавріилъ.
48. Статуи фельдмаршаловъ: Кутузова и Барклая, поставлены на площади противъ собора и торжественно открыты 29 Декабря 1837 года.
49. Публичная Библіотека основана въ 1795 г.
50. Александринскій, построенный въ 1832 году.
51. На Аничковскомъ мосту, работы знаменитаго ваятеля Барона Клодта.
52. Баронъ Клодтъ, воспитанъ со мной въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ въ Петербургѣ и выпущенъ въ 1825 г. въ Учебную Артиллерійскую Бригаду. Призваніе къ ваянію развилось въ немъ уже въ послѣдствіи.
53. Статуя Крылова въ Лѣтнемъ Саду,
54. Статуя Суворова, у Царицына луга, поставлена въ 1802 году.
55. Морской Богоявленскій-Николаевскій соборъ на Никольской площади, начатъ въ 1753 г., освященъ въ 1762 г.
56. Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы, полковая церковь Л. Г. Семеновскаго полка, сооружена въ 1842 г. по проекту архитектора Тона.
57. Соборъ Животворящей Тройцы, полковой Л. Г. Измайловскаго полка, начатъ въ 1828 г. по проекту архитектора Стасова, освященъ 25 Мая 1835 года.
58. На мѣстѣ нынѣшняго Преображенскаго всей Гвардіи Собора, были въ первой половинѣ XVIII столѣтія такъ называемыя «свѣтлицы», т. е. ка-

зармы Л. Г. Преображенскаго полка, построенныя при Императрицѣ Аннѣ. Здѣсь ночью на 25 Ноября 1741 г. офицеры и солдаты сего полка первые присягнули Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ и отсюда отправилась она во дворецъ для взятія подъ стражу Правительницы. Въ память этого событія, Императрица Елисавета I заложила Соборъ Преображенья въ 1754 году. Въ 1825 г. онъ сгорѣлъ, но реставрированъ вновь по чертежамъ архитектора Стасова въ 1829 г.

59. Внутри собора размѣщены по стѣнамъ знамена, бунчуки и ключи крѣпостей, трофеи Турецкихъ компаній 1828—1829 годовъ.

60. Пушки, взятыя изъ Варны, предназначены были сперва для памятника, который предполагалось воздвигнуть въ Варшавѣ Польскому Королю Владиславу, погибшему подъ Варной. Но въ послѣдствіи онѣ привезены въ Петербургъ и поставлены кругомъ Преображенскаго собора.

61. Кульмскій кубокъ поднесенъ былъ Богеміей Графу Остерману-Толстому, въ память Кульмской битвы въ 1813 г. и принесенъ имъ въ даръ собору.

62. Таврическій дворецъ построенъ Княземъ Потемкинымъ, по проекту архитектора Старова.

63. Карамзинъ умеръ въ Таврическомъ дворцѣ 23 Мая 1826 года.

64. Соборъ Воскресенія Христова, всѣхъ Учебныхъ Заведеній, въ Смольномъ монастырѣ—начатъ по проекту знаменитаго архитектора Графа Растрелли въ 1751 г. и оконченъ лишь въ 1835 г. Онъ вышиной до 45 саж. (стало быть выше Ивана Великаго въ Москвѣ) и можетъ вмѣщать до 6000 человѣкъ.

65 Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ Смольномъ монастырѣ, находится «Воспитательное общество Благородныхъ Дѣвицъ», учрежденное по проекту знаменитаго филантропа Бецкаго въ 1764 г. Мать моя, Марія Никитична (изъ Бѣлорусскаго дворянскаго дома Черняевыхъ), воспитана въ Смольномъ монастырѣ.

66. Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

67. Церковь Самсонія Страннопріимца, заложена Петромъ Великимъ въ 1711 г. въ память дня Полтавской битвы и первоначально деревянная; но въ 1728 г. начата каменная и окончена въ 1740 г. Тутъ, въ церковной оградѣ, лежатъ въ общей могилѣ: Волынскій, Еропкинъ и Хрущёвъ, казненные 27 Іюня 1740 г. по настоянію Бирона.
68. Я воспитался въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ, въ Петербургрѣ, 1823—1826 г.
69. Въ 1704 г. Петръ Великій, посѣтивъ урочище «Виктори», покрытое тогда болотами и лѣсами, простиравшимися до нѣнышней Петербургской крѣпости, вознамѣрился основать тутъ обитель во имя Св. Великаго Князя Александра Невскаго. Въ 1710 г. воздвигнутъ былъ сперва тутъ простой деревянный крестъ; а 25 Марта 1713 г. уже освящена и первая церковь (деревянная) во имя Благовѣщенья Богородицы. Съ тѣхъ поръ началось постепенное устройство и расширеніе самаго монастыря. Мѣсто же это названо «виктори» (побѣда) потому, что тутъ по преданію (при впаденіи Черной рѣки въ Неву) Великій Князь Александръ Невскій одержалъ 15 Іюня 1241 г. побѣду надъ соединенными Шведскими и Датскими войсками, которыми предводительствовалъ Шведскій Король.
70. Троицкій соборъ построенъ при Екатеринѣ II, по проекту архитектора Старова и освященъ 30 Августа 1790 г. Въ немъ покоятся за правымъ клиросомъ мощи Св. Александра Невскаго (еще въ 1724 г. перенесенныя Петромъ Великимъ изъ Владиміра) въ ракѣ, устроенной Императрицей Елисаветой I изъ перваго добытаго въ Сибири серебра (на Колыванско-Алтайскихъ заводахъ, въ Томской губерніи).
71. Надъ ракой Св. Александра Невскаго виситъ на Георгіевской лентѣ ключъ Адріанополя, безсмертный трофей 1829 г.
72. Благовѣщенскій соборъ сооруженъ еще при Петрѣ Великомъ и освященъ 24 Марта 1725 г. Подъ сводами его покоятся многія особы Царскаго

семейства и лица, прославившія себя на разныхъ поприщахъ заслугъ отечеству.

73. На простой бронзовой доскѣ. Эта лаконическая надпись была сдѣлана имъ самимъ передъ смертью.
74. Воспитатель Императора Павла I.
75. Убитый въ день мятежа 14 Декабря 1825 г. въ Петербургѣ.
76. Составитель «Свода Законовъ» и Сибирскаго Учрежденія.»
77. Побѣдитель Фридриха Великаго.
78. Покоритель Крыма.
79. Князь Яковъ Ѳедоровичъ, знаменитый своей правдивостью, другъ и современникъ Петра Великаго.
80. Подобно Благовѣщенскому собору, церковь Св. Лазаря построена тоже при Петрѣ Великомъ и освящена въ 1718 г. Она, какъ и Благовѣщенскій соборъ, служитъ усыпальницей для многихъ знаменитыхъ лицъ.
81. Памятникъ надъ поэтомъ Ломоносовымъ, воздвигнутъ Графомъ М. И. Воронцовымъ.
82. Графъ П. И. Шуваловъ, другъ и покровитель Ломоносова.
83. Знаменитый фельдмаршалъ, другъ и сподвижникъ Петра Великаго, Графъ Б. П. Шереметевъ.
84. Адмиралъ Чичаговъ, побѣдитель Шведовъ.
85. На памятникѣ Карамзину надпись: «Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога ўзрятъ.»
86. Переводчикъ Гомера.
87. Памятникъ Крылову воздвигнутъ (какъ и статуя его въ Лѣтнемъ саду) по національной подпискѣ.
88. Кронштадтъ заложенъ Петромъ Великимъ въ 1710 г.
90. Бронзовая статуя Петра Великаго, поставленная на набережной въ виду моря.
91. Петергофъ основанъ въ 1711 г. Петромъ Великимъ.
92. Ораніенбаумъ построенъ въ 1714 г. Княземъ Меньщиковымъ Здѣсь можно бы устроить превосходную купеческую гавань.
93. Гатчина существовала въ видѣ мызы еще во времена господства здѣсь Шведовъ. Въ послѣдствіи Павелъ I украсилъ ее и устроилъ.
94. Лѣтній лагерь Гвардейскаго корпуса.

95. Стрѣльна, основана въ 1711 г. по образцу Версальскаго дворца и чертежамъ архитектора Леблонда.
96. До 1780 г. Павловскъ былъ небольшимъ селеніемъ. Въ этомъ году начато сооруженіе дворца.
97. Царское Село, бывшая финская мыза «Саари», начато постройкой еще съ 1710 г., но украшено уже при Екатеринѣ II. Церковь Св. Софіи сооружена по образцу Константинопольской.
98. Близъ финскаго залива, въ 15 верстахъ отъ Петербурга. Въ 1734 г. построена тутъ первая деревянная церковь, а сто лѣтъ спустя въ 1836 г. Сергіевская обитель возведена въ I классъ.
99. Чесма сооружена по чертежамъ архитектора Фельтена, при Екатеринѣ II. Съ 1830 г. этотъ дворецъ обращенъ въ «Военную Богадѣльню», которая и открыта въ 1836 году.
100. Николаевская въ Москву.
101. До Варшавы и Прусской границы. А нынѣ приступлено къ постройкѣ и южной отъ Москвы черезъ Кіевъ до Одессы.
102. Главная астрономическая обсерваторія на Пулковской горѣ, начата сооруженіемъ въ 1844 г.
103. При въѣздѣ изъ Москвы, въ память компаній 1826—1831 г. въ Персіи, Турціи и Польшѣ. Начата въ 1833 г., окончена въ 1838 г. по проекту архитектора Стасова.
104. Въ Петербургской крѣпости.

---

105. Рыбацкая слобода основана Петромъ Великимъ и населена выходцами съ Оки. Здѣсь родился и жилъ сельскій поэтъ-крестьянинъ Ѳ. Слѣпушкинъ.
106. На мѣстѣ, называемомъ «Красныя Сосны», на коемъ, по преданію, отдыхалъ Петръ Великій (когда онъ осаждалъ Шлиссельбургъ), сооружена въ 1845 г. пирамида усердіемъ крестьянъ Спиридоновыхъ (села Путилова, Шлиссельбургскаго уѣзда).
107. Шлиссельбургъ (по русски «Орѣшекъ») основанъ Новгородцами во время похода ихъ противъ Шведовъ въ 1323 г. Въ послѣдствіи онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, то къ русскимъ, то къ

Шведамъ и окончательно взятъ Петромъ Великимъ штурмомъ 14 Октября 1702 г. Въ Шлиссельбургской крѣпости содержался несчастный Императоръ Іоаннъ VI Антоновичъ и убитъ здѣсь въ ночи на 5 Іюля 1764 г. въ заговоръ Мировича.

108. Трагедія Шекспира «Рачардъ III.»

109. Кошкинскій маякъ возвышается на 15 саженъ надъ поверхностью Ладожскаго озера, на мысу при входѣ въ оное.

110. Валаамская пустынь, на острову Ладожскаго озера, въ 40 верстахъ отъ города Сердоболя, основана, какъ полагаютъ, ранѣе 960 г. Житіе ея основателей, Св. Сергія и Германа, относятъ ко временамъ Св Ольги. Мощи Преподобныхъ были (по Софійской Новгородской Лѣтописи) обрѣтены и принесены въ Новгородъ въ 1371 г.

111. Преданіе о Шведскомъ Королѣ Магнусѣ, будто бы здѣсь постригшемся, очень древнее и тѣмъ болѣе странное, что по Шведскимъ Лѣтописцамъ Король Магнусъ II утонулъ у береговъ Норвегіи въ 1372 г. Однако надпись на плитѣ подновляютъ и доселѣ.

112. Св. Александръ Свирскій (по преданію изъ Новгородскаго боярскаго дома Завалишиныхъ) долго спасался въ пещерѣ на Валаамѣ. Въ послѣдствіи онъ основалъ Свирскій монастырь (нынѣ въ Олонецкой губерніи) въ 6 верстахъ отъ рѣки Свири, на берегу озера Рощинскаго. Это было въ 1487 году.

113. Петрозаводскъ основанъ Петромъ Великимъ, по пріисканіи здѣсь богатой желѣзной руды. На «Марціяльныхъ» (минеральныхъ) водахъ сохранились еще дубы, имъ посаженные.

114. Ломоносовъ родился въ Куростровской волости (сынъ казеннаго крестьянина), близъ города Холмогоръ.

115. Бронзовая статуя Ломоносова, поставлена въ Архангельскѣ въ 1833 году.

116. Петръ Великій, застигнутый въ 1694 г. бурей на морѣ въ переѣздъ изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь, благополучно присталъ къ берегу

у Пертоминскаго монастыря и поставилъ тутъ собственными руками огромный деревянный крестъ съ Голландской надписью: «dat cruys maken Captein Piter van a Cht. 1694.» Въ 1806 г. этотъ крестъ перенесенъ въ Архангельскій соборъ.

117. Знаменитая Соловецкая обитель, основана въ 1419 г. св. Савватіемъ и Германомъ. Въ послѣдствіи прибылъ къ нимъ и св. Зосима.

118. 6 и 7 Іюля 1854 г. при бомбардированіи Соловецкаго монастыря, Англо-Французской эскадрой.

119. По сказанію Архимандрита Досиѳея (описаніе Соловецкаго монастыря, изд. въ 1836 г.) Палицынъ скончался на Соловкахъ въ 1627 г. Изъ грамоты царя Михаила Ѳедоровича къ Игумену Макарію въ томъ же году, явствуетъ, что великій старецъ былъ «посланъ» на Соловки. Въ этой грамотѣ замѣчательно выраженіе: «похоронить его съ прочей братіей», т. е. не отличить его ничѣмъ отъ другихъ.

120. Пожарскій, по дѣлу о мѣстничествѣ съ Салтыковымъ былъ «выданъ ему головою.»

121. Спаситель Россіи, юный князь Скопинъ-Шуйскій, отравленъ, какъ повѣствуетъ преданіе, на пиру у князя Андрея Шуйскаго, 23 Апрѣля 1610 г. женой его, дочерью злодѣя Малюты Скуратова.

122. Архимандрита Діонисія, знаменитаго защитника Троицкой Лавры въ осаду 1609—1610 гг. морили шесть недѣль «на палатяхъ въ дыму», будто бы по дѣлу о расколѣ.

123. Въ 1858 г.

124. 17 Апрѣля празднуется память Св. Зосимы, Соловецкаго Чудотворца.

125. «За переходъ черезъ Торнео.» Серебряная медаль, съ вензелемъ Императора Александра I, для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ.

126. 28 и 29 Іюля 1855 года.

127. Колокольня Св. Олая въ Ревелѣ, одно изъ высочайшихъ зданій въ Россіи.

128. Прославленные побѣдами фельдмаршала Шереметева надъ Шведами въ 1707 г.

129. Дерптскій Университетъ, основанъ знаменитымъ

Шведскимъ Королемъ Густавомъ-Адольфомъ.

130. На площади въ Дерптѣ.

131. Нарва основана въ 1219 г. Датскимъ Королемъ Вольдемаромъ II и взята штурмомъ Петромъ Великимъ 9 Августа 1704 г.

132. Иванъ-городъ основанъ Іоанномъ III въ 1492 г. противъ Нарвы, на правой сторонѣ Наровы.

133. Троицкій Псковскій соборъ, который Псковичи называли «Домъ Тройцы», основанъ въ 965 г. деревянный, а съ 1137 г. каменный.

134. Св. Князья Всеволодъ и Довмонтъ.

135. Надъ гробницей Св. Князя Всеволода Мстиславича (храмоздателя сего собора) виситъ его мечъ широкій и обоюду-острый въ $1^1/_2$ аршина длины, съ латинской надписью на рукояти: «Honorem meum nemini dabo», т. е. «чести своей никому не отдамъ.»

136. Въ память осады Пскова, Польскимъ Королемъ Стефаномъ Баторіемъ, въ 1581 г.

137. Убитый здѣсь въ 1812 году.

138 «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», извѣстное стихотвореніе Жуковскаго.

139. «Рюриковъ зàмокъ» въ 12 верстахъ отъ г. Новой Ладоги, основанъ Рюрикомъ въ 862 г. и названъ «Альдейгоборгъ.» Стѣны и башни еще хорошо сохранились, на лѣвой сторонѣ Волхова при устьѣ рѣчки Ладожки.

140. Пушкинъ убитъ на дуэли въ 1837 г. Онъ похороненъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ 40 верстахъ отъ города Опочки (въ Псковской губерніи). Сія обитель основана въ 1569 г.

141. Подписка на сооруженіе статуи Пушкина, открыта въ Россіи въ 1862 г.

142. Въ 1478 г. при Іоаннѣ III.

143. Внутри средняго большаго купола, на сводѣ, изображенъ Вседержитель съ сжатою десницею вмѣсто благословляющей. Вторая Новгородская лѣтопись повѣствуетъ подъ 1050 годомъ, что иконописцу, писавшему сей образъ, послышался невидимый гласъ: «писари! писари, о писари! не пишите меня съ отверзтою рукою, а съ сжатою,

въ рукахъ моихъ я держу Новгородъ; если рука моя разогнется, то будетъ и конецъ Новгороду!»

144. Св. Софія Новгородская, сооружена первоначально деревянная въ 992 г. изъ дубоваго лѣса, съ 1045 г. начата каменная.

145. Софіи Премудрости Божіей, въ главномъ иконоставѣ. Сія икона прислана сюда по преданію Св. Равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ.

146. Св, Никиты, Епископа Новгородскаго.

147. Князь Мстиславъ Ростиславичъ, прозванный «Храбрымъ», внукъ Владиміра Мономаха.

148. Св. Князь Владиміръ Ярославичъ, сынъ В. К. Ярослава I Владиміровича, храмоздатель нынѣшняго Софійскаго собора Онъ скончался 4 Октября 1052 г. Близъ него и мощи его матери, Великой Княгини Анны (Ингегерды, дочери Шведскаго Короля Олая I). Она скончалась въ 1051 г. Наканунѣ открытія «Памятника Тысячелѣтія» въ Новгородѣ, то есть 7 Сентября 1862 г. мощи Св. Князя Владиміра и матери его Св. Княгини Анны, были торжественно переложены изъ ветхихъ ракъ въ новыя серебряныя, нарочно къ сему празднеству сооруженныя.

149 Князь Ѳедоръ Ярославичъ, старшій братъ Св. Александра Невскаго. Онъ умеръ внезапно, въ самый день своего брака. Мощи его перенесены сюда изъ Юрьева монастыря.

150. Въ Спасской башнѣ. Тутъ же находится чтимый народомъ колодезь.

151. Раздѣляемыя рѣкой Волховомъ. На Волховскомъ мосту часто, во время домашнихъ усобицъ, жители Софійской и Торговой сторонъ вступали въ бой. Съ Волховскаго моста свергали въ рѣку убиваемыхъ Новгородцевъ, во время погрома Новгорода Іоанномъ IV, 2 Февраля 1570 г.

152. Близъ Николаевскаго собора, построеннаго на мѣстѣ «Ярославова двора.» Это мѣсто древняго Вѣче. Впрочемъ вѣче собиралось иногда и близъ Св. Софіи (но это происходило только при избраніи новаго Архіепископа).

153. По проекту архитектора Мекешина. Онъ воздви-

гнутъ противъ Св. Софіи и освященъ торжественно въ день «тысячелѣтія» 8 Сентября 1862 г.

154. Въ Сентябрѣ 1826 г. я посѣщалъ домъ Марѳы Борецкой, тогда еще хорошо сохранившійся.

155. Юрьевъ монастырь въ 3 верстахъ отъ Новгорода, основанъ въ 1030 г. В. К. Ярославомъ Владиміровичемъ. Онъ богато одаренъ и украшенъ Графиней А. А. Орловой Чесменской, которая тутъ и похоронена съ знаменитымъ отцомъ своимъ А. Г. Орловымъ, героемъ Чесменскаго боя.

156. В. К. Димитрій Юрьевичъ, прозванный «Шемякой, внукъ Донскаго, послѣдній изъ Удѣльныхъ Князей, боровшихся за свою независимость.

157. Хутынскій монастырь въ 10 верстахъ отъ Новгорода, основанъ въ концѣ XII вѣка Преподобнымъ Варлаамомъ.

158. Державинъ скончался въ 1816 г. и лежитъ въ придѣлѣ Преображенья.

159. Тихвинскій монастырь (въ городѣ Тихвинѣ) основанъ на мѣстѣ явленія иконы Пресвятой богородицы, именуемой «Тихвинской» въ 1556 г. По преданію, Св. Икона сія писана Евангелистомъ Лукой и до взятія Турками Константинополя находилась въ Влахернской церквѣ, а въ предѣлахъ Новгородскихъ явилась въ 1383 г. Она находится нынѣ въ Успенскомъ соборѣ.

160. Иверскій Святоозерскій монастырь подлѣ города Валдая на островѣ Валдайскаго озера, основанъ въ 1652 г. Патріархомъ Никономъ. Тутъ въ Успенскомъ соборѣ находится списокъ съ чудотворной Иконы Иверской Божіей Матери, принесенной съ Аѳонской горы въ 1648 году.

161. Нилова пустынь, въ 7 верстахъ отъ города Осташкова на островѣ озера Селигера, простонародно называемымъ «Столбнымъ», основана Преподобнымъ Ниломъ, тутъ поселившимся въ 1528 г. и скончавшимся въ 1555 г.

162. Надъ истокомъ Волги, изъ болота въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, сооружена часовня.

163. Вмѣсто стараго Ладожскаго канала, начатаго Петромъ Великимъ, предпринятъ нынѣ новый.
164. Желтиковъ-Успенскій монастырь, основанъ въ 1394 г. Св. Арсеніемъ Епископомъ Тверскимъ, въ 4 верстахъ отъ Твери въ сосновомъ бору́ на берегу рѣчки Тьмаки.
165. Отрочь-Успенскій монастырь въ Твери, на самомъ устьѣ рѣки Тверцы, при впаденіи ея въ Волгу, основанъ въ 1265 г. при В. К. Ярославѣ III, любимымъ отрокомъ его Григоріемъ.
166. Знаменитый обличитель Іоанна Грознаго, Св. Митрополитъ Филиппъ (изъ дворянскаго дома Колычевыхъ), задушенъ въ кельѣ Отроча-монастыря 9 Января 1570 г. Нынѣ въ этой кельѣ устроена церьковка.
167. Тверской Преображенскій соборъ основанъ въ 1285 г. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Великаго Князя Михаила, замученнаго въ Ордѣ въ 1320 г.
168. Великая Княгиня Екатерина Павловна, Королева Виртембергская.
169. Клинъ (нынѣ уѣздный городъ Московской губерніи, въ 81 верстѣ отъ Москвы) былъ родовымъ помѣстьемъ Бояръ Романовыхъ, которыхъ древнія палаты въ Москвѣ возобновлены въ 1858 г.
170. Въ Петровскомъ дворцѣ, при въѣздѣ въ Москву отъ Твери, жилъ Наполеонъ въ 1812 г., выѣхавши сюда изъ Московскаго Кремля во время пожара.
171. У Тверскихъ воротъ.
172. Образъ Нерукотвореннаго Спаса, надъ Спасскими вратами чудотворный. Въ 1812 г., когда Французы подорвали порохомъ во многихъ мѣстахъ Кремль, сей образъ уцѣлѣлъ чудеснымъ образомъ, хотя башня была повреждена взрывомъ.
173. Архангельскій соборъ, основанъ первоначально Великимъ Княземъ Іоанномъ Даниловичемъ Калитою; а потомъ перестроенъ Іоанномъ III въ 1505 году́. Возобновленъ при Екатеринѣ II и окончательно освященъ послѣ нашествія Французовъ (1 Февраля 1813 г). Въ немъ почиваютъ мощи Св. Царевича Димитрія, Великаго Князя

Михаила и Боярина его Θеодора Черниговскихъ Чудотворцевъ; всѣ Великія Князья отъ Калиты до Іоанна III, всѣ Цари и Императоръ Петръ II. Есть еще гробницы безъ надписей, съ неизвѣстными въ нихъ похороненными лицами.

174. Потому что передъ смертью постригся въ монахи.
175. Царевичъ Іоаннъ.
176. На гробницѣ Императора Петра II начертанъ стихъ Пророка Іереміи: «разсыпася радость сердецъ нашихъ, обратися въ плачь веселіе наше, горе яко согрѣшихомъ!»
177. Благовещенскій соборъ (считавшійся придворнымъ съ самаго его основанія и оставшійся таковымъ доселѣ), основанъ В. К. Василіемъ Димитріевичемъ въ 1397 г. Перестроенъ Іоанномъ IV въ 1484 г., потомъ возобновленъ въ 1770 г., а наконецъ отдѣланъ еще разъ послѣ нашествія французовъ и освященъ въ 1813 г. Въ немъ совершались свадьбы, крестины и похороны особъ царскаго семейства.
178. Успенскій первопрестольный соборъ, заложенъ Св. Петромъ Митрополитомъ въ 1325 г., перестроенъ Іоанномъ III въ 1475—1479 гг., потомъ Екатериной II въ 1773 г., а наконецъ, подобно Архангельскому и Благовѣщенскому соборамъ, послѣ шестимѣсячнаго запустѣнія, при нашествіи Французовъ, отдѣланъ и освященъ вновь въ 1813 же году. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Митрополитовъ: Петра, Іоны, Филиппа, Θеогноста, Кипріяна и Фотія; покоятся всѣ Патріархи, кромѣ Никона, который лежитъ въ Новомъ Іерусалимѣ.
179. Владимірской Божіей Матери, принесенной изъ Владиміра въ Москву въ 1395 г. и писанной по преданію Евангелистомъ Лукою. Ей приписываютъ спасеніе Москвы, при нашествіи Тамерлана.
180. Θеодоръ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ, отецъ Царя Михаила, постриженный насильно при Борисѣ Годуновѣ, а въ послѣдствіи Патріархъ всея Руси.
181. Заморенный голодомъ Поляками въ 1611 г.
182. При Царѣ Василіѣ Шуйскомъ.
183. Написанъ на паперти, на стѣнѣ и съ отдален-

нѣйшихъ временъ предметъ особеннаго почитанія въ народѣ.

184. «Покрова на рву.» Соборъ сей построенъ Іоанномъ IV въ память взятія Казани и освященъ въ 1554 г. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Василія Блаженнаго, Христа-ради юродиваго, обличителя тираніи Грознаго.

185. Соборъ «Спаса на Бору», основанъ Калитой въ 1328 г. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Стефана Великаго, Пермскаго Епископа и просвятителя сей далекой страны, преставившагося въ 1396 г.

186. Колокольня, называемая простонародно «Иванъ-Великій», построена Годуновымъ въ 1600 г. Внизу, церковь во имя Преподобнаго Іоанна, списателя лѣствицы.

187. Чудовъ монастырь, каѳедральный Московской митрополіи, основанъ Св. Алексѣемъ Митрополитомъ въ 1365 г. Въ немъ былъ монахомъ Гришка Отрепьевъ, до бѣгства своего въ Польшу.

188. Св. Алексѣй преставился въ 1379 г.

189. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, родился въ Московскомъ Кремлѣ 17 Апрѣля 1818 г. и крещенъ у раки Св. Алексѣя,

190. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, прославившійся штурмомъ Бендеръ въ 1770 г. и усмиреніемъ Пугачевскаго бунта въ 1774 г. Скончался въ 1789 г.

191. Григорій Андреевичъ Спиридовъ, Адмиралъ, побѣдитель Турокъ, скончавшійся въ 1790 г.

192. Сія часовня построена въ 1666 г. Находящаяся въ ней чудотворная икона Иверской Божіей матери принесена изъ Грузіи.

193. У Спасскихъ воротъ. Построена супругой Донскаго въ 1389 г. Здѣсь похоронены всѣ Княгини, Великія княгини и Царицы (изъ Дома Рюриковичей и Романовыхъ) съ 1407 по 1731 г.

194. «Рождества Предтечи на Бору», извѣстная болѣе подъ именемъ Мученика Уара. Основана въ 1462 г. На этомъ мѣстѣ стоялъ домъ Св. Петра Митрополита и была первая соборная церковь рождающейся Москвы.

195. Боярскій домъ Романовыхъ, реставрированъ въ древнемъ видѣ въ 1858 г.
196. На Лобномъ мѣстѣ, происходили казни.
197. «Царь-пушка», вылитая по преданію при Іоаннѣ III, и «Царь-колоколъ», вылитый въ началѣ XVIII столѣтія, упавшій съ колокольни, при чемъ отбился у него край. Оба сіи «чуда старины» стоятъ въ Кремлѣ.
198. Древній тронъ Польскихъ Королей, вывезенъ изъ Варшавы въ Москву въ 1831 г. и поставленъ въ «Грановитой Палатѣ.»
199. Большой Кремлевскій дворецъ, оконченъ и освященъ въ 1849 г. Проектъ архитектора Тона.
200. Памятникъ Минину и Пожарскому, съ статуями ихъ и надписью: «гражданину Минину и Князю Пожарскому, благодарная Россія.» Поставленъ противъ Кремля и открытъ въ 1817 г.
201. Казанскій соборъ построенъ Княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, въ 1637 г. Казанская икона (Божіей Матери), въ немъ стоящая, находилась въ станѣ Пожарскаго, при взятіи имъ Москвы въ 1612 г.
202. Вмѣсто предполагавшагося на Воробьевыхъ горахъ, основанъ на мѣстѣ Алексѣевскаго монастыря и оконченъ нынѣ, снаружи.
203. Новоспасскій монастырь переведенъ изъ Кремля въ 1462 г. Въ Преображенскомъ соборѣ стоитъ икона Спаса съ Хлынова, чудотворная. Она принесена изъ города Хлынова (нынѣ въ Вятской губерніи) въ 1646 г. Въ этомъ монастырѣ былъ изстари родовой погребальный склепъ Бояръ Романовыхъ и многихъ изъ ихъ родственниковъ, другихъ дворянскихъ фамилій.
204. Паперть сія замѣчательна древней исторической живописью. Тутъ вмѣстѣ съ русскими Царями, Святыми, лицами Ветхаго Завѣта изображенъ и Гомеръ.
205. Московскій Воспитательный Домъ, учрежденъ по мысли Бецкаго въ 1764 г. На дворѣ онаго, стоитъ бронзовый бюстъ учредителя.
207. Въ Китай-городѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сто-

ялъ домъ Романовыхъ. Сей монастырь основанъ въ 1683 г.

208 На Сухаревой башнѣ теперь резервуаръ Московскаго водопровода, а при Петрѣ Великомъ помѣщалась «Навигаціонная школа» и устроена была астрономическая обсерваторія ученымъ Брюсомъ, который досель слыветъ въ народѣ «чернокнижникомъ». Графъ Яковъ Виллимовичъ Брюсъ, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ, былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ своего времени и умеръ въ 1734 г.

209. Въ 1465 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно встрѣчали «басму», то есть изображеніе Хана, построена Іоанномъ III церковь и перестроена въ 1722 г. Улицы: Болвановка и Басманная, досель сохранили эту историческую память о Монгольскомъ игѣ.

210. За Варварскими воротами «на Кулишкахъ» въ память Куликовской битвы. Церковь сія построена при Донскомъ и обновлена въ 1687 г.

211. Введенская церковь построена неизвѣстно когда, но возобновлена въ 1749 г. Здѣсь былъ родовой домъ Князя Пожарскаго и самая церковь была у него «ружною», то есть на полномъ его содержаніи.

212. Св. Иліи. Перестроена въ 1653 г.

213. За Златоустовскимъ монастыремъ, въ Армянскомъ переулкѣ, близъ Покровки. На этомъ мѣстѣ стоялъ родовой домъ Боярина Артамона Матвѣева и здѣсь онъ похороненъ вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ слугой, собравшимъ его мученическіе останки.

214. Новодѣвичій монастырь, построенъ въ 1524 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ Москвичи провожали икону Смоленской Божіей Матери изъ Москвы въ Смоленскъ и откуда она отправилась въ дальнѣйшій путь. Тутъ похоронена Царевна Софія, сестра Петра Великаго.

215. Даниловъ монастырь, за Серпуховскими воротами, построенъ въ XIII столѣтіи Св. Даніиломъ, сыномъ Невскаго и первымъ «Княземъ Московскимъ.»

216. Соборная, въ Крутицахъ. Она построена тоже въ XIII столѣтіи и Св. Княземъ Даніиломъ.
217. За Калужскими воротами, построенъ Царемъ Θеодоромъ Іоанновичемъ въ 1591 г. Въ немъ чудотворная икона Божіей Матери, принадлежавшая Димитрію Донскому.
218. Во время Московской чумы.
219. Основанъ въ 1370 г. Преподобнымъ Θеодоромъ, ученикомъ Св. Сергія.
220. На Старомъ Симоновѣ. При перестройкѣ этой церкви въ 1763 г. найдены гробы Пересвѣта и Осляба.
221. На берегу Яузы. Построенъ въ 1360 г. тоже благословеніемъ Св. Сергія. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Андроника и Саввы учениковъ Сергія Радонежскаго.
222. Заиконоспасскій ставропигіяльный, на Никольской улицѣ въ Китай-городѣ. Тутъ была основана Царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ Славяно-Греко-Латинская Академія въ 1679 г.
223. Въ Бѣломъ-городѣ. Основана В. К. Василіемъ Димитріевичемъ, въ 1395 г. въ память избавленія Россіи отъ Хана Темиръ-Аксака, на мѣстѣ, гдѣ «срѣтили» чудотворную икону Владимірской Божіей Матери, принесенную изъ Владиміра.
224 На Воробьевыхъ горахъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось соорудить «Соборъ Христа Спасителя.»
225. Въ селѣ Измайловѣ учреждена теперь Военная Богадѣльня по образцу Чесменской.
226. «Потѣшная рота» сформирована была первоначально въ селѣ Семеновскомъ.
227. Въ селѣ Преображенскомъ учреждены гвардейскіе полки «Преображенскій» и «Семеновскій.»
228. Свято-Троицкая Сергіевская Лавра, въ 64 верстахъ отъ Москвы, основана Преподобнымъ Сергіемъ въ 1337 г. Послѣ нашествія Эдигея, возобновлена въ 1393 г. Преподобнымъ Никономъ.
229. Троицкій соборъ возобновленъ въ 1811 г. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Сергія, преставившагося въ 1360 г.

230. Въ надгробной палаткѣ надъ семействомъ Годунова, похоронены; онъ самъ, жена его Марія, сынъ Θеодоръ и дочь Ксенія.
231. Дворская интрига и правдолюбіе ученаго Максима-Грека, были причиной его гибели.
232. Церковь надъ гробомъ Никона, построена въ 1779.
233. Выше сего было уже сказано (въ примѣч. къ октавамъ о Соловецкомъ монастырѣ), что Князь Пожарскій выданъ былъ «головою» Салтыкову. Архимандрита Діонисія «морили шесть недѣль на полатяхъ въ дыму́!» Діонисій, Палицинъ и многіе изъ Лаврскихъ старцевъ, были сосланы на Соловки изъ-за дворскихъ интригъ.
234. Деулино село близъ Лавры. Тутъ заключенъ миръ съ Польшей въ 1637 г.
235. Въ память осады Лавры Поляками въ 1610—1611 гг. Онъ воздвигнутъ знаменитымъ Митрополитомъ Платономъ.
236. Спасо-Виθанская обитель построена Платономъ же, въ 1783 г. Въ предѣлѣ Лазарева Воскресенія стоитъ его гробъ. Въ Виθанскомъ соборѣ, алтарь въ подражаніе горѣ Θавору сдѣланъ на подобіе горы.
237. Воскресенскій монастырь, общеизвѣстный подъ названіемъ «Новаго Іерусалима», основанъ въ 1665 г. по модели Іерусалимскаго храма, которая была нарочно для сего привезена въ Россію. Тутъ въ соборѣ, точное подражаніе пещерѣ Св. Гроба. И могила Патріарха Никона, по мысли коего сооружены всѣ сіи воспоминанія Св. мѣстъ Палестинскихъ.
238. Такъ называемый «скитъ» Никона, въ которомъ онъ любилъ уединяться для молитвы и занятій дѣлами.

---

239. Славная Бородинская битва 26 Августа 1812 г.
240. На «батареѣ Раевскаго» и «Семеновскомъ редутѣ.» Князь Багратіонъ скончался 12 Сентября 1812 г. въ селѣ Симахъ близъ Москвы, отъ раны, по-

лученной въ Бородинскомъ сраженіи. Онъ и былъ тутъ похороненъ, но въ 1839 г. при освященіи Бородинскаго памятника, перенесенъ сюда и положенъ подъ самый памятникъ.

241. Бородинскій женскій монастырь основанъ вдовой Генералъ-Майора Тучкова, убитаго въ день Бородинской битвы. Она постриглась и была въ немъ первой Игуменьей.

242. Молодой Генералъ и поэтъ Графъ Кутайсовъ, тоже убитый подъ Бородинымъ.

243. В. А. Жуковскій, авторъ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ.»

244. Село Тарутино, находится въ Калужской губерніи. Оно прославлено битвой 6 Октября 1812 г. Тарутинскій памятникъ воздвигнутъ иждивеніемъ самихъ крестьянъ (бывшихъ Графа Н. П. Румянцева, по отпущенныхъ имъ на волю).

245. Воевода Князь Волконскій, павшій здѣсь въ битвѣ съ Поляками въ 1611 г.

246. Сраженіе подъ Малымъ-Ярославцемъ происходило 22 Октября 1812 г. Въ немъ смертельно раненъ извѣстный Генералъ П. С. Дороховъ и похороненъ въ Вереѣ.

247. Успенскій соборъ въ Смоленскѣ, одно изъ образцовыхъ произведеній архитектуры, начатъ В. К. Владиміромъ Всеволодовичемъ въ 1101 г. Послѣ многихъ раззореній, окончательно отдѣланъ въ 1772 г.

248. Чудотворная икона Смоленской Божіей Матери, принесена изъ Царяграда Анной, дочерью Императора Константина Багрянороднаго, вышедшею въ замужество за Князя Всеволода Ярославича Черниговскаго въ 1398 г. Въ 1418 г. перенесена была въ Москву, но по просьбѣ Смолянъ возвращена въ Смоленскъ. По преданію, она писана (какъ и Владимірская икона въ Москвѣ) Евангелистомъ Лукою.

249. Авраамiевъ монастырь, построенъ въ XII вѣкѣ. Въ Преображенскомъ соборѣ почиваютъ мощи Св. Священномученика Меркурія и основателя

этой обители Преподобнаго Авраамія. О Меркуріи, смотр. сказаніе въ «Хронографѣ.»

250. Смоленскій дворянинъ, разстрѣлянный Наполеономъ въ 1812 г. за отказъ сообщить свѣдѣнія объ русской арміи. На мѣстѣ казни его, ему поставленъ памятникъ.

251. Бояринъ Шеинъ, казненъ будто бы за потерю сраженія противъ Поляковъ.

252. Въ Оршинскомъ монастырѣ. Мать моя, Марія Никитична изъ Бѣлорусскаго дворянскаго дома Черняевыхъ.

253. Смотр. поэму Мицкевича «Конрадъ Валленродъ.»

254. Гибельная для Французовъ переправа черезъ Березину происходила 16 и 17 Ноября 1812 г.

255. Въ 1794 г.

256. Принесенный изъ Іерусалима Св. Евфросиніей, Княжной Полоцкой.

257. Генералъ-Майоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ, убитъ въ сраженіи близъ Люцена 20 Іюля 1812 года и похороненъ на мызѣ Соколищи, въ Псковской губерніи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ родился въ 1763 г.

258. Извѣстный партизанъ 1812 г. Полковникъ Фигнеръ. Онъ утонулъ въ Эльбѣ, въ 1813 г.

259. Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ, въ Іюнѣ 1812 г.

260. Въ 1831 г. Дибичъ умеръ въ томъ же году, 29 Мая, близъ Пултуска.

261. Битва при Кулевчи и пораженіе Верховнаго Визиря 30 Мая 1829 г.

262. Воля, деревня на лѣвомъ берегу Вислы. Здѣсь, на полѣ, избирались въ старину Польскіе Короли. Она взята штурмомъ 24 Августа 1831 г.

263. При покореніи Польши Суворовымъ, въ 1794 г., Октября 23.

264. Императору Александру I.

265. Астронома Коперника.

266. Сигисмунда II, умершаго въ 1512 г.

267. Здѣсь въ замкѣ Воеводы Мнишека, Чудовскій бѣглецъ, Гришка Отрепьевъ, выдалъ себя за Царевича Димитрія.

268. Императора Александра I, въ память союза съ Пруссіей въ 1813 г.
269. Смотр. Лѣтопись Василія (продолжателя Нестора).
270. На мѣстѣ Альтской битвы воздвигнутъ крестъ Протоіеремъ Кутневичемъ въ 1759 г.
271. Преображенскій Черниговскій соборъ, построенъ въ 1024 г., а совершенно оконченъ лишь въ 1787 г. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Великаго Князя Игоря убитаго Кіевлянами 5 Іюня 1147 г.
272. Елецкой Божіей Матери.
273. Курганъ, называемый «Шведской могилой», насыпанъ надъ костями воиновъ, падшихъ въ Полтавской битвѣ.
274. На курганѣ водруженъ рукой Петра Великаго деревянный крестъ.
275. Св. Спаса, въ которомъ молился Петръ Великій, по окончаніи Полтавской битвы.
276. Въ память Полтавской побѣды.
277. Харьковскій Университетъ учрежденъ 5 Ноября 1804 г.
278. Малороссія дала общему отечеству много людей замѣчательныхъ на всѣхъ поприщахъ умственной дѣятельности: Разумовскаго, Кочубея (Князя), Безбородку, Гоголя, Петра Могилу, Леванду, философа Сковороду, поэта Капниста и другихъ.
279. Онъ сожженъ живой въ мѣдномъ быкѣ въ Варшавѣ.
280. Кіевская Св. Софія основана Ярославомъ I въ 1037 г., вмѣсто сгорѣвшей деревянной въ 1017 г. на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ побѣждены Печенеги. Послѣ многихъ раззореній и долгаго запустенія, она наконецъ стараніями Митрополита Петра Могилы отстроена окончательно. Въ ней почиваютъ мощи Св. Священномученика Макарія, Митрополита Кіевскаго, убитаго Татарами въ 1497 г.
281. Законодатель «Русской Правды.»
282. Мстиславъ Великій, Князь Черниговскій.
283. Смотр. его «Поученіе.»
284. Князь Юрій Долгорукій, начавшій единеніе Руси.
285. Митрополитъ Пертъ Могила былъ возобновителемъ многихъ святынь Кіевскихъ, защитникомъ русской

народности отъ напора полонизма, ревнителемъ православія и просвѣщенія.

286. Знаменитый Митрополитъ Евгеній, одинъ изъ даровитѣйшихъ изыскателей русской старины.

287. Протоіерей Св. Софійскаго собора и краснорѣчивый проповѣдникъ.

288. Графъ Гудовичъ († 1820) и Князь Сакенъ († 1837) Генералъ - Фельдмаршалы.

289. Десятинный храмъ Пресвятой Богородицы, основанный Св. Владиміромъ, разрушенный Батыемъ, отстроенъ вновь помѣщикомъ Анненковымъ.

290. Св. Княгиня Ольга, была похоронена (по преданію) въ Десятинномъ храмѣ.

291. Выдубицкая обитель, построена В. К. Всеволодомъ въ 1088 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ брошенный въ Днѣпръ истуканъ Перуна (при введеніи христіанства) вынесенъ былъ волнами на берегъ.

292. Злато-Верхо-Михайловскій монастырь, построенъ былъ въ 1108 г. В. К. Святополкомъ Изяславичемъ.

293. Мощи Св. Великомученицы Варвары, принесены изъ Царяграда въ Кіевъ, Греческой Царевной Варварой, супругой Святополка II.

294. Федоровской Божіей Матери, чудотворная. Въ Федоровскомъ монастырѣ помѣщается Кіевская Духовная Академія.

295. Учрежденный 26 Іюля 1834 г.

296. Владимірская Кіевская Военная Гимназія (бывшій Кадетскій Корпусъ).

297. Гора. близъ Кіева.

298. Кіево-Печерская Лавра, основана въ 1017 г. Преподобнымъ Антоніемъ. Для подробностей о сей великой обители смотр. «Описаніе Лавры», изданное въ 1838 г.

299. Глава Св. Владиміра, хранится въ Успенскомъ Лаврскомъ соборѣ.

300. Успеніе Пресвятой Богородицы.

301. Первый Кіевскій Митрополитъ, преставившійся въ 1067 г.

302. Св. Антоній и Ѳеодосій, Печерскіе Чудотворцы и основатели Лавры.

303. Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, скончался 8 Декабря 1796.
304. Графъ Н. П. Румянцевъ, Государственный Канцлеръ, снарядившій на свой счетъ первую ученую морскую экспедицію русскихъ вокругъ свѣта и основавшій «Румянцевскій Музей» (нынѣ перенесенный въ Москву), скончался въ 1826 г. и похороненъ въ городѣ Гомелѣ (Могилевской губерніи).
305. Искра и Кочубей, казнены по извѣту Мазепы.
306. Дочь Генералъ-Фельдмаршала Графа Б. П. Шереметева, Наталья Борисовна была замужемъ за Княземъ И. Долгоруковымъ, казненнымъ въ Новгородѣ въ 1730 г. и жила съ мужемъ въ Сибири (въ г. Березовѣ Тобольской губерніи).
307. Автора поэмы «Наталья Долгорукова.»
308. Преподобный Несторъ, первый русскій лѣтописецъ.
309. Возобновлена въ 1695 г. На этомъ мѣстѣ стояло капище Перуна.
310. Остатокъ «Златыхъ Вратъ» нынѣ тщательно поддерживается.
311. Сперва деревянный, потомъ заложенъ каменный и оконченъ въ 1767 г.
312. Въ Вышгородѣ, была сперва церковь Св. Василія Великаго. Потомъ перестроена В. К. Изяславомъ I, который перенесъ въ нее мощи Св. Князей Бориса и Глѣба, 12 Мая 1072 г.
313. Смотр. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» Преподобнаго Нестора.
314. Слѣдовъ Почайны давно уже нѣтъ и на ея мѣстѣ, какъ полагаютъ, нынѣ городской выгонъ.
315. «Крещатикъ» мѣсто, на которомъ крещены Кіевляне. Теперь тутъ воздвигнутъ памятникъ.

---

316. Нынѣ южныя военныя поселенія упразднены и обращены въ гражданское вѣдомство.
317. Послѣ Полтавской битвы.
318. Основанъ Екатериной II, въ 1787 г.

319. Говардъ (Howard) Англійскій филантропъ, преобразователь тюремъ, умеръ путешествуя по Россіи близъ Херсона и сперва похороненъ тамъ; но Графиня Екатерина Потоцкая, почитательница этого замѣчательнаго человѣка, перенесла его гробъ въ Подолію (Брацлавскаго уѣзда, въ село Ковалевку).
320. Днѣпровскіе пороги, знамениты въ Лѣтописяхъ какъ мѣсто отдыха и жертвоприношеній у языческихъ руссовъ.
321. Запорожская Сѣча уничтожена при Екатеринѣ II.
322. Статуя Князя Потемкина - Таврическаго стоитъ на площади, а гробъ въ Преображенскомъ соборѣ.
323. Такъ называли наши древніе лѣтописцы Черное море.
324. Бендеры взяты дважды Русскими, въ 1770 и 1789 г. Въ Бендерахъ жилъ Шведскій Король Карлъ XII, бѣжавшій въ Турцію послѣ Полтавской битвы.
325. Статуя Герцога Ришелье, поставлена на Одесскомъ бульварѣ.
326. Блаженный Патріархъ Григорій, удавленъ по повелѣнію Султана Махмуда въ 1821 г. Онъ почиваетъ въ Одесскомъ Греческомъ монастырѣ.
327. Въ поэмѣ «Чайльдъ — Гарольдъ.»
328. Иннокентій Архіепископъ Херсонскій и Таврическій, преставился 26 Мая 1857 г. въ Одессѣ. Онъ былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ проповѣдниковъ нашего времени.
329. Полуостровъ, знаменитый ристаніями Ахиллеса. На мысѣ Айдосѣ (откуда Тавры свергали пловцовъ, потерпѣвшихъ крушеніе) находился храмъ Діяны, въ которомъ Ифигенія была жрицей. Смотри трагедію Еврипида «Ифигенія въ Авлидѣ.» Нынѣ на этомъ мѣстѣ Георгіевскій Греческій монастырь.
330. «Крымскіе сонеты.»
331. «Бахчисарайскій Фонтанъ.»
332. Князь Долгоруковъ-Крымскій, покоритель Крыма.
333. Нынѣ Бахчисарайскій дворецъ реставрированъ.

334. Алупка, имѣніе Князя М. С. Воронцова. Нынѣ ему поставлена статуя въ Одессѣ.
335. Имѣніе Государыни Императрицы.
336. Генуезцы и Венеціяне, долго держались въ Крыму, почти до исхода XV столѣтія.
337. Капитанъ-Лейтенантъ, извѣстный блистательной битвой его брига «Меркурія» противъ двухъ турецкихъ линейныхъ кораблей.
338. Адмиралъ Нахимовъ, побѣдитель при Синопѣ, раненъ смертельно 28 Іюня, скончался 30 Іюня, 1856 г. Адмиралъ М. П. Лазаревъ, командовавшій кораблемъ «Азовъ» подъ Наваринымъ. Адмиралъ А. С. Грейзъ, много лѣтъ бывшій Главнымъ Командиромъ Черноморскаго флота.
339. Смотр. «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» В. А. Жуковскаго.
340. Князь М. Д. Горчаковъ, Намѣстникъ Царства Польскаго и Главнокомандующій I Арміей.
341. По его предсмертному желанію (онъ скончался въ Вѣнѣ) гробъ его былъ перевезенъ въ Севастополь и опущенъ въ землю на кладбищѣ убитыхъ въ осаду 1854—1855 г.
342. Вице-Адмиралъ Корниловъ, былъ Начальникомъ штаба Черноморскаго флота. Ему оторвало ногу подлѣ самаго живота и онъ скончался 6 октября 1854 г. Контръ-Адмиралъ Истоминъ, убитъ 7 Марта 1855 г.
343. Генералъ отъ Кавалеріи Реадъ и Генералъ-Майоръ Веймарнъ убиты на рѣчкѣ Черной 4 Августа 1855 г.
344. Артиллеріи Генералъ-Майоръ. Полковникъ Зацѣпинъ, убитый 10 Мая 1855 г., извѣстенъ своей картиной: «монастырки на клиросѣ».
345. Флигель-Адъютантъ.
346. Князь А. С. Меньщиковъ, бывшій Главнокомандующимъ до 19 Февраля 1855 г. Графъ Д. Е. фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ. Графъ Лидерсъ, бывшій потомъ Намѣстникомъ въ Польшѣ. Генералъ-Адъютантъ Тотлебенъ, нынѣ Директоръ Инженернаго Управленія въ Военномъ Министерствѣ.
347. Генералы, командовавшіе частями при осадѣ Севастополя.

348. Іеромонахъ 45-го флотскаго экипажа, Іоанникій Савиновъ, прославившійся своимъ мужествомъ въ ночной вылазкѣ 11 Марта 1855 г. Награжденъ Орденомъ Св. Георгія 4-ой степени 15 Мая того же года. Вице-Адмиралъ Панфиловъ, прикрывавшій переходъ русскихъ войскъ на сѣверную сторону Севастополя, послѣ оставленія города.

349. Вице-Адмиралъ Новосильскій, командовавшій флотской бригадой подъ Синопомъ. Генералъ-Лейтенанты Собашинскій и Павловъ, командовавшіе отдѣльными частями. Контръ-Адмиралъ Заринъ, прославившійся своимъ мужествомъ. Графъ Орловъ-Денисовъ, сынъ сподвижника Александра I въ 1812—1815 гг., Флигель-Адъютантъ Бирилёвъ гроза непріятеля въ ночныхъ вылазкахъ изъ Севастополя.

350. Генералы, командовавшіе отдѣльными частями. Князь В. И. Васильчиковъ, сынъ покойнаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

351. Тогда Лейтенантъ 36-го экипажа, Петръ Завалишинъ, прославившійся какъ и Бирилёвъ своими ночными вылазками. Онъ получилъ за Севастопольскую осаду: Св. Владиміра 4-ой степени, Св. Георгія 4-ой степени и золотую саблю съ надписью «за храбрость».

352. По Высочайше утвержденному 10 Февраля, 1858 г. докладу Генералъ-Адмирала на развалинахъ древняго Херсониса, учрежденъ первоклассный монастырь; а въ Севастополѣ, на общей могилѣ Адмиралъ (Нахимова, Истомина, Корнилова и Лазарева) строится церковь и при ней Инвалидный Домъ для моряковъ.

353. Извѣстно, что Овидій былъ сосланъ сюда Августомъ.

354. Переправа черезъ Дунай, въ 1828 г.

355. Раскопка древнихъ Керченскихъ кургановъ, доставила много драгоцѣнныхъ остатковъ Греческихъ, Римскихъ и Понтійскаго царства Митридата. Они хранятся нынѣ въ Керченскомъ музеѣ.

356. Императоръ Александръ I, скончался 19 Ноября

1825. г. Статуя его поставлена на площади передъ дворцомъ.

357. Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, умеръ въ слободѣ Еланьчицкой 3 Января 1818 г. Прахъ его покоится въ Вознесенскомъ Новочеркасскомъ соборѣ.

358. «Общество распространенія христіанства на Кавказѣ», основанное въ 1862 г.

359. Пятигорскъ при рѣкѣ Подкумкѣ и въ 40 верстахъ отъ него Кисловодскъ, знаменитый своими сѣрными и кислыми водами.

360. Самый высокій пикъ Кавказскихъ горъ.

361. Главнокомандующій Князь Циціяновъ, измѣнически убитый подъ Баку, похороненъ въ Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ.

362. Поэтъ Грибоѣдовъ убитъ въ Тагеранѣ въ 1829 г. и похороненъ въ Тифлисскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ.

363. Шамиль взятъ въ плѣнъ въ 1859 г.

364. Эривань покорена въ 1827 г. Эчьмеадзинскій монастырь, святыня Армянскаго народа. Въ немъ пребываетъ Патріархъ-Католикосъ Гайканскаго народа. Монастырь сей построенъ у подошвы ветхозавѣтнаго Арарата.

365. «Энеида» Виргилія.

366. Дербентъ покоренъ Петромъ Великимъ въ 1703 г.

367. Нефтяные источники. Индійцы-Гебры, соорудили, надъ сими вѣчными огнями, капище.

368. Знаменитый своими рыбными ловлями.

369. Астрахань покорена въ 1554 г. Астраханскій соборъ начатъ въ 1602 г., а окончательно отдѣланъ лишь въ 1710 г.

370. Я родился въ Астрахани 16 Сентября 1808 г. Отецъ мой былъ тогда въ чинѣ Генералъ-Майора, Астраханскимъ Комендантомъ и Шефомъ Астраханскаго Гарнизоннаго Полка.

---

371. Киргизская степь простирается отъ Каспійскаго моря до предѣловъ Джунгаріи въ Западной Сибири.

372. Городъ въ Землѣ Уральскаго Козачьяго войска.
373. Памятникъ Карамзину поставленъ въ Симбирскѣ. на площади, названной «Карамзинскою.»
374. На острову рѣки Воронежа, впадающей въ Донъ. Петръ Великій заложилъ тутъ первую верфь и здѣсь снаряжалась Азовская экспедиція въ 1696 г. Нынѣ тутъ устроенъ публичный садъ.
375. Мощи Св. Епископа Митрофана, Воронежскаго чудотворца, открыты въ 1834 г. и находятся нынѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ.
376. Рождественская Коренная пустынь, въ 27 верстахъ отъ Курска, основана около 1300 г. по случаю явленія тутъ чудотворной иконы Знаменія Пресвятой Богородицы па «корени» дерева. Здѣсь бываетъ ежегодная ярмарка, одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи.
377. Куликовское поле, на берегу рѣчки Непрядвы близъ истоковъ Дона, въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Здѣсь Димитрій Донской одержалъ побѣду надъ Мамаемъ 8 Сентября, 1320 г. Теперь, па симъ мѣстѣ, находится село Рождественское и воздвигнутъ памятникъ.
378. Рѣчка, протекающая по̀ полю битвы.
379. Гдѣ были въ засадѣ Князь Владиміръ Храбрый и Воевода Волынскій.
380. Трагедія Озерова «Димитрій Донской.» Она была играна въ первый разъ на Петербургскомъ театрѣ въ 1812 г. предъ нашествіемъ Наполеона.
381. Великій Князь Николай Александровичъ, родился 8 Сентября 1843 г., скончался 12 Апрѣля 1865 года.
382. Великокняжескій Успенскій соборъ на берегу Трубежа, начатъ въ 1684 г. на мѣстѣ древняго разрушеннаго Татарами, а оконченъ лишь въ 1806 г. Чудотворная Ѳедотьевская икона, явилась въ 1487. г.
383. Татары (слѣдъ нашествія Батыя) остались доселѣ въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Ханъ ихъ, крещенный при Іоаннѣ IV и названный Симеономъ, получилъ титулъ «Царя».
384. Владиміръ на Клязьмѣ, существуетъ съ X вѣка и

былъ столицей Великокняжества до 1328 г. Раззоренъ Батыемъ въ 1237 г. и вторично Татарами же въ 1410 г. Успенскій соборъ стоитъ на самомъ берегу Клязьмы и основанъ въ 1158 г. Андреемъ Боголюбскимъ, много разъ былъ раззоряемъ и окончательно возстановленъ лишь въ 1774 г. при Екатеринѣ II. Великій Князь Андрей Георгіевичъ Боголюбскій, убитый 29 Іюня 1174 г., покоится въ симъ соборѣ. Тутъ же и мощи Св. В. К. Георгія Всеволодовича, убитаго на Сити Татарами 4 Февраля 1238 г. Владимірскія же «златыя врата» очивидное подражаніе Кіевскимъ и Цареградскимъ.

385. Спасо-Евфимьевскій мужской монастырь въ городѣ Суздалѣ (Владимірской губерніи) построенъ въ 1352 г. Въ немъ похороненъ знаменитый Князь Д. М. Пожарскій. Надъ могилой его воздвигнутъ теперь памятникъ.

386. Въ Ярославской губерніи.

387. Теремъ Св. Царевича Димитрія, сохранился до сихъ поръ въ Угличѣ.

388. Ярославскій Демидовскій Лицей, основанъ Павломъ Григорьевичемъ Демидовымъ, умершимъ въ 1821 г.

389. Ярославскій Успенскій соборъ, построенъ въ 1646—1744 г. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Князей Василія и Константина, Ярославскихъ Чудотворцевъ.

390. Макарьевскій на Унжѣ монастырь, основанъ въ 1439 г. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Макарія, Унженскаго чудотворца, преставившагося 25 Іюля, 1504 г.

391. Ипатьевскій Троицкій монастырь основанъ въ 1330 г. родоначальникомъ Боярскаго дома Годуновыхъ, Татарскимъ Мурзой Четомъ. Здѣсь жилъ до своего избранія на Царство (1613 г.) юный Михаилъ Романовъ, съ матерью своей Великой Инокиней Мароѳой.

392. Статуя Сусанина, поставлена въ Костромѣ на «Сусанинской» площади.

393. Это историческое село, родина сказочнаго «Ильи

Муромца», принадлежитъ нынѣ Графу А. С. Уварову.

394. Въ Муромскомъ Благовѣщенскамъ соборѣ, воздвигнутомъ Іоанномъ IV въ 1563 г. въ память взятія Казани, почиваютъ мощи: Св. Князей Константина и чадъ его, Петра и Св. Княгини Февроніи, Муромскихъ чудотворцевъ.

395. Нижегородскій Преображенскій соборъ построенъ въ 1252 г. Въ немъ гробницы многихъ Нижегородскихъ Князей и лежитъ знаменитый Козьма Мининъ.

396. Казанскій Епископъ, ученикъ Св. Гурія.

397. На мѣстѣ, гдѣ былъ Зилантовъ монастырь. Этотъ памятникъ съ церковью внутри его, сооруженъ въ видѣ пирамиды и освященъ въ 1823 г. во имя Всемилостиваго Спаса.

398. Казанскій каѳедральный Благовѣщенскій соборъ, воздвигнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Іоаннъ IV водрузилъ крестъ по взятіи города. Въ немъ почиваютъ мощи Св. Гурія, перваго Епископа земли Казанской, преставившагося въ 1576 г.

399. Казанскій Богородицкій Дѣвичій монастырь, основанъ на мѣстѣ обрѣтенія чудотворной иконы Казанской Божіей Матери въ 1579 г.

400. Статуя Державина поставлена предъ Университетомъ.

401. Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ.

402. Церковь надъ Арскими воротами, во имя входа въ Іерусалимъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло Царское знамя.

403. Подлѣ Спасо-Преображенскаго монастыря, Іоаннъ IV построилъ тутъ деревянную церковь, но дворянство и купечество Казанскіе воздвигли въ 1801 г. каменную.

404. До сихъ поръ сохранившаяся.

405. «Россіяда» эпопея Хераскова.

406. Архіерейскаго загороднаго дома.

407. Село Богородское-Чирпы, Казанской губерніи, въ Лаишевскомъ уѣздѣ. Нынѣ принадлежитъ родственнику моему П. П. Толстому.

408. Первый Епископъ и Апостолъ древней Біярміи

(нынѣ Пермская губернія). Мощи его почиваютъ въ Москвѣ.

409. Уральскій хребетъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи.

410. Въ Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губеніи.

411. То есть Каму и Пермь, съ Турой и Тюменью, гдѣ начинается пароходство до Томска.

412. Отъ Перми до Ирбити.

413. Пирамида съ гербомъ Царства Сибирскаго, каменная и очень древняя, стоитъ на границѣ Тобольской съ Пермской губерніей, близъ села Тугалыма (Тюменскаго округа, перваго съ въѣзда изъ Россіи въ Сибирь).

414. Первая въ Сибири церковь была построена казаками въ Тюмени, въ 1597 г.

415. Въ Пелымѣ были заточены Иванъ и Василій Никитичи Романовы (послѣдній тутъ и умеръ въ 1602 г.), Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Минихъ (1742—1762 гг.). Регентъ Имперіи Герцогъ Курляндскій Биронъ (1742 г.). Яжилъвъ 1857—1860г.

416. Пелымъ (въ Туринскомъ округѣ Тобольской губерніи) заселенъ Угличанами, сосланными Борисомъ Годуновымъ по дѣлу Св. Царевича Димитрія.

417. Въ Березовѣ (Березовскаго округа Тобольской Губерніи) были заточены: Генералиссимусъ Князь Меньщиковъ и Государственный Канцлеръ Графъ Остерманъ (1727 —1740 гг. и оба тутъ умерли), Князья Долгоруковы (и невѣста Императора Петра II) и Графъ Головкинъ. Въ Якутскѣ племянникъ Мазепы, Войнаровскій.

418. Тобольскій Софійскій соборъ построенъ въ 1686 г.

419. На горѣ, подлѣ Кремля. Памятникъ Ермаку состоитъ изъ гранитной пирамиды и поставленъ въ 1839 г. Кругомъ его разведенъ садъ.

420. Ермакъ утонулъ въ Иртышѣ, въ ночной битвѣ съ Татарами

421. Чудотворная икона Абалацкой Божіей Матери, находится въ Абалацкомъ мужскомъ монастырѣ въ 25 верстахъ отъ Тобольска. Митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ лежитъ въ Софійскимъ соборѣ, близъ коего виситъ и «Угличскій колоколъ», со-

сланный сюда Годуновымъ и въ который били въ набатъ при убіеніи Св. Царевича Димитрія.

422. Бѣжавши изъ Искера (столицы Сибирскаго Ханства, слѣды которой видны въ 17 верстахъ отъ Тобольска) Кучюмъ утонулъ въ Оби.

423. Красноярскъ сдѣланъ губернскимъ городомъ въ 1823 г.

424. Въ Вознесенскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1672 г. почиваютъ мощи Св Епископа Иннокентія, Иркутскаго чудотворца, преставившагося 26 Ноября 1731 г.

425. Байкалъ, называемый иногородцами «святымъ моремъ» (Далай-Поръ).

426. Пристань на Байкалѣ.

427. Самый высокій пикъ Кругобайкальскихъ горъ.

428. Преображенскій мужской монастырь, называемый «Посольскимъ», основанъ въ 1650 г.

429. Московскаго посла, Ерофея Заболоцкаго, убитаго здѣсь Монголами.

430. Селенгой, впадающей въ Байкалъ.

431. Кяхтинская торговая слобода, знаменитая своей чайной торговлей; а по ту сторону нашей границы съ Китаемъ, Китайскій городокъ Маймачень.

432. По трактату, заключенному между Россіей и Китаемъ, подъ нашимъ городомъ Нерчинскомъ (окружнымъ, въ нынѣшней Забайкальской области) 27 Августа 1689 г. нами уступленъ Китаю весь Амуръ и основанный на немъ городъ Албазинъ.

433. Нерчинскіе рудники, гдѣ находятся самыя тяжкія каторжныя работы.

434. Албазинъ взятъ и разрушенъ Китайцами въ 1683 г.

435. По Айгунскому трактату заключенному Графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ съ Китайскими уполномоченными 16 Мая 1858 г. «весь лѣвый берегъ Амура, отъ Аргуни до Океана и правый отъ впаденія въ Амуръ рѣки Уссури до устья Амура, уступлены на вѣчныя времена Россіи».

436. Главный портъ нашъ, на Восточномъ Океанѣ, при впаденіи въ него рѣки Амура.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАНИЦЫ.
Предисловіе	5— 8
Книга I	9— 84
Книга II	49— 83
Книга III	84—119
Книга IV	120—156
Книга V	157—200
Книга VI	201—256
Примѣчанія	257—292

R

СОЧИНЕНІЯ

ИППОЛИТА ИРИНАРХОВИЧА ЗАВАЛИШИНА.

НАПЕЧАТАННЫЯ:

I. «Описаніе Сибири» Томъ I. Западная Сибирь: Тобольская губернія. — Москва. 1862 г. Типогр. Грачева и К°, 414 стр. 8° (изданіе Московск. «Общества распространенія полезныхъ книгъ»), цѣна 70 к. сер. (безъ пересылки).

II. «Описаніе Сибири» Томъ II. Западная Сибирь: Томская губернія. — Москва. 1863 г. Типогр. Грачева и К°, 276 стр. 8° (изданіе Московск. «Общ. распространенія полезн. книгъ»), цѣна 60 коп. (безъ пересылки).

III. «Эпопея тысячелѣтія». — Москва. 1866 г. Типогр. Лазаревскаго инстит. (А. Мамонтовъ), 293 стр. 16°, цѣна 2 руб. сер. (безъ пересылки).

ПЕЧАТАЮЩЕЕСЯ:

IV. «Описаніе Сибири» Томъ III. Западная Сибирь: Сибирско-Киргизская степь (изданіе Московск. «Общ. распростр. полезн. книгъ»).

ИЗГОТОВЛЯЕМЫЯ КЪ ПЕЧАТИ:

V. «Пѣсни историческія». Книга I, II и III.

VI. «Сибирскія воспоминанія». Томъ I.

VII. «Исторія втораго тысячелѣтія русскаго государства». Томъ I. — Общее вступленіе. 1862 годъ.

Примѣчаніе: I и II Томъ «Описанія Сибири» продаются въ складахъ «Общества» въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Харьковѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Одессѣ, Орлѣ, Тулѣ, Калугѣ, Иркутскѣ, Нижнемъ, Твери, Тюмени и прочихъ городахъ. «Эпопея тысячелѣтія» у книгопродавцевъ обоихъ столицъ.

Deacidified using the Bookkeeper proce
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologi
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVAT
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00023289568